

**СБОРНИК
ИССЛЕДОВАНИЙ И МАТЕРИАЛОВ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
АРТИЛЛЕРИИ, ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК
И ВОЙСК СВЯЗИ**

ВЫПУСК XIII

2024

Департамент культуры Министерства обороны
Российской Федерации
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи

**СБОРНИК
ИССЛЕДОВАНИЙ И МАТЕРИАЛОВ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
Артиллерии, инженерных
войск и войск связи**

ВЫПУСК XIII

Санкт-Петербург
2024

УДК 351.852.1+355

ББК 79.1+68+63

С 23

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС.

Научный редактор – А. Н. Кайгородцев, кандидат военных наук, профессор.

С 23 Сборник исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Выпуск XIII. – СПб.: ВИМАИВиВС, 2024. – 276 с.

© ВИМАИВиВС, 2024
© Коллектив авторов, 2024

ISBN 978-5-6053146-6-0

I

ИССЛЕДОВАНИЯ

А. П. Галюкевич

СОТРУДНИЧЕСТВО ПАРТИЗАНСКИХ ВРАЧЕЙ И МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Организация партизанского движения на территории Советского Союза начинается с первых дней Великой Отечественной войны. В своем выступлении по радио 3 июля 1941 г. И. В. Сталин заявил о необходимости развертывания партизанского движения на оккупированных территориях. В частности, там отмечалось: «В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия¹». В этот период начинают формироваться первые стихийные партизанские отряды. Партийными и советскими органами конкретизировались формы и методы партизанского движения.

На заседании комиссии Военного совета обороны Ленинграда 1 июля 1941 г. уже был разработан план по организации партизанских отрядов, диверсионных групп и подпольных партийных ячеек на оккупированной территории².

18 июля 1941 г. вышло постановление Центрального Комитета партии «Об организации борьбы в тылу германских войск», в котором были указаны основы работы и организации партизанских отрядов, специальных диверсионных групп и подпольных ячеек для борьбы с оккупантами³.

Первые партизанские отряды и группы, которые действовали в тылу противника, создавались по директиве ЦК ВКП(б) партийными комитетами из актива партии и бойцов истребительных батальонов населенных пунктов и районов, оккупированных противником. Отдельно организация партизанских отрядов шла по линии НКВД СССР. Количество отрядов и групп в тылу противника даже на территориях, близких к линии фронта, первоначально летом 1941 г. было неизвестно, так как не со всеми из них была установлена связь⁴.

Изначально руководство партизанскими отрядами осуществляли созданные в конце июля 1941 г. при областном комитете ВКП(б) тройки. Они устанавливали связь с партизанами в тылу противника и давали руководящие указания по вопросам их боевой деятельности⁵. Одновременно организацией партизанского движения начали заниматься органы госбезопасности. В прифронтовой полосе Ленинградского фронта были созданы 4 оперативных группы из работников обкома ВКП(б) и разведывательного отдела УНКВД ЛО⁶.

Для улучшения руководства и централизации партизанского движения 27 сентября 1941 г. был сформирован Ленинградский штаб партизанского движения (далее – ЛШПД), который координировал все действия партизанских отрядов. Это был первый штаб партизанского движения в СССР.

Летом 1941 г. в Ленинградской области в борьбу с врагом вступили 6 партизанских бригад, 4 батальона и 200 отдельных отрядов⁷. Партизанские отряды, создававшиеся в то время в Ленинграде, были в основном рейдовыми: получив конкретное задание, формирования выполняли его и возвращались на базу в город. Одними из первых были сформированы отряды из студентов и преподавателей института физической культуры им. Лесгафта, которые переходили линию фронта для выполнения задания и возвращались обратно⁸. Первые такие формирования несли большие потери среди личного состава, так как характер ведения боевых действий тогда не предусматривал наличия специально организованной медицинской службы. Не был создан специальный отдел, который управлял бы врачебными кадрами.

Первоначально многие командиры не видели большой необходимости в санитарных работниках в партизанских отрядах, так

как они были малочисленны и совершали только короткие вылазки в тыл врага.

С началом боевых действий летом 1941 г. отсутствие квалифицированных медицинских кадров превратилось в большую проблему, вызванную принципом формирования личного состава партизанских отрядов. Часто в первые отряды на рядовые должности шли невоеннообязанные, которые по состоянию возраста и здоровья не могли служить в Красной Армии. В тяжелых условиях партизанской жизни у многих не выдерживало здоровье. Врача, который мог бы позаботиться о больных, не было, поэтому отряды возвращались в населенные пункты на переформирование, а всех больных отчисляли из подразделения. Таким образом уменьшалась численность личного состава⁹.

Боевые потери от ранений и различных заболеваний заставили задумываться о необходимости медицинского работника в отряде. Так начинает зарождаться медицинская служба у партизан.

В данной статье рассматривается один из самых важных аспектов медицинской службы у партизанских формирований: сотрудничество с местным населением.

Как уже было упомянуто, на начальных этапах формирования партизанских отрядов, поскольку не хватало квалифицированного медицинского персонала, основной формой оказания медицинской помощи была выручка и самопомощь бойцов во время проведения боевых операций. Для партизан во все времена залогом успешного выполнения задания была высокая маневренность и мобильность, поэтому раненые и больные были большой проблемой для командиров и рядовых бойцов отряда. Судьба таких бойцов зависела целиком от командования и решений, которые оно принимало, исходя из различных условий ведения партизанской борьбы.

В качестве примера можно привести ситуацию, которая сложилась в сентябре 1941 г. При попытке прорыва в Ораниенбаумском отряде на минном поле тяжело были ранены несколько бойцов. После немецкого обстрела, отойдя вглубь леса с основными силами, комиссар Ефремов отдал приказ партизану Мильпану пристрелить раненых товарищей, бросив их на носилках в лесу. За это решение Ефремов и Мильпан были переданы военному трибуналу¹⁰. Стоит отметить, что решение уйти из жизни нередко принимали и сами партизаны, так как они не желали обременять

своих товарищей, поэтому если они получали тяжелое ранение осколками мин, то сразу же стреляли в себя¹¹.

Однако, советские партизаны в основном были вынуждены жертвовать своей маневренностью для спасения жизни каждого раненого и больного бойца. Они из последних сил боролись за своих товарищей. Для этого сооружались передвижные лазареты на повозках. Если повозок или лошадей не было, то тогда брали раненых и больных с собой. Но таскать их по болотам на себе на самодельных носилках, которые изготавливались из палаток и палок, при полном марше около 30 километров, было тяжело. А с транспортом часто существовала большая проблема. Либо не было лошади, либо не хватало материалов для изготовления повозок, либо самолеты, которые должны были забирать тяжелораненых и больных партизан в тыл, не могли осуществить полностью эвакуацию из-за нехватки места или прекращения авиационного сообщения с отрядом. Тогда советским партизанам было необходимо довериться местному населению для ухода за ранеными.

В практике взаимодействия с населением, а также в соответствии с инструкцией санинструктора партизанского отряда было распространено оставлять больных бойцов доверенным людям, которые либо участвовали в подпольной работе, либо с них брали расписку о том, что они сохранят в тайне местонахождение у них раненого¹².

На начальном этапе партизанской борьбы командование часто обращалось за содействием к местным врачам из-за недостатка своих военных медиков. Подобную помощь можно разделить на две формы: либо раненого бойца доставляли непосредственно в больницу на оккупированной территории под видом местного жителя, либо врач выезжал специально в отряд для оказания медицинской помощи. Несмотря на то, что местное население подвергалось большой опасности, первая форма сотрудничества с врачами из гражданского населения была более распространенной.

Одним из примеров самоотверженности врачей может служить деятельность Л. С. Радевич, которая работала в больнице в деревне Железнице Дедовичского района. Помимо оказания медицинской помощи в своей больнице она организовала пункт питания для партизан. К ней периодически приходили с различными ранениями, и если рана была серьезной, то бойца оставляли

на несколько дней в больнице¹³. Такая практика была очень рискованной, так как в госпиталь часто наведывались солдаты вермахта, наблюдавшие за тем, чтобы местный медперсонал не оказывал помощи партизанам. Во время одной из таких проверок удалось скрыть нахождение в больнице партизанского командира, сказав, что в данной палате находятся больные брюшным тифом. Поскольку немцы боялись распространения инфекций, то они не стали проверять, и партизан был спасен¹⁴.

Впоследствии Лидия Семеновна вступила в партизанское движение и на протяжении полугода была единственным врачом в Партизанском крае. Ее вклад в борьбу за спасение жизней оценили многие бойцы, которые называли ее матерью и часто благодарили ее в письмах, адресованных начальству¹⁵.

На протяжении всего периода войны существовало несколько таких партизанских краев, и во всех после освобождения территорий начинали функционировать школы, колхозы, а также партизанские госпитали, которые снабжались и обслуживались местными жителями, проходившими обучение, после которого они становились младшим медицинским персоналом¹⁶. В частности, в восстановленные сельские больницы, медпункты Дедовичского района с конца марта по июль 1942 г. обращалось около 2 тыс. человек за медицинской помощью¹⁷.

В зимнее время партизаны часто расселялись среди местного населения на освобожденной территории¹⁸. Там в хатах, которые были отведены под госпиталь, размещались раненые партизаны и местные жители. Осуществляли надзор и уход хозяйки домов, к которым периодически приходили фельдшер и медсестры¹⁹.

Большая часть медикаментов, а также хирургических инструментов привозилась на самолетах, которые также эвакуировали раненых партизан в глубокий тыл²⁰. Однако, часто привозимых медикаментов было крайне недостаточно, поэтому приходилось ходить по деревням, собирать холст, переутюживать его и делать перевязочные бинты. Многие медикаменты доставались через подпольщиков из немецких амбулаторных. Агенты связывались с мирными жителями, которые получали эти медикаменты у немцев, а затем передавали партизанским врачам²¹.

Впоследствии, когда в ЛШПД после 1942 г. начинает формироваться и организовываться медицинская служба, в партизанские

формирования начинают поступать квалифицированные медицинские кадры, и по мере разрастания территорий, которая была под контролем партизан, появляется большое количество стационарных «лесных» госпиталей в глубине партизанского края, где начинают оказывать помощь гражданскому населению уже партизанские врачи.

В 1943–1944 гг. после улучшения ситуации со снабжением медицинскими инструментами и медикаментами появилась больше возможностей для оказания медицинской помощи местному населению. Это было тем более важно, поскольку фашисты, реализуя программу по уничтожению местного населения, стали закрывать больницы и сокращать медицинскую помощь гражданским лицам, которые находились на оккупированных территориях. Лечебные учреждения находились только в крупных населенных пунктах. Местное население больницы не посещало, так как лечение производилось за хлеб и продукты. Вследствие этой пагубной ситуации мирное население было подвержено различным инфекциям. Так как не было профилактической работы среди населения, был распространен сыпной тиф, дизентерия, различные кожные болезни: чесотка, экзема... Именно поэтому, когда на оккупированную территорию приходили партизанские отряды, вся лечебная и профилактическая работа ложилась на медицинский персонал партизанских отрядов и бригад, так как такая помощь была жизненно необходима²².

Для примера можно рассмотреть несколько таких случаев, которые были зафиксированы в мемуарах и документах. Во многих отчетах и воспоминаниях прослеживается, что помимо работы в стационарных партизанских госпиталях врачи выезжали на осмотры в деревни и села для лечения местных жителей²³. Они начинали шефство над гражданскими медработниками, которым поручался для обслуживания ряд деревень. Гражданское население заранее готовилось к этому обходу, выбирая специальное место для того, чтобы врач осмотрел их амбулаторно. Ранения и болезни были самые разные. К тому же часто врачи приезжали для совершения различных срочных операций, которые не могли провести в партизанском госпитале. Например, в 1944 г. был случай, когда местную жительницу Наталью Петрову из деревни Утешанте ранило немецким снарядом. У нее был раздроблен локтевой сустав, начиналось заражение крови (сепсис), необходима была

срочная операция. Хирург А. Сокол и фельдшер Картошкин выехали к больной и в трудных условиях сделали операцию.

Помимо операций и лечения партизанские врачи должны были проводить эпидемиологическую разведку ближайших населенных пунктов. Так как одной из главных и серьезных проблем могло бы стать наличие инфекций и эпидемий, которые могли заразить бригаду, на местных врачей возлагалась важная задача по проведению противоэпидемических мероприятий. В первую очередь врачи проводили разъяснительную работу по предотвращению инфекций, таких как сыпной тиф. Во вторую очередь партизанские врачи докладывали о санитарном состоянии гражданских лагерей, давая рекомендации по улучшению ситуации. Самой распространенной проблемой были вши. С ними боролись простым методом: как можно чаще посещать бани для полноценного мытья²⁴.

При обнаружении сыпного тифа проводились следующие профилактические меры:

- 1) соблюдение карантина на протяжении 14 дней, исключая контакт;
- 2) санитарная обработка самих больных, а также лиц, которые вступали в непосредственный контакт с ними;
- 3) мытье в бане, прожаривание нательного и постельного белья, одежды и обязательное кипячение;
- 4) уборка помещения: мытье полов²⁵.

При осмотре деревень много внимания отводилось проверке качества воды. Почти в каждом отчете об обследовании того или иного населенного пункта значатся рекомендации по улучшению качества питьевой воды. Даже при наличии колодца давали советы по улучшению его в санитарном отношении, например, чтобы у него была крыша. Если колодец отсутствовал, как например, в д. Долговке, то врачи рекомендовали ту воду, которую местные жители набирают из канавы, тщательно кипятить, а не употреблять сырой²⁶.

Немаловажный момент взаимодействия и сотрудничества местного населения и партизан – это пополнение отрядов и бригад жителями из ближайших населенных пунктов. Санитарных работников действительно не хватало, поэтому приходилось докторам и медсестрам набирать курсы из мирного населения. Курсы длились 1,5 месяца, где большое внимание было уделено

вопросам первой помощи в бою, уходу за ранеными и больными, для того чтобы после курсов девушки и мужчины могли сразу же приступить к непосредственным обязанностям в санитарных частях отрядов.

Таким образом, можно сделать вывод, что сотрудничество партизанских врачей и местного населения на протяжении всей битвы за Ленинград было необходимым и очень важным явлением. На первом этапе местное население помогало партизанским формированиям, оказывая неоценимую поддержку в медицинском плане. Без данного взаимодействия партизанское движение не смогло бы добиться таких больших результатов, которые повлияли на ход и события битвы за Ленинград. Однако, мы можем видеть, что по мере разрастания движения народных мстителей уже они начинают оказывать квалифицированную медицинскую помощь местному населению на фоне закрытия медицинских пунктов и больниц, уделяя время уходу не только за ранеными и больными бойцами. Причем, можно отметить, что помощь была самая разнообразная.

¹ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 9–17.

² Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Сб. документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний / отв. сост. К. А. Болдовский. Ч. 1. Июнь 1941 г. – март 1942 г. СПб., 2019. С. 28.

³ В тылу врага: Борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области, 1941 г.: сб. документов. Л., 1979. С. 6.

⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 116. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 2.

⁶ Там же. Л. 4.

⁷ Ленинград. Война. Блокада. Город-фронт: материалы и исследования / отв. сост. П. В. Игнатьев. СПб., 2019. С. 411.

⁸ Книга памяти Ленинградского – Санкт-Петербургского университета. 1941–1945. Выпуск первый. СПб., 1995.

⁹ Крутиков И. И. В прифронтовых лесах: Записки партизана. Л., 1965. С. 23.

¹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 116. Оп. 13. Д. 2. Л. 8.

¹¹ Виноградов И. На берегах Шелони (Очерк о Ленинградском партизанском крае). М., 1963. С. 153.

¹² Гладких П. Ф. Здравоохранение и военная медицина в битве за Ленинград. Глазами историка и очевидцев. 1941–1944 гг. СПб., 2006. С. 438.

¹³ Горят костры партизанские: Воспоминания партизан – участников битвы за Ленинград. Л., 1966. С. 178.

¹⁴ Там же. С. 182.

¹⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1392. Л. 2.

- ¹⁶ Швердалкин П. Р. Героическая борьба ленинградских партизан. Л., 1959. С. 221.
- ¹⁷ Гладких П. Ф. Здравоохранение и военная медицина в битве за Ленинград. С. 437.
- ¹⁸ Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Жуковский; М., 2001. С. 355.
- ¹⁹ С думой о солдате. Воспоминания ветеранов, бывших работников штаба, управления и подразделений тыла Ленинградского фронта / сост. И. П. Коннов. Л., 1989. С. 179.
- ²⁰ Виноградов И. На берегах Шелони. С. 94.
- ²¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 177. Л. 1 об.
- ²² В тылу врага: Борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области. С. 196–198.
- ²³ Гладких П. Ф. Здравоохранение и военная медицина в битве за Ленинград. С. 448.
- ²⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1982. Л. 3.
- ²⁵ Там же. Л. 21.
- ²⁶ Там же. Д. 1789. Л. 32.

А. В. Громов

О ПОДРАЖАНИЯХ «ШУВАЛОВСКОЙ» Артиллерии в западноевропейских странах: реальность и мифология (Обзор материальной части)

Вопрос военно-технического сотрудничества России с зарубежными государствами в XVIII–XIX вв., как и проблема распространения (заимствования) технологий, – это всегда дискуссионный вопрос. Тем более, если речь касается темы, уже успевшей за два столетия всестороннего изучения обзавестись своей собственной устоявшейся мифологией.

Одной из таких сильно мифологизированных тем в истории отечественного военного дела является апокрифическая в своей основе история о «копировании» или, по крайней мере, о *подражании* «шуваловским» образцам артиллерии в западноевропейских странах, в том числе уже в годы Семилетней войны.

Встречаются, например, суждения, в том числе иностранных авторов, что проявившие себя наилучшим образом в ходе битвы при Кунерсдорфе (12 августа 1759 г.), образцы такой артиллерии почти сразу же послужили объектом исследования и последующего *копирования* в Европе. И что отдельные образцы новой «шуваловской» артиллерии, в особенности единороги, были «заимствованы» *пруссакami и австрийцами*, а еще позже, уже в измененном виде, даже *французами*¹.

Действительно, то впечатление, которое шуваловские гаубицы и единороги произвели на противника, в ряде стычек было шокирующим. Хотя известная цитата прусского короля Фридриха II после битвы при Кунерсдорфе: «*Я ничего так не боюсь, как русских пушек*», – оказалась апокрифом², он все равно оценивает русскую артиллерию гораздо выше французской: «*mes oursomanes ne sont pas des Français, et l'artillerie de Soltykoff vaut cent fois mieux que*

celle de Contades»³. Также гусарский ротмистр Притвиц, спасший жизнь короля в ходе отступления, описывает «секретную» гаубицу Шувалова как грозное оружие, способное уничтожить целый взвод одним выстрелом⁴.

В реальности, однако, соображения «за» и «против» копирования новых и еще мало привычных образцов артиллерии, созданной русскими, могли быть самыми разными, в том числе глубоко политическими.

По сообщениям французского историка А. Рамбо, король Франции Людовик XV в инструкции своим дипломатам в С.- Петербурге *фактически запретил* принимать подарочный образец орудия, изготовленного в России. Хотя союзное австрийское правительство к тому моменту *уже имело предоставленные русскими образцы*⁵. Аргументация при этом была крайне далека от союзнической риторики: король отказывается принять подарок русской императрицы (и вместе с ним – офицера-инструктора) только из-за того, «*чтобы не поощрять гордость мсье Шувалова*» (sic!)⁶.

Но это вовсе не означает, что волонтеры-французы на службе австрийского императора не могли ознакомиться с разработками П. И. Шувалова *неофициально* – в качестве офицеров-артиллеристов австрийской армии. Фундаментальный труд «История отечественной артиллерии» действительно сообщает о поступившем запросе австрийской императрицы к Елизавете Петровне, датированном 1758 г., с просьбой поставить в Австрию несколько единиц «шуваловской» артиллерии⁷.

Кроме «секретных» гаубиц (в варианте 1753 г.) и единорогов в просьбе австрийской стороны содержалось также желание императрицы австрийской получить к ним *документацию и объяснения к чертежам* (sic!), а также просьба прислать команду русских артиллеристов для проведения в Австрии *показательных проб со стрельбами*⁸. В ответ на это Елизавета Петровна «Высочайше повелеть соизволила» генерал-фельдцейхмейстеру графу П. И. Шувалову оказать австрийским союзникам всю возможную помощь. После чего, по Ее Императорского Величества именному рескрипту, в Вену были отправлены *13 шуваловских гаубиц и 10 единорогов* разных калибров.

Известно также, что практические испытания этих новых для европейцев орудий производились летом 1759 г. в местечке

Обергасинг, неподалеку от Вены, и что присутствовавший при этом князь Лихтенштейн (генерал-директор артиллерии Австрии), будто бы распорядился отлить в арсенале одну «секретную» гаубицу обновленного образца (1758 г.). И эта гаубица в итоге будто бы была отлита⁹.

При этом составители «Истории отечественной артиллерии» всерьез полагают, что на практических стрельбах близ Обергасинга присутствовал и Ж.-Б. Грибоваль¹⁰, находившийся в тот момент на австрийской службе¹¹.

Из этого лаконичного, но при этом достаточно беспристрастного описания, как и последующего рассказа, вроде бы должен следовать неизбежный логичный вывод со стороны читателя, что австрийская артиллерия остановилась буквально в шаге от подражания разработкам П. И. Шувалова или, по крайней мере, от отливки опытной партии единорогов для проведения испытаний в войсках. Однако на самом деле все обстоит не так просто.

Действительно, в военном музее в Вене (*Heeresgeschichtliches Museum*) сейчас хранится русский $\frac{1}{4}$ -пуд. единорог, отлитый в С.-Петербурге в 1757 г.¹², и он, по-видимому, в самом деле остался в венском Цейхгаузе именно с тех времен. Однако следов отливки «секретной» гаубицы на арсеналах Вены или же Граца по документам Государственного архива в Вене (*Österreichisches Staatsarchiv*) обнаружено все же не было. Кроме того, и об австрийской копии «секретной» гаубицы в музеях Вены (*Heeresgeschichtliches Museum*) и Граца (*Landeszeughaus, Graz*) на самом деле ничего не известно.

При этом стоит отметить, что на примере действий австрийцев или французов мы наблюдаем дифференцированный подход к артиллерии, разработанной П. И. Шуваловым в разных странах Европы в этот период.

Как можно легко убедиться из французской и немецкой историографии XVIII–XIX вв., в Саксонии, Австрии, Франции или Пруссии эти трофейные (или подаренные самими русскими) образцы орудий встречали совершенно по-разному, а их оценки были принципиально различны – от прагматично-благожелательных (у австрийцев) и до скептических.

С учетом преднамеренного флера тайны (создание информационного вакуума вокруг шуваловских разработок) или, в отдельных случаях, *преднамеренной дезинформации*,

распространяемой вокруг этих орудий русским правительством, по-другому и не могло быть. При этом следует понимать, что в *описаниях* очевидцев событий действия как единорогов, так и «секретных» шуваловских гаубиц описываются все время *совместно*, и зачастую *без разделения*.

Поэтому и в современной (в том числе российской) историографии вопроса *и достоинства, и недостатки* двух этих типов новой «шуваловской» артиллерии часто приписываются огульно и без какого-либо отдельного рассмотрения.

Лучшим примером подобного рода путаницы является характерный пассаж о шуваловской артиллерии, содержащийся в монографии Ю. Ю. Ненахова «Войны и кампании Фридриха Великого». Автор не просто путает эти орудия между собой (и с позднейшими французскими гаубицами сист. Грибовалля), но и вообще «упраздняет» единорог в русской армии после смерти П. И. Шувалова (sic!). По его мнению, «*Единороги были сняты с вооружения сразу после смерти П. И. Шувалова в 1762 году. Что касается “долголетия”, то это объясняется совсем просто: при Екатерине, Павле и Александре “единорогами” по традиции называли все гаубицы, созданные на основе грибовалевской системы и уже не имевшие с шуваловскими ничего общего*»¹³.

И несмотря на то, что это досадное заблуждение было весьма подробно разобрано в специальной заметке Е. И. Юркевича еще в 2002 г.¹⁴, сама тенденция к непреднамеренному смешиванию двух этих типов орудий в рамках общеисторических обзорных исследований порой встречается до сих пор. Больше того, даже участники событий, принимавшие в Семилетней войне непосредственное участие, далеко не всегда разделяют эти орудия в описаниях мемуаров.

Не избежали ряда заблуждений в отношении «шуваловских» единорогов (и их последующего развития) и зарубежные академические исследователи. В частности, известный итальянский исследователь флота и, в том числе, морской артиллерии М. Морин (Венеция) высказывается на эту тему определенно: «*Похоже, что очень скоро аналогичные гаубицы были приняты на вооружение прусской артиллерией и армиями других германских государств. Более пятидесяти лет спустя, в письме генералу Кларку (герцогу де Фельтре и в то время военному министру*

Франции), отправленном из Сен-Клу 23 ноября 1811 года, Наполеон писал: *‘Je désire que les obusiers soient des obusiers prussiens ou licornes, qui tirent plus loin que les obusiers ordinaires.’*¹⁵. [Еще] двадцать лет спустя тогдашнее королевство Франция приняло новую, более длинную версию "единорога": *‘Ces obusiers, d’une forme analogue à celle des licornes, sont beaucoup plus longs que ceux précédemment en usage, ayant 11 et 12 calibres de longueur; ...’*¹⁶. Кроме того, единороги, вероятно, также использовались в австрийской артиллерии»¹⁷.

Хотя в действительности ни та, ни другая из приведенных в его работе цитат не только не подтверждают факта заимствования единорогов в артиллерии Пруссии (и тем паче – в наполеоновской Франции!), но и, скорее, опровергают его. Во-первых, в тексте первого цитированного им документа (письмо императора к генералу Кларку) перед частицей «*ou*» не стоит запятая, а значит, речь в письме идет не о том, что прусские гаубицы и единороги – это одно и то же, а о принципиально разных видах орудий. И грамматически это в тексте как раз подчеркнуто – в противоположном случае перед «*ou*» обязательно должна ставиться запятая. Таким образом, в данном случае Наполеон делает выбор *между единорогами и гаубицами прусского образца* (с обычной формы каморой). Но он ни разу не утверждает, будто бы это одно и то же в смысле конструкции! Во-вторых, и последующая цитата в тексте дана не вполне корректно: автор приводит ее не полностью, что позволяет его читателям вслед за ним впасть в ошибку и посчитать, что у длинных французских гаубиц нового образца уже планировалась *коническая* зарядная камора. На самом же деле в конце цитаты в оригинале весьма недвусмысленно говорится: *‘leur chambre est cylindrique’*. Т. е. камора их *цилиндрической* формы, что отличает автоматически ее устройство от устройства единорогов – даже при том, что длина этих новых гаубиц в самом деле была французами увеличена. В-третьих, что, безусловно, следует подчеркнуть – это довольно *поздний* характер такого пристального внимания европейцев к единорогам и их возможностям.

Вообще, как следует из приведенных выше примеров, почти все *признанные самими европейскими специалистами*¹⁸ апелляции к опыту русских единорогов относятся лишь к эпохе наполеоновских войн, но не ранее.

Соответственно, за отправную точку в исследованиях (и для гипотетического «заимствования») брались уже не шуваловские варианты единорога, а более поздние – «екатерининские» или «аракчеевские» образцы (мод. 1805, 1807 и 1811 гг.).

Более раннее обращение или тем более «подражание» единорогам в Европе выглядит, таким образом, *непроверенным допущением* некоторых отечественных и зарубежных исследователей или неверным прочтением существующих на сей счет документов.

Даже вполне реальные *копии* османских и персидских (!) единорогов, известные по некоторым музейным собраниям, и на которых стоит дата изготовления, датированы периодом с 1782/1783 г. (=1197 г. хиджры) до 1853 г. (= 1269/1270 г. хиджры)¹⁹. А это значит, что их исходной моделью также служили единороги более поздних моделей, но не исходный (т. е. «шуваловский») вариант 1757 г.

При этом следует подчеркнуть, что никаких *западноевропейских* (т. е. саксонских, французских или австрийских) копирований устройства единорога (или, тем более, «секретной» шуваловской гаубицы) в собраниях европейских музеев в данный момент *не выявлено совсем*²⁰.

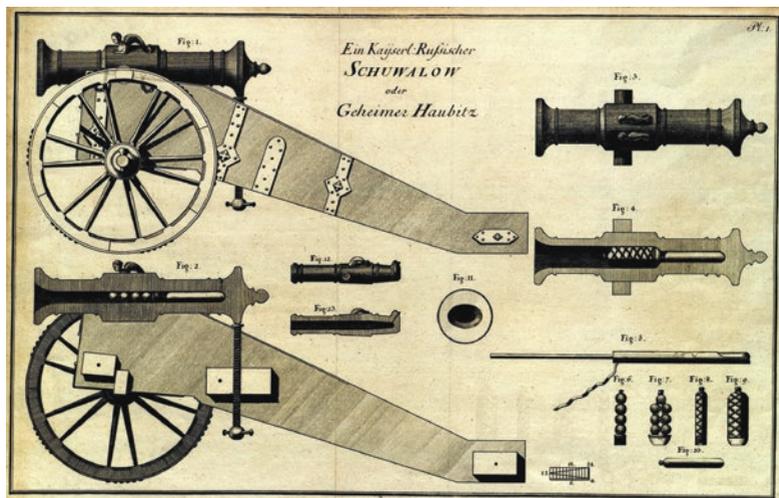
Однако это вовсе не исключает того, что французы (как и австрийцы, саксонцы, пруссаки и прочие европейцы) действительно были знакомы с шуваловской артиллерией, как минимум, начиная с конца 1758 г. Кроме уже упоминавшейся практической стрельбы в Обергасинге²¹ с рассмотрением чертежей и секретной документации узкой группой австрийских и, вероятно, французских специалистов при штаб-квартире генерал-фельдмаршала Дауна (в том же 1759 г.)²² эти орудия могли видеть и иностранные дипломаты, проезжавшие в С.-Петербург через Польшу или Прибалтику в 1758–1760 гг.

Так, например, французский дипломат М. де ла Мессельер, проезжая в С.-Петербург через винтер-квартиры российской армии, упоминает эти орудия в мемуарах. Хотя его и не допустили к самим орудиям, но как союзнику ему были даны комментарии на их счет, и он был восхищен их характеристиками. Вот что дословно он пишет: *'Il y a des pièces qu'ils appellent secrètes ou licornes, qui sont d'une forme particulière, et don't on ne laisse approcher personne que les cannoniers. Ces pièces tirent neuf coups par minute;*

*et à la distance de 600 pas, chaque pièce couvre de balles le front d'un bataillon: nous croyions, avant cela, qu'il n'était rien de comparable à l'artillerie française*²³.

С другой стороны, этот восторг перед новыми образцами орудий разделяли даже в России отнюдь не все. Саксонский офицер на российской службе Й. Тильке приходил к выводу, что эффективная дальнобойность новых орудий (по крайней мере, секретных гаубиц) слишком мала, а их лафеты чрезмерно тяжелы. Он пишет также, что единороги хотя и бьют очень далеко, но без гарантии большой точности и, кроме того, они «очень хлопотны в заряджании». Когда требуется открыть огонь из них на большие дистанции (и, соответственно, придать им необходимое возвышение), они «кладутся на особенный вид лафетов, часть из которых берется в армию только для этой цели и соответствует корабельным лафетам, но без колес. Боковые части этих лафетов сделаны из толстых балок, сидящих одна на другой и закрепленных болтами. Легко заметить, что снаряд не может быть выпущен [из них] с надлежащей точностью»²⁴ (ил. 1). Шуваловские же «секретные» гаубицы, на его взгляд, хотя и заслужили хорошую репутацию благодаря нескольким удачным боевым эпизодам в предыдущих кампаниях, но и у них есть свои проблемы. Среди последних он видит следующие: «Поскольку внешняя периферия ствола не параллельна его каналу (что, вероятно, предназначено для сокрытия его внутренней конструкции), то там находится много лишнего металла; это делает их куда тяжелее, чем они должны быть, делая их громоздкими и неповоротливыми на маршах и во всех передвижениях. Их заряджание также столь проблематично и медленно, что активная кавалерия будет уже на них до того, как они будут заряжены во второй раз, как это было в случае при Цорндорфе, где были потеряны семнадцать из них. Они не сделали в этой битве такого большого действия, как от них ожидалось, и они никогда более не добивались таких успехов, как раньше»²⁵.

Эти критические замечания, однако, справедливы только отчасти. Действительно, материальная часть лафетов все еще оставляла желать много лучшего, однако единорог как система еще оставался весьма «сырым», и ему требовалось еще какое-то время на избавление от всевозможных «детских болезней»,

Ил. 1. «Шуваловская» артиллерия в 1758 году (Tielke, 1776)

в отличие от «шуваловской» гаубицы, которая была узкоспециализированным орудием, малопригодным для широкого применения. И, что важнее всего, как показала практика, у последней, по сути, не было никаких перспектив ее дальнейшей модернизации. Из-за особенностей в устройстве ствола (широкий раструб для рассеивания картечи) это орудие не могло применяться с другими типами боеприпасов, в том числе ядер, брандкугелей и т. д. Последнее впоследствии отчасти удалось исправить – на обновленном варианте секретной гаубицы 1758 г.²⁶, однако в целом орудие это так и осталось большой экзотикой в глазах армии.

Неудивительно, что пруссаки не стали сразу копировать те семнадцать секретных гаубиц, взятых в кампаниях в 1756–1757 гг. у так называемого Обсервационного Корпуса. Но почти все они, сразу же после недолгой «выставки» в арсенале Берлина, были, скорей всего, сразу же переплавлены на металл.

Справедливости ради стоит добавить, что при Цорндорфе эти орудия были взяты пруссаками по израсходованию всего имеющегося боекомплекта, почему, не имея ни одного уцелевшего образца их снарядов и не получив от случайных пленных никакой о них информации, пруссаки просто сдали эти орудия в

арсенал на хранение²⁷. Как минимум три из них (образца 1753 г.) были найдены русскими при занятии ими Берлина в 1760 г.²⁸ – все остальные на тот момент уже, по-видимому, были перелиты пруссаками. Во всяком случае, по состоянию на 1900 г. в берлинском королевском Цейхгаузе не числилось уже ни одной «секретной» шуваловской гаубицы, ни полевого единорога этой эпохи²⁹.

Более взвешенную картину относительно качеств шуваловской артиллерии (как собственно «секретных» гаубиц, так и единорогов) дают, как ни странно, некоторые английские авторы: полностью отвергая ценность «близнят» системы Шувалова и признавая ограниченную полезность «секретных» гаубиц, они весьма высоко оценивают скачок, совершенный русской полевой артиллерией в этот период.

Что же касается единорогов и перспектив их последующего развития, то их описывают в основном вполне положительно. Многие полагают, что интерпретация графом Шуваловым самой идеи единорогов была в целом довольно правильной: *«[Хотя] чудовищный 2-пудовый единорог был снят с вооружения вскоре после смерти Шувалова в 1762 г., но более легкие единороги отвечали реальной потребности в мобильной и универсальной артиллерии и оставались на вооружении до второй половины девятнадцатого века»*³⁰.

Ничуть не менее положительно зарубежные авторы оценили и то, во что первый (еще весьма неуклюжий, судя по отзывам) единорог превратился уже к эпохе наполеоновских войн. В данном случае отзывы о его боевой эффективности, в том числе при Бородино, исключительно комплиментарны³¹.

Это вполне согласуется и с позицией упомянутой уже выше фундаментальной «Истории отечественной артиллерии», опубликованной с 1959 по 1979 г. под руководством Управления командующего артиллерией маршала артиллерии С. С. Варенцова. Во-первых, в рамках указанного исследования впервые в нашей стране был рассмотрен вопрос о действительном, а не мнимом и умозрительном доказательстве *прямой* связи между внедрением в российской армии единорогов и последующим развитием европейских так называемых «длинных» гаубиц и экспериментов с формой каморы. В конечном счете, результатом этих опытов можно признать небезызвестные орудия сист. Пексана как пик развития гладкоствольной бомбовой артиллерии³². Тем более это уместно сделать

ввиду того, что и сам их изобретатель А.-Ж. Пексан не скрывал, что его отправной точкой исследования были именно российские единороги³³. И, во-вторых, данный труд подытожил довольно многие европейские и российские разработки в плане материальной части дульнозарядных образцов артиллерии.

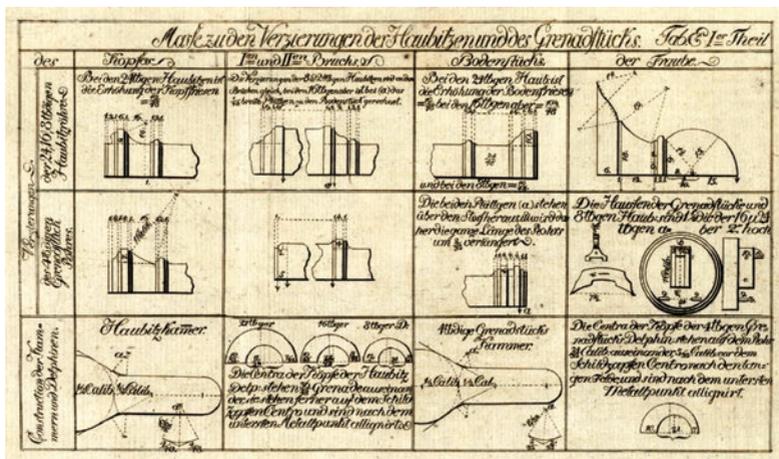
Однако, все-таки орудия сист. Пексана – это не прямое и непосредственное *копирование* системы единорогов, как это можно было бы полагать. Скорее, это переработка идей Шувалова под *обновленные* (уже в годы наполеоновских войн) представления европейцев об артиллерии.

Со своей стороны, русская крепостная артиллерия также опробовала опыт с подобной формой каморы (русская бомбовая 3-пуд. пушка сист. 1838 г.), но уже в 1849 г. от нее отказались в пользу конической³⁴.

Кроме того, вполне "пексановская" форма каморы – цилиндр *с коническим переходом в канал ствола* – также присутствовала и на *османских* горных единорогах, отлитых в 1842–1853 гг. На остальных же образцах – более ранних годов отливки – она как прежде была *конической* (в разной степени повторяющей форму русской)³⁵.

Но в 1750–1760-х гг. о такой глубокой переработке русских единорогов, как и их адаптации для других, иностранных армий речи еще не шло.

И точно так же не являлась прямым копированием единорогов так называемая «гранатная пушка» (Grenadstück) полковника Гойера (Hoeyer), принятая в Саксонии сразу после Семилетней войны. Хотя последнюю в «Истории отечественной артиллерии» и представляют по ошибке как прямую (или несколько переработанную) копию «шуваловского» единорога, т. е. орудия с *конической* формой каморы³⁶, на самом деле это не совсем так. Судя по чертежам и описаниям этого странного орудия, описанного в трудах полковника саксонской артиллерии Фридриха Густава Рувруа³⁷, его камора была вполне идентична каморе обычной гаубицы³⁸ (ил. 2а, б). Однако это орудие не получило большого распространения даже в Саксонии – при соответствующей длине канала неосторожное зарядание или хранение боеприпасов должно было приводить к утыканию картуза в дно канала, мимо каморы. Поэтому, как и на пушках Пексана³⁹ годы спустя (ил. 3а, б), с этим боролись при помощи специального деревянного

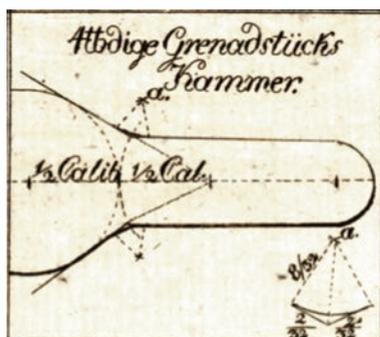

Ил. 2а. Чертеж «гранатной пушки» сист. Гойера (Rouvroy, 1809. Tab. E. I. Teil)

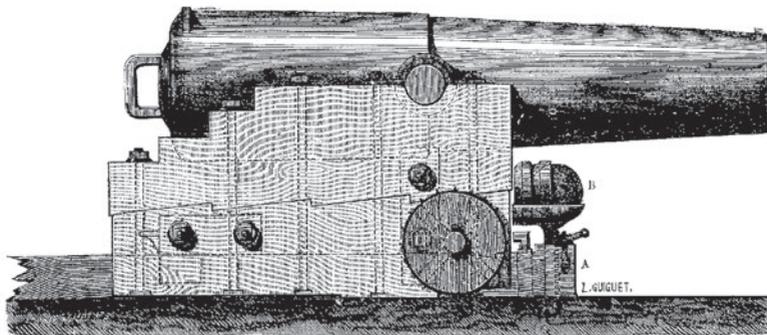
«башмак» (sabot), обточенно-го на конус⁴⁰.

По сведениям, приводимым Шарнхорстом, эти орудия участвовали в войне за Баварское наследство (1778–1779 гг.) и состояли исключительно при гренадерских батальонах саксонской армии (их было шесть), но пушки эти вскоре полностью исчезают уже к началу французских революционных войн. И это связано, прежде всего, с неудобством их заряжания⁴¹.

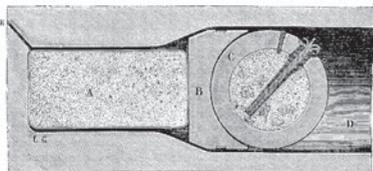
Аналогично этому, прусское орудие с камерой (Kammgeschütz), разработанное полковником прусской службы Хольцманом⁴² в 1740–1744 гг. осталось практически без внимания отечественных исследователей при разработке темы единорогов «шуваловского» образца и их принятия на вооружение русской армии. Хотя, как минимум, часть этих полевых орудий имела также коническую камеру (все остальные были с обычной), оно вовсе не удостоилось упоминания в «Истории

Ил. 2б. Чертеж камеры «гранатной пушки» сист. Гойера (Rouvroy, 1809)

Ил. 3а. Один из вариантов береговой бомбовой пушки сист. Пексана (Figuier, 1869. Fig. 299)

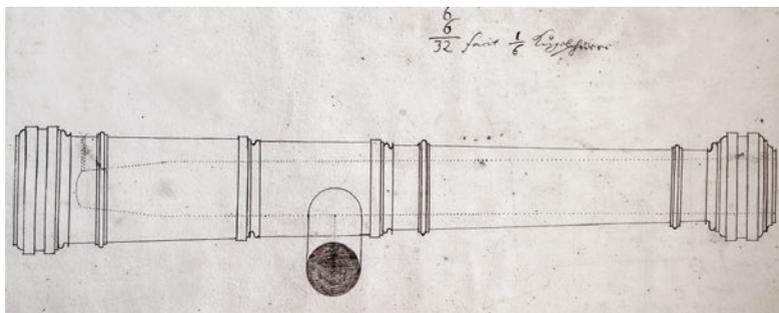

Ил. 3б. Схема заряжания бомбовой пушки сист. Пексана (Figuier, 1869. Fig. 301)

отечественной артиллерии». В то же время «гранатная пушка» полковника Гойера упомянута у Шарнхорста⁴³, на сочинение коего идет ссылка. Причина этого умолчания не вполне понятна, тем более что указанное орудие вполне заслуживает внимания.

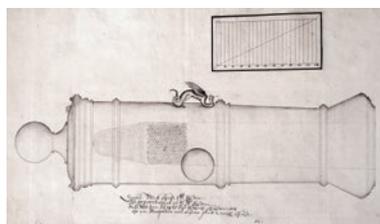
Если дословно, то Шарнхорст говорит о нем следующее: *Im Jahr 1740-1744 ließ der Preußische Oberst Holzmann, das Preußische Feldgeschütz durchgehends mit Kammern gießen; der größte Theil desselben besam conische, ein anderer Theil cilindrische, Kammern. Das Geschütz war bei allen Calibern 16, und nur bei einigen 12pfündern 14 Caliber lang. In dem 2ten Schlesischen Kriege⁴⁴ erhielt sich dieses Geschütz, den 1751 wurde noch sein anderes gegossen. Im 7jahrigen Kriege aber fand man, daß die Kammern bei dem Laden Aufenthalt verursachten, indem die Patronen durch den Transport die Form verlohren und sich dann nicht immer in die Kammer bringen ließen; und schon 1759 fing man wieder an, das Geschütz ohne Kammern zu gießen.*⁴⁵

Как видим, и это каморное орудие столкнулось с той же проблемой, что и последующие образцы артиллерии такого рода, однако, в отличие от шуваловских единорогов или «гранатной пушки» сист. Гойера, пруссакам так и не удалось ликвидировать

Ил. 4а. «Гранатная пушка» XVIII в. (неизвестной системы). АВИМАИВиВС. Ф.27. Оп. 15. Д. 41

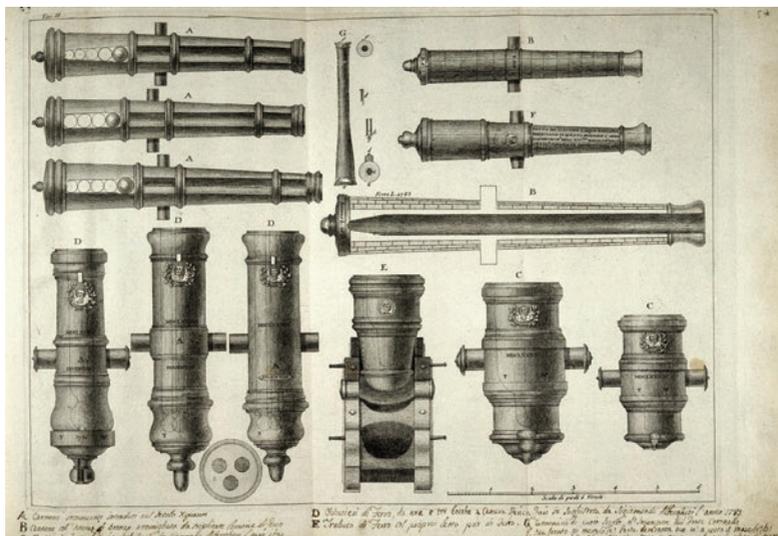
его выявленные недостатки. Во всяком случае, это орудие никак нельзя рассматривать как образец для разработок П. И. Шувалова – длина ствола в калибрах (12 и 14, соответственно) слишком большая для оптимального заряжания, а деревянный «башмак» в этом случае, очевидно, не применялся. Из чего можно сделать вывод,

Ил. 4б. Короткая гаубица XVIII в. с конической зарядной камерой. АВИМАИВиВС. Ф.27. Оп. 15. Д. 41

что: 1) ни саксонская, ни прусская разработки не могут считаться ни «прототипом», ни «подражанием» единорога в его исходном варианте; 2) все разработки «гранатных пушек» с обычной (гаубичной) формой камеры в этот период продемонстрировали, что этот путь тупиковый – из-за проблем с заряжением; 3) коническая камера продемонстрировала (на примере единорогов) ряд преимуществ, но на орудиях разработки Хольцмана несоответствующей длины канал воспрепятствовал их нормальной реализации.

Наконец, главное, что здесь следует подчеркнуть, – что сама по себе коническая камера еще не делала из орудия единорог. Такая форма уже встречалась на гаубице конструкции В. Д. Корчмина в 1707 г. и на отдельных образцах морской артиллерии⁴⁶, но из-за ряда объективных причин от них пришлось в итоге временно отказаться. А на обычных (коротких) гаубицах, стрелявших дробом, она встречалась еще в XVII в. (ил. 4 а, б).

Ил. 5. «Cannoni incamerati» (пушки с камерами) в арсенале Венецианской Республики (Gasperoni, 1782)

Больше того, орудия, имеющие камеру как *цилиндрической*, так и *конической* формы, использовались еще во флоте Венецианской республики в XVII в. в качестве *каменстрельных* («*petriere*») и зафиксированы в источниках под названием «*cannoni incamerati*»⁴⁷. Камера в данном случае использовалась с той целью, чтобы сделать стенки канала ствола максимально тонкими, увеличив при этом объем и массу каменного ядра (ил. 5).

Аналогичным образом, коническую форму камеры еще в XVII в. имели морские орудия класса «*миньон*» (одна из форм развития «*petriere*»), использовавшееся на кораблях Ост- и Вест-Индской компаний в качестве ретиранных или погонных пушек (для стрельбы каменными ядрами и картечью)⁴⁸.

Хотя, к большому сожалению, в альбоме Д. Гасперони эти орудия и не имеют четкой привязки к дате или хотя бы к месту изготовления (предполагается, что все они были сделаны на арсенале Венеции), но, например, голландские образцы такого рода орудий – также с коническими камерами и зачастую

из *композитного материала* – по большей части датируются периодом между 1615 и 1630 гг.⁴⁹

Однако те и другие орудия в силу как чисто морской специфики применения – стрельба в борт и в палубу (по настильной, а не навесной траектории), – так и использования инертного каменного боеприпаса, по-видимому, не имеют близкого отношения к эволюции сухопутных (в том числе полевых и осадных) гаубиц.

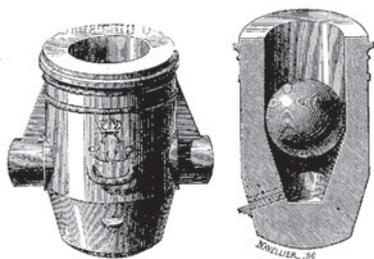
Также во Франции, независимо от идеи единорога или указанных камнестрельных морских орудий, коническая камора вводится в виде опыта на мортирах, созданных генералом Луи де Гомером в 1785 г.⁵⁰ (ил. 6), и принятых на вооружение в 1789 г. в рамках системы Ж.-Б. Грибоваля⁵¹.

Как сообщают источники: *«В этой мортире канал вместо того, чтобы заканчиваться каморой, постепенно сужается до конической формы. Это расположение имеет преимущество перед другим, заключающееся в том, что большая площадь поверхности бомбы подвергается ударной нагрузке от взрыва заряда; таким образом, это снижает вероятность того, что снаряд разорвется в мортире»*⁵².

И, видимо, с учетом ее опыта (т. е. независимо от опыта единорогов) создавались впоследствии гаубицы Миллара.

По утверждению британских источников: *«Гаубица Миллара отличается от старого образца увеличенной длиной, с шести до десяти калибров, и конической формой, придаваемой их каморам (называемым гомеровскими), которые представляют собой форму конуса, заканчивающегося полусферой»*⁵³. То есть, в отличие от орудий Пексана, форма каморы милларовских гаубиц образовалась *иным путем*. Хотя формально, с точки зрения ее конструкции, она стоит от единорогов гораздо дальше, чем стволы сист. Миллара.

А это значит, что даже внешнее сходство конструкции некоторых европейских орудий не означает еще непосредственной преемственности в их генезисе и последующем развитии. Тем не менее, в смысле потенциала развития (в том числе переработки или копирования в других странах) *единорог* оказался вполне конкурентоспособен и оказал, несомненно, существенное влияние на иностранную артиллерию гладкоствольной эпохи. Во всяком случае, мы можем согласиться с тем, что он

Ил. 6. Французская мортира с камерой сист. Гомера (Figuier, 1869. Fig. 288, 289)

существенно повлиял на «гаубизацию артиллерии западноевропейских стран»⁵⁴, пусть даже и не всегда очевидным образом.

Таким образом, на сегодняшний день можно сделать следующие выводы:

1. Никакого прямого и непосредственного *копирования* русских «шуваловских» образцов артиллерии ни в Австрийской империи, ни тем более в Пруссии или Франции в XVIII в. не наблюдается. Все утверждения об обратном (в том числе и у зарубежных авторов) – результат недопонимания или ошибочного прочтения архивных источников, неточностей перевода и проч.

2. Со своей стороны, русская артиллерия, разработанная П. И. Шуваловым (и его творческим коллективом), также является самостоятельной эволюционной веткой развития гладкоствольных (сухопутных и морских) гаубиц. Альтернативные варианты со *стандартной* формой камеры или с более длинным (до 14 калибров) каналом ствола не нашли себе применения в западноевропейских странах из-за проблем с заряжением.

3. Уже при жизни современников описания «секретной» гаубицы и единорогов периодически путались. Поэтому и достоинства и недостатки обеих систем зачастую описываются совместно (и без учета *их последующей доработки*). Возможно, это являлось следствием преднамеренной дезинформации непосвященных, для сохранения их секретности на максимально возможный срок.

4. Все случаи реального подражания или даже прямого копирования русских единорогов и в самом деле имели место за рубежом (например, в Османской империи), однако все они четко датируются уже эпохой Екатерины и еще более – Александра I.

5. Отказ тех же австрийцев от копирования «шуваловской» артиллерии в годы Семилетней войны мог быть вызван отнюдь не только интригами венского кабинета (в них еще

русская дореволюционная историография традиционно обвиняла австрийцев), но и вполне прагматическими соображениями военных.

6. Можно с уверенностью сказать, что, несмотря на отсутствие *точных копий* единорогов в странах Европы (Австрии, Пруссии, Франции и т. д.) их появление оказало существенное влияние на развитие «длинных» гаубиц и на последующие зарубежные разработки, в том числе и сист. Пексана. При этом вышеупомянутые гаубицы сист. Миллара, с формой каморы, *близкой к единорогам*, имеют, по-видимому, свой собственный, независимый путь развития.

7. Морская длинноствольная артиллерия, имеющая каморы различной формы, первоначально вообще не предназначалась для стрельбы разрывными снарядами, и, соответственно, сама концепция их развития в великих морских державах XVI–XVIII вв. принципиальным образом отличалась от сухопутных (полевых и осадных) гаубиц. Последние же чаще всего применялись как короткоствольные дробовые орудия, а для осад или обстрелов крепостей использовались мортиры. Стоит напомнить, что бомбардировка Генуи с моря французами (1684 г.) производилась именно из мортир, установленных на бомбардирских галиотах (*galientes a bombes*)⁵⁵.

8. Напротив, «шуваловская» артиллерия изначально задумывалась как инструмент сухопутных боевых действий и представляла собой настоящую серию инновационных артиллерийских систем, единорог и секретную гаубицу, причем последнюю – сразу в двух вариантах (1753 и 1758 гг.). Только впоследствии часть из них постепенно была отвергнута, а единорог продолжал использоваться, в том числе, и на флоте⁵⁶ вплоть до 60-х гг. XIX в.

Таким образом, очевидно, что тема исследования «шуваловской» артиллерии на сегодняшний день далеко еще не исчерпана. Еще не выяснены подробности ее изучения при австрийском дворе в 1758–1759 гг., как и распространения ее опыта среди союзников России по Семилетней войне (французов, саксонцев) и др.

Малоизвестными на сегодняшний день остаются (по крайней мере, в России) и параллельные единорогам западноевропейские разработки орудий XVII–XVIII вв. с коническими каморами,

многие из которых имели свою собственную (и вполне независимую) историю эволюции.

Стоит надеяться, что изучение данной темы будет продолжено, в том числе с привлечением параллельных западноевропейских источников.

¹ Morin M. The 'unicorn' and the 'cannone di nuova inventione' // Journal of the Ordnance Society. 2011. Vol. 23. P. 45–53.

² Дословная цитата из письма Фридриха II его брату – принцу Генриху Прусскому в действительности не содержит ничего подобного. – См.: Politische Correspondenz Friedrich's des Grossen. Bd. 18. Berlin, 1891. S. 481. № 11335. Нег ничего подобного и в других письмах Фридриха, написанных им после 1759 г.

³ «Мои человекомедеви не французы, а артиллерия Салтыкова стоит в сто раз больше, чем артиллерия Контада» – см.: Politische Correspondenz Friedrich's des Grossen. Bd. 18. S. 471. № 11317.

⁴ Prittwitz C. W. Unter der Fahne des Herzogs von Bevern. Berlin, 1935. S. 233.

⁵ Rambaud A. Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France: depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française. T. 2. Paris, 1890. P. 17; Rambaud A. Russes et Prussiens, guerre de Sept Ans. Paris – Nancy, 1895. P. 50.

⁶ Дословно: «Il ne lui convenait d'écourager la vanite de M. de Schwalow» (фамилия Шувалова – согласно тексту оригинала).

⁷ История отечественной артиллерии. Т. 1. Артиллерия русской армии эпохи феодализма. Кн. 2. Артиллерия русской армии в период укрепления абсолютизма (XVIII в.). М., 1960. С. 203–204.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 204.

¹⁰ Там же.

¹¹ Summerfield Stephen. Gribeauval in Austrian Service // Smoothbore Ordnance Journal. 2010. № 2 (03). P. 24–35.

¹² Leber Friedrich Otto von. Wien's kaiserliches Zeughaus zum ersten Male aus historisch-kritischem Gesichtspunkte betrachtet, für Alterthumsfreunde und Waffenkennner beschrieben und hrsg. von Fr. von Leber. 1 und 2 Theil. Leipzig, 1846. S. 436–437. № 747; Erben, Dr. Wilhelm. Katalog des k. und k. Heeres-Museums imAuftrage des Curatoriums verfasst. Hrsg. vom Curatorium des Heeresmuseums. Wien, 1899. S. 433. № 83.

¹³ Ненахов Ю. Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. Минск, 2000. С. 220–221.

¹⁴ Юркевич Е. И. О шуваловских единорогах и грибовалевских гаубицах: замечания к книге Ю. Ю. Ненахова «Войны и кампании Фридриха Великого» // Сборник материалов всероссийской научной конференции «Кровь. Порох. Лавры. Войны России в эпоху барокко (1700–1762 гг.)». СПб., 2002. С. 77–79.

¹⁵ «Я хочу, чтобы эти гаубицы были прусскими гаубицами или единорогами, которые стреляют дальше, чем обычные гаубицы» – см.: Correspondance de Napoleon Ier. Vol. 23. Paris, 1867. P. 37. № 18281.

¹⁶ «Эти гаубицы, по форме напоминающие единороги, намного длиннее использовавшихся ранее и имеют длину 11 и 12 калибров» – см.: Caraman Mis de. Du service de l'Artillerie en campagne // Le Spectateur militaire. T. X. Paris, 1831. P. 414.

¹⁷ Morin M. The 'unicorn'... P. 47.

¹⁸ Wrottesley G. Life and Correspondence of Field Marshal Sir John Burgoyne. Vol. I. London, 1873. P. 37–43.

¹⁹ Османский 8-фун. единорог из ВИМАИВиВС (МЧА № 010/116) – см.: Громов А. В. Артиллерия стран Востока (Турция, Персия, Средняя Азия) в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб.: ВИМАИВиВС, 2018. С. 46, 59; Персидский 8-фун. единорог из ВИМВИ-ВиВС (МЧА № 010/79) – см.: Громов А. В., там же. С. 8, 15; Османский 8-фун. единорог (1197 г. х.) из Военного музея в Стамбуле – см.: Askeri Müze toplar koleksiyonu / haz. Gülşen Arslanboğa, fotoğraf Recep Baydemir. İstanbul, 2009. P. 144; Османские единороги поздней отливки – см.: АВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 18-1. Д. 427. Л. 3–11.

²⁰ Peterson M. L. Encyclopaedia of Markings & Decoration on Artillery. Ed. by R. Stenuit. Leiden, 2014. – Part II A4 – Switzerland – Germany – Austria – Denmark – Sweden – Norway – см.: официальный сайт Bermuda Underwater Exploration Institut [Электронный ресурс]: URL: <https://www.buei.bm/wp-content/uploads/peterson/Part%20IIA4-Switzerland-Germany-Austria-Denmark-Sweden-Norway.pdf> (дата обращения 25. 10. 2018).

²¹ АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 993. Л. 201–202 об.; История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2. С. 203–204.

²² Там же. Л. 252–253 об.

²³ «[У них] есть орудия, которые они называют секретными или единорогами, которые имеют особую форму, и к ним никого не подпускают, кроме канониров. Эти орудия производят девять выстрелов в минуту; и на расстоянии 600 шагов каждое покрывает пулями фронт батальона; до этого мы считали, что артиллерия никакого государства не сравнима с французской» – см.: Messeliere M. Voyage a Petersbourg. Paris, 1803. P. 114–115.

²⁴ Tielke J. G. Beyträge zur Kriegs-Kunst und Geschichte des Krieges von 1765 bis 1763: mit Plans und Charten. Stück II. Freyberg, 1776. P. 24–25, Pl. I. fig. 12–13.

²⁵ Ibid. P. 24–25, Pl. I. fig. 1–4.

²⁶ АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 958. Л. 105, 113.

²⁷ Там же. Ф. НС. Оп. 1. Д. 20. Л. 320 324, 628–630; Пашута В. Л., Оточкин В. В. Военно-историческая антропология и боевое применение артиллерии в Семилетней войне 1756–1763 гг. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды IV международной научно-практической конференции 15–17 мая 2013 г. Ч. III. СПб.: ВИМАИВиВС. С. 437–448.

²⁸ АВИМАИВиВС. Ф. НС. Оп. 1. Д. 20. Л. 207.

²⁹ Das Königliche Zeughaus führer durch die Ruhmeshalle und die Sammlungen. Berlin, 1900.

³⁰ Duffy Christopher. Russia's military way to the West: origins and nature of Russian military power, 1700-1800. Routledge & Kegan Paul, 1981. P. 69–72.

³¹ Duffy Christopher. Borodino and the war of 1812. Cassell, 1999. P. 45–46.

³² Платов [А. С.]. Артиллерийские лекции // Артиллерийский журнал. 1858. № 5. Отдел ученый и технический. С. 45–49.

³³ Wrottesley G. Life and Correspondence... P. 37–43.

³⁴ По-видимому, этот опыт и послужил источником заблуждения некоторых европейских исследователей, будто пексановские орудия применялись русской эскадрой в сражении при Синопе 18 (30) ноября 1853 г. – см.: Денисов А. П., Перечнев Ю. Г. Русская береговая артиллерия. М.: Воениздат, 1956. С. 70, 85;

Seymour H. D. *Russia on the Black Sea and the Sea of Azof: being a narrative of travels in the Crimea and bordering provinces; with notices of the naval, military, and commercial resources of those countries.* London, 1855. P. 93; Santarini M. *Le Artiglierie Della Marina Veneta nel XVI Secolo.* Ufficio Storico della Marina Militare, Dicembre 2011. P. 41 и др.

³⁵ АВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 18-1. Д. 427. Л. 5 об.

³⁶ История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2. С. 204.

³⁷ Рувруа Фридрих Густав (1771–1839) – полковник саксонской артиллерии (с 1825 г.); участник артиллерийской комиссии, разработавшей саксонскую систему орудий (1810 г.). С 1810 г. – директор Артиллерийской Академии. – см.: Summerfield Stephen. *The Important Family of Saxon Artillery Officers, the Rouvroys*// *Smoothbore Artillery Journal.* 2010. № 1 (07). P. 2–5.

³⁸ Rouvroy F. G. *Vorlesungen über einen Theil der Geschützlehre, oder über den Bau und die Proporzionirung der Geschützzöhre, Laffetten und Artilleriefuhrwerke, nebst deren Bespannung für die Königl. Sächs. Artillerieschule.* Th. I. Dresden, 1809. S. 29–35, Tab. D und E.

³⁹ Figuier L. *Artillerie ancienne et moderne // Les merveilles de la science, ou Description populaire des inventions moderns.* Vol. 3. Paris, 1869. P. 417, fig. 299; p. 419, fig. 301.

⁴⁰ Fave I. *Études sur le passé et l'avenir de l'Artillerie.* T. 5. Paris, 1871. P. 5.

⁴¹ Scharnhorst Gerhard von. *Handbuch der Artillerie. Handbuch für Officiere, in den angewandten Theilen der Krieges-Wissenschaften.* Bd. II. Hannover, 1806. S. 76.

⁴² Эрнст Фридрих фон Хольцман (1706–1759) – полковник прусской артиллерии (с 1747 г.); изобретатель, внесший значительный вклад в развитие прусской артиллерии. На службе с 1711 г.; с 1741 г. – подполковник и командир 2-го артиллерийского батальона. 11 апреля 1741 г. возведен в потомственное дворянское звание. Во время Семилетней войны первоначально командовал артиллерией корпуса Левальдта, а после замены Левальдта – корпуса Дона. Умер от инсульта в Берлине в 1759 г. – см. Poten Bernhard von. *Holtzmann, Ernst Friedrich von // Allgemeine Deutsche Biographie (ADB).* Bd. 13, Duncker&Humblot, Leipzig, 1881. S. 19.

⁴³ Scharnhorst Gerhard von. *Handbuch...* S. 75–76.

⁴⁴ Имеется в виду вторая война Фридриха II за Силезию (1744–1745).

⁴⁵ «В 1740–1744 гг. прусский полковник Хольцман приказал отлить прусское полевое орудие с каморами; большая часть из них была с коническими, а другая – с цилиндрическими каморами. Орудие имело длину 16 калибров для всех и только для некоторых 12-фунтовых орудий 14 калибров. Во время 2-й Силезской войны это орудие сохранилось, а в 1751 г. было отлито еще одно. Однако в Семилетнюю войну было обнаружено, что каморы вызывают препятствие при зарядании, так как при транспортировке картузы зарядов теряют форму и не всегда помещаются в камору; и уже в 1759 г. снова начали отливать орудие без камор» – Scharnhorst Gerhard von. *Handbuch...* S. 75–76.

⁴⁶ История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2. С. 28–29.

⁴⁷ В частности, несколько образцов подобных орудий приведены в знаменитом альбоме генерал-инспектора артиллерии Венецианской республики Д. Гасперони. – см.: Gasperoni D. *Artiglieria veneta raccolta, e fatta incider in rame dal Soprintendente ora inspector general Domenico Gasperoni l'anno Domini 1782.* Venezia, 1782. Tav. II.

⁴⁸ Norton R. *The Gunner shewing the whole practise of artillerie*. London, 1628. P. 51–53; Staple F.W. *Pieter van Dam Beschryvinge van de Oostindische Compagnie*. Vol. I. Part I // *Rijks Geschiedkundige Publicatiën* 63. Gravenhage, 1927. P. 507, etc.

⁴⁹ Громов А. В. О двух загадочных композитных пушках из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи // *Война и оружие. Новые исследования и материалы*. 10-я международная научно-практическая конференция 17-19 мая 2023 г. СПб.: ВИМАИВиВС, 2023. Ч. 1. С. 444–448.

⁵⁰ Датировка его разработок периодом «после войны за австрийское наследство» (т. е. 1740–1748 гг.), очевидно, ошибочна. – см. Morin M. *The ‘unicorn’...* P. 46.

⁵¹ Chartrand R. *Napoleon’s Guns 1792–1815 (2), Heavy and Siege Artillery*. New Vanguard, 76. Oxford, UK: Osprey, 2003. P. 10–11.

⁵² Figuiet L. *Artillerie ancienne...* P. 399, fig. 288 et 289; Hennebert M. *Notice Relative à plusieurs membres de la famille de Gomer, et notamment à M. Louis-Gabriel de Gomer* // *Mémoires de l’Académie des sciences, des lettres et des arts d’Amiens*. T. XXI. Amiens, 1874. P. 215–249.

⁵³ Griffiths F. A. *The Artillerist’s Manual and British soldier’s Compendium*. Woolwich, 1839. P. 51.

⁵⁴ *История отечественной артиллерии*. Т. 1. Кн. 2. С. 204.

⁵⁵ Candiani G. *The Race to Big Calibres During the First War of Morea and Sigismondo Alberghetti’s Guns of New Invention / Ships and Guns. The Sea Ordnance in Venice and Europe between the 15th and 17th Centuries*, ed. by C. Beltrame, R.G. Ridella. Oxford and Oakville, 2011. P. 24.

⁵⁶ Веселаго Ф. Ф. *Список русских военных судов с 1668 по 1869 год*. СПб., 1872. С. XVI–XXVIII.

С. В. Ефимов

ПОСМЕРТНАЯ ПАМЯТЬ О ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ

В 2025 г. исполняется 300 лет со дня смерти первого российского императора, царя-реформатора Петра Великого. В Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи бережно хранится память о нем не только как о великом государственном, политическом и военном деятеле, но и основателе собрания музея.

В год смерти Петру Великому было всего 52 года, но тем не менее его здоровье было совершенно расшатано, организм не выдерживал той кипучей деятельности, которую царь-реформатор осуществлял на протяжении трех десятилетий.

Петр часто прихварывал в последние годы, припадки делались все чаще и болезненней, но он по-прежнему не берег себя и пренебрегал запретами и рекомендациями врачей¹.

Первые признаки болезни стали проявляться у Петра во время его пребывания в Риге в мае 1721 г. По словам польско-саксонского посланника И. Лефорта, царя мучила одышка, и у него появился какой-то внутренний нарыв, который периодически открывался. Из нарыва в горле вытекала «материя»².

Заболевание, которое свело Петра Великого в могилу, обострилась вскоре после Персидского похода. «Еще в конце прошлого 1723 года так недомогать начал», – писал один из ближайших сподвижников государя архиепископ Феофан Прокопович³.

Возможно, что тяготы Персидского похода 1722–1723 гг., во время которого русская армия страдала от жары, недостатка питьевой воды и здоровой пищи, сказались и на царе. Недаром новозавоеванные провинции в Прикаспии считались самым нездоровым, гиблым местом империи. Туда ссылали за воинские провинности в так называемый «Низовой корпус». Смертность

от кишечных заболеваний, инфекций, укусов ядовитых змей и насекомых здесь была крайне высока.

В сентябре 1724 г., по словам французского посланника Ж. Ж. Кампредона, окончательно выяснился диагноз болезни императора. Воспаление мочевого пузыря, песок в моче как следствие возврата плохо вылеченного венерического заболевания. Петр страдал от жестоких болей в пояснице, у него выходили довольно большие камни и гной, а на ляжках появились незаживающие гноящиеся опухоли⁴.

Как убедительно доказал историк Н. И. Павленко, легенда о том, что Петр Великий простудился и смертельно заболел, спасая у деревни Лахты 5 ноября 1724 г. людей на терпящем бедствие боте, не имеет под собой основания⁵.

Существуют различные взгляды относительно заболевания царя. Польско-саксонский дипломат И. Лефорт видел причину в мочевом камне. Прусский посланник Г. Мардефельд говорил о *retentio urinae* (т. е. о задержании мочи)⁶. Английский хирург Горн, входивший в «консилию» врачей, лечивших Петра, видел причину смерти в едкой материи, которая, разъев мочевой пузырь, образовала в нем нарывы, которые и привели к задержке мочи. И. И. Голиков, историк и собиратель документов о жизни и деятельности Петра Великого, считал, что его кумир скончался от запора урины и воспаления мочевого пузыря⁷.

Болезнь и смерть Петра были предметом суждений и специалистов в области медицины. В. Рихтер, автор «Истории медицины в России», связывал кончину Петра с воспалительным процессом, вызванным задержкой мочи⁸. Доктор медицины Н. Куприянов писал: «Вероятнее всего, что смерть воспоследовала от воспаления мочевого пузыря, перешедшего в гангрену, и от задержания урины»⁹. В 1970 г. Центральному кожно-венерологическому институту в Москве были направлены на заключение все известные свидетельства современников о смерти Петра Великого. Авторитетная комиссия в составе профессоров А. А. Студницына, Н. С. Смелова, доктора медицинских наук Т. В. Васильева и кандидата медицинских наук О. И. Никонова пришла к выводу, что «Петр I, по-видимому, страдал злокачественным заболеванием предстательной железы, или мочевого пузыря, или мочекаменной болезнью».

Согласно выводам компетентных специалистов Ленинградской военно-медицинской академии им. С. М. Кирова, изучивших

материалы истории болезни Петра, смерть наступила в результате азотемии. По мнению медиков, у Петра было затрудненное мочеиспускание, которое явилось следствием аденомы предстательной железы или стриктуры уретры как результат воспалительного процесса в мочеиспускательном канале¹⁰.

Один из ведущих современных судебно-медицинских экспертов Ю. А. Молев считает, что за несколько часов до смерти Петр перенес острое нарушение кровообращения с кровоизлиянием в левое полушарие головного мозга как следствие очередного резкого повышения артериального давления¹¹.

Ходили, впрочем, даже слухи, что император был отравлен своей женой, с которой он, якобы, намеревался развестись и постричь ее в монастырь. По словам немецкого дипломата А. Ф. Рабутина-Бусси, царица «не хотела допускать хирурга до вскрытия и бальзамирования трупа» и «сумела сыграть комедию прекрасно, ее плачу и вою не было конца, она не отрывала глаз от покойного, целовала его и с воплями падала в глубокий обморок, так что все присутствующие, которым положение дел не совсем известно было, склонялись к состраданию, но другие с трудом удерживались от смеха»¹².

Так или иначе, но 28 января (8 февраля по н. с.) 1725 г. после нескольких дней мучений Петр Великий скончался в Зимнем дворце.

В тот же день итальянский художник и скульптор Бартоломео Карло Растрелли, автор целого ряда изображений Петра I, был вызван во дворец для снятия гипсовых слепков с лица, рук и ног императора, а также для выполнения точных обмеров его тела. Со временем посмертная маска императора была растиражирована. Один из экземпляров сохранился в собрании ВИМАИВиВС (ил. 1).

На внутренней стороне маски вензель Петра и надпись «Л.-гв. Кексгольмский полк Лифляндскому 1700–1710–1900», а также клеймо фабрики Лопеньских (ил. 2).

Оригиналом для преподнесенной Кексгольмским полком маски императора Петра Великого послужила посмертная маска первого императора, выполненная скульптором Бартоломео Карло Растрелли в 1725 г.

Любопытно, что копия посмертной маски императора Петра Великого хранилась как реликвия в музее Кексгольмского полка. Примечательна история ее создания. В 1894 г. Кексгольмский гренадерский полк за боевые заслуги был удостоен звания лейб-гвардейского. После обновления обмундирования, связанного

Ил. 1. Маска бронзовая посмертная императора Петра Великого. Польша, Варшава. Отливка – фабрика «BRACIA Łopieńscy» (Братья Лопеньские). 1900 г. ВИМАИВиВС

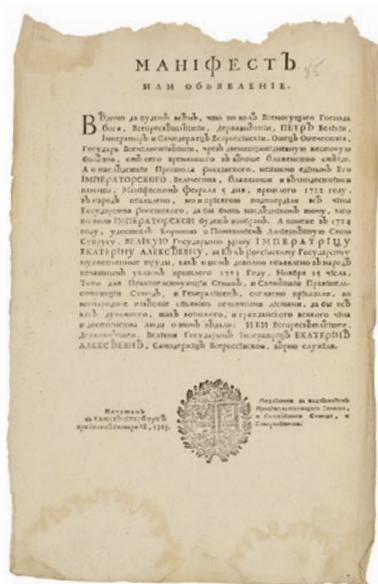

Ил. 2. Внутренняя сторона посмертной маски императора Петра Великого. Польша, Варшава. 1900 г. ВИМАИВиВС

с изменением статуса полка, из металлической канители, которая использовалась для вышивки на офицерских гренадерских погонах, была отлита маска Петра I.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что маска Петра I, преподнесенная в дар Перновскому гренадерскому полку, была выполнена в Варшаве. Нельзя забывать, что в то время и Варшава, и Царство Польское, столицей которого она была, являлись частью Российской империи. Кексгольмский полк в конце XIX – начале XX в. входил в состав Варшавского военного округа и был дислоцирован в Варшаве. Неудивительно, что для исполнения памятного подарка кексгольмцы обратились в одну из лучших фирм Варшавы.

Отлив маски императора Петра I был выполнен на фабрике братьев Лопеньских. К тому времени это было одно из старейших бронзоволитейных художественных предприятий в Варшаве. Еще в 1862 г. Ян Лопеньский открыл в Варшаве бронзоволитейную мастерскую, специализировавшуюся на производстве литургических

Ил. 3. Манифест от 28 января 1725 г. о кончине императора Петра Великого и вступлении на престол императрицы Екатерины I. ВИМАИВиВС

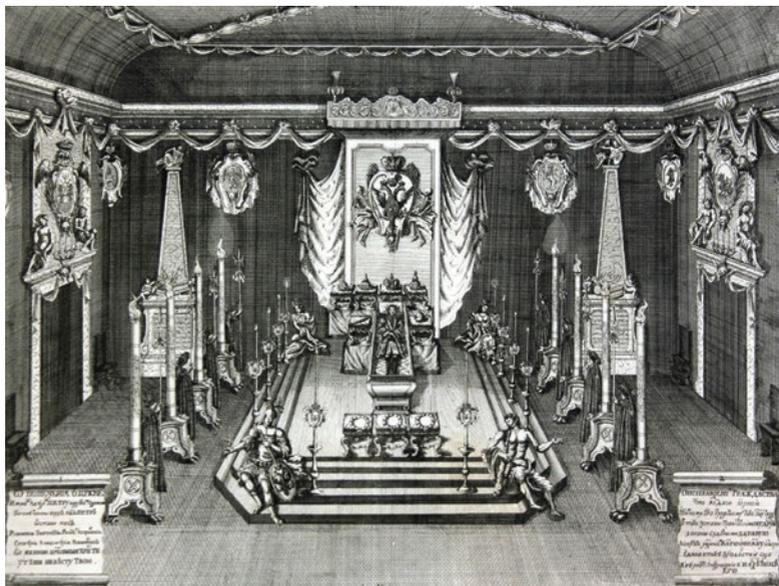
Парижа, Вены. Изделия фирмы продавались в России и странах Западной Европы, неоднократно награждались медалями и дипломами художественно-промышленных выставок.

28 января 1725 г. о кончине императора Петра Великого и вступлении на престол императрицы Екатерины I был издан специальный манифест, который распространялся в народе, в том числе и в печатном варианте. Один из его образцов сохранился в архиве ВИМАИВиВС¹³ (ил. 3).

Похороны Петра были беспрецедентны по масштабу. Ими занималась специально организованная Печальная комиссия (наследница Панафидного приказа), которую возглавил соратник Петра генерал-фельдцейхмейстер Я. В. Брюс. С 13 февраля набальзамированное тело государя было выставлено в траурно убранной Печальной зале Зимнего дворца площадью 200 метров, обтянутой изнутри черным сукном. Оформлением зала занимался скульптор Н. Пино и художник Л. Каравак.

изделий, осветительных приборов, столового серебра. Но в 1880 г. предприятие Я. Лопеньского обанкротилось. А в 1884 г. дело было возобновлено его сыновьями – Гжегожем, Феликсом, Игнацием. Фирма, возглавляемая внуками Лопеньского, продолжала работу и в первой половине XX в., до национализации предприятия в 1950 г.

Важной составляющей деятельности предприятия Лопеньских было литье скульптур и памятников. Работы компании «Братья Лопеньские», специализировавшейся на изделиях из бронзы и драгоценных металлов, отличались высоким техническим и художественным качеством, не уступая изделиям художественных предприятий Санкт-Петербурга,

Ил. 4. Вид погребальной залы Петра I. Гравюра А. И. Ростовцева (по рис. М. Г. Земцова). 1725 г. ВИМАИВиВС

На императоре, лежавшем в гробу на высоком катафалке с пятью ступенями, обитыми бархатом и обложенными золотым галуном, была одежда ярко-пурпурного цвета с серебряным шитьем. Вокруг гроба была помещена государственная символика, регалии и ордена царя. В зале также стояли аллегорические скульптуры и пирамиды, символизирующие его подвиги и достижения, а над шестью дверями, ведущими в залу, были помещены гербы русских городов. Сделаны были украшения и скульптуры Печальной залы из дерева. Необыкновенным для того времени было полное отсутствие русских икон (ил. 4).

Рядом с телом дежурили 12 высокопоставленных чиновников – генералов и сенаторов. Тело с плачем и воплями постоянно осматривала толпа народа. Несмотря на то, что Петр запретил плачи и жестко следил за тем, чтобы на важных похоронах их не было, после его собственной смерти вой и рыдания сопровождали тело императора ежедневно. Причем самой причитающей была императрица Екатерина, которая приходила к телу мужа каждый день. Вице-адмирал Никита Вильбоа вспоминал: «Она пролиwała

слезы в таком количестве, что все были этим удивлены и не могли понять, как в голове одной женщины мог поместиться такой резервуар воды. [...] Многие люди ходили специально в императорский дворец в те часы, когда она была у тела своего мужа, чтобы посмотреть, как она плачет и причитает». Екатерину много раз просили приказать закрыть гроб, но она отказывалась это делать.

4 марта от кори умерла великая княжна Наталья Петровна (1718–1725) – последний ребенок Петра и Екатерины. Гроб с ее телом был помещен в траурном зале, рядом с гробом отца.

Сама церемония похорон Петра Великого состоялась только 10 марта. Его тело несли от Зимнего дворца через лед Невы в Петропавловский собор. Дорогу освещали 1250 гренадер с факелами. Всего почетный караул составлял почти 11 тысяч человек, а процессия делилась на 14 отделений, во главе каждого из которых шли церемониймейстер и маршал. При этом все участники были расписаны по парам, из которых один был русским, а другой – иностранцем на русской службе. Шествие открывал и закрывал конный эскорт. Траурная колесница была запряжена 8 лошадьми в черных пополах. По сторонам от нее шли 60 гвардейских бомбардиров с зажженными свечами. Над гробом 10 штаб-офицеров несли богатый балдахин на литых серебряных древках с гербами. Его покров придерживали за кисти два полковника. Траурное шествие сопровождали 200 священнослужителей.

За колесницей несли царские регалии. За ними следовали императрица и другие официальные лица по старшинству (все в черном). Была сильная метель, но Екатерина, поддерживаемая А. Д. Меншиковым и Ф. М. Апраксиным, шла за гробом пешком.

Перед гробом великой княжны Натальи шли два маршала с жезлами, а за ним несли ее корону, ордена и регалии.

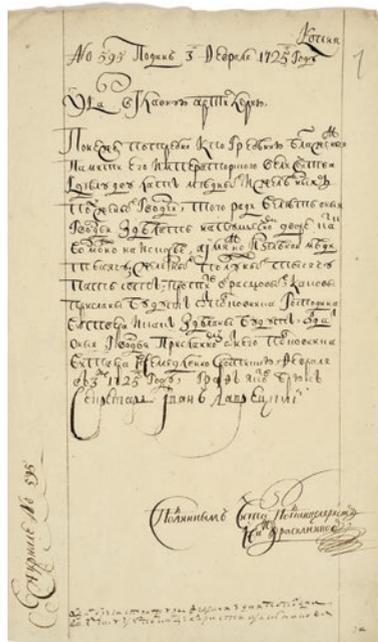
Церемония была сложной и длинной; весь Петербург тогда был убран в траур. Пушки палили каждую минуту на протяжении всей церемонии. Процессия шла по льду Невы от Зимнего дворца к крепости и в собор.

В погребальной процессии, шествовавшей в Петропавловскую крепость, тело государя сопровождали две символические фигуры рыцарей. Один из них в вызолоченных латах («радостный рыцарь») следовал верхом на коне, а другой, в черных латах («печальный рыцарь»), шел пешком: «В позлащенных латах из шталмейстеров

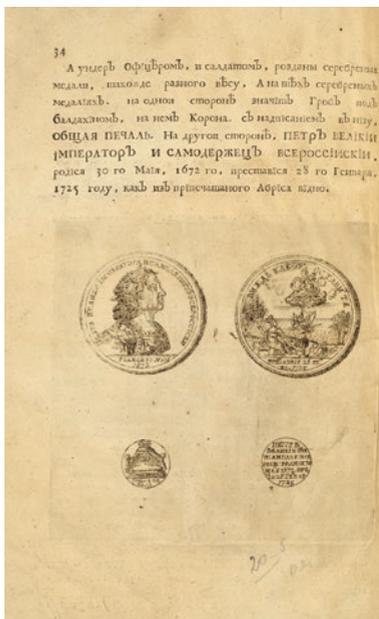
Козма Теремницкой ехал на лошади с обнаженным мечом, на лошади седло шито с богатым убором, у того латника на шлеме, також и у лошади на голове и на хресте плюмажные кусты из красных и белых перьев; по обе стороны ево шли два драбанта в черном платье и епанчах с алебардами. В черных латах артиллерии капитан Валмут шел держа меч вниз, обвит ефес черным флором, на голове плюмажный куст из черных же перьев». По прибытии процессии в собор святых апостолов Петра и Павла во время отпевания оба рыцаря стояли «во главах гроба». Сохранился указ графа Я. В. Брюса в Главную артиллерию от 3 февраля 1725 г. об изготовлении на Пушечном дворе гвоздей для двух доспехов («печального» и «радостного» рыцарей), необходимых для оформления погребальной церемонии императора Петра Великого¹⁴ (ил. 5).

На Иоанновском мосту кортеж был встречен комендантом крепости, а на паперти собора – членами Святейшего Синода. При входе в собор выставили караул. Иностранных дипломатов в собор не пустили.

Гроб с телом почившего императора установили в Петропавловском соборе, где состоялось прощание. Надгробную речь проносил вице-президент Священного Синода архиепископ Феофан Прокопович. Тогда и прозвучали знаменитые его слова: «Что се есть? До чего мы дожили, о россияне! Что видим? Что делаем? Петра Великого погребаем!». Однако тело императора захоронено в землю не было. Погребение состоялось лишь

Ил. 5. Указ графа Я. В. Брюса в Главную артиллерию от 3 февраля 1725 г. об изготовлении на Пушечном дворе гвоздей для двух доспехов («печального» и «радостного» рыцарей), необходимых для оформления погребальной церемонии императора Петра Великого. ВИМАИВиВС

Ил. 6, 7. Описание порядка, держанного при погребении... Петра Великого. М., 1726 г. ВИМАИВиВС

символически: горсть земли кинули на крышку гроба, так как усыпальница для императора не была еще готова, как и весь собор.

Гроб был помещен во временную деревянную часовню, сооруженную по проекту Д. Трезини. Рядом поставили гробик шестилетней дочери императора Наталии, скончавшейся 4 марта. При гробе Петра почетный караул стоял еще шесть недель. Траур по императору был объявлен сроком на год. В 1727 г. к гробу Петра присоединился еще один, с телом его супруги Екатерины I, скончавшейся от гнойной пневмонии. Только 29 мая 1731 г., по распоряжению императрицы Анны Иоанновны, состоялись их похороны. Сама государыня при погребении августейшего дяди и его супруги не присутствовала, так как находилась в это время в Москве. Под орудийный салют в 51 выстрел оба гроба поместили в двойной склеп в южном нефе собора¹⁵.

В собрании ВИМАИВиВС сохранилось уникальное печатное издание, описывающее церемонию погребения Петра Великого и его дочери¹⁶ (ил. 6, 7).

Ил. 8, 9. Памятный жетон на смерть императора Петра Великого 28 января 1725 г. ВИМАИВиВС

О траурных мероприятиях, связанных с кончиной Петра Великого напоминают памятные жетон и медали.

На лицевой стороне жетона изображен стоящий на постаменте гроб, сверху которого лежит императорская корона. Над ними – балдахин, также увенчанный короной и вензелем императрицы Екатерины I. На оборотной стороне надпись «ПЕТР / ВЕЛИКИЙ ИМПЕР[АТОР] / И САМОД[Е]Р[ЖЕЦ] ВСЕРОСИ[ЙСКИЙ] / РОДИСЯ. 30.МАІЯ / 1672 ПРЕСТА[ВІСЯ] / 28 ГЕНВАРЯ / 1725». Такие жетоны раздавались во время погребения простому народу (ил. 8, 9).

На лицевой стороне медали погрудный портрет Петра I в доспехах римского императора и лавровом венке вправо. В обрезе плеча монограмма медальера: «Р.В.Ф.» («Питер Берг исполнил»). По кругу надпись: «ПЕТР ВЕЛИКИЙ ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОСИЙСКИЙ». В обрезе: «РОДИСЯ. 30. МАІЯ / 1672». На оборотной стороне надпись по кругу: «ВИЖДЬ КАКОВУ ОСТАВИХ ТЯ». В обрезе: «ПРЕСТАВИСЯ. 28. / ГЕНВАРЯ. 1725». На медали изображена аллегория вечности в виде женской фигуры с уроборосом (змеей, кусающей себя за хвост – знак приобщения к вечности) в руке уносит Петра в небеса. Аллегория России в виде коронованной женской фигуры сидит на берегу моря с кораблями и заходящим за горизонт солнцем слева. Рядом с фигурой России атрибуты власти, науки, искусств и войны. Справа два лавровых дерева – символ славных деяний и вечной жизни (ил. 10, 11).

Ил. 10, 11. Медаль в память кончины императора Петра Великого.
Россия. 1725 г. ВИМАИВиВС

Оригинал медали изготовлен датским медальером Антоном Шульцем. В 1716–1724 гг. он работал в Копенгагене. Затем переехал в Россию и в 1724–1734 гг. служил на Московском монетном дворе. Копия выполнена также датским медальером Петером Бергом, который работал в Копенгагене в 1699–1730 гг. Золотых медалей было отчеканено 1600 штук, и они раздавались на похоронах императора высшим чинам государства и старшим офицерам. Для унтер-офицеров и солдат было выпущено 10 000 серебряных медалей. Простому народу выдавали памятные жетоны¹⁷.

На лицевой стороне второй, более поздней медали также погрудный портрет Петра I в доспехах и лавровом венке вправо. По кругу надпись: «Б[ОЖИЕЙ]. М[ИЛОСТЬЮ]. ПЕТР I. ИМПЕРАТ. И САМОДЕР. ВСЕРОСС». В обресе плеча царя подпись медальера: «М.В.КУЧК.» («М. В. Кучкин»)¹⁸. Бюст Петра I в лавровом венке, доспехах, с Андреевской лентой и в горностаевой мантии вправо. На оборотной стороне под императорской короной легенда: «НАРЕЧЕН ЦАРЕМ/ 1682 Г. РАСПР[ОСТРАНИЛ]. РОССИЮ/ ЗАВОЕВАННЫМИ СТРАНАМИ/ ДАЛ ЗАК[ОНЫ]. УЧР[ЕДИЛ]. ФЛОТ/ И ВОЙСКО ВВЕЛ/ НАУКИ И ХУДОЖЕСТ./ ВЛ.43 ЖИЛ 52 Г./ И 8 МЕСЯЦОВЪ/ (53) (ил. 12, 13).

В последние годы Северной войны Петр I задумал создать монумент, который прославлял бы победы русского оружия и его личные заслуги перед Отечеством. Его предполагалось установить на одной из центральных площадей Санкт-Петербурга. Памятник

Ил. 12, 13. Медаль на смерть императора Петра Великого.
Россия. Вторая половина XVIII в. ВИМАИВиВС

должен был представлять собой бронзовую колонну дорического ордера, состоящую из восьми (вначале семи) цилиндров с барельефными изображениями основных сражений Северной войны и Персидского похода (снизу вверх: сражение при Лесной, Полтавский бой, взятие Риги, взятие Ревеля, Прутский поход, баталия при Фридрихштадте, Гангутский бой и взятие Дербента), увенчанную скульптурной группой «Петр I, высекающий стацию России» на высоком пьедестале с аллегорическими фигурами поверженных врагов у подножия, над которыми должны были быть четыре круглых барельефа-медальона (взятие Нотебурга, основание Петербурга, взятие Нарвы и битва при Калише)¹⁹.

Заказ на изготовление образца триумфальной колонны Бартоломео Карло Растрелли получил от царя еще в начале 1721 г., когда уже было очевидно, что война близится к завершению. Прямым указанием Петра Алексеевича было использовать в создании барельефов рисунки П. Д. Мартена-младшего, П. Пикарта, А. Ф. Зубова и других с видами важнейших сражений той эпохи. Дальнейшая работа над Триумфальным столпом тесным образом связана с деятельностью токарной мастерской Петра I. Всего в создании моделей столпа принимали участие лично Петр I, скульптор Растрелли, живописец Луи Каравак, декоратор и скульптор Никола Пино, токарные мастера-механики Франц Зингер и Андрей Константинович Нартов. С 1723 г. под руководством Нартова велись работы над изготовлением моделей Триумфального столпа из бронзы и слоновой кости. Однако при жизни Петра

они не были закончены, и работа продолжалась до 1730 г. При этом за эти годы было изменено и скульптурное завершение столпа. Вместо «Петра-скульптора» Александр Мартелли изготовил бронзовую модель статуи Петра в образе римского триумфатора.

С приходом к власти императрицы Анны Ивановны интерес двора к петровскому Триумфальному столпу угас. Неоконченные барельефы в 1735 г. были сданы в Академию наук.

После вступления на российский престол «дщери Петровой» – императрицы Елизаветы Петровны скульптор Б. К. Растрелли возобновляет работу по увековечиванию образа Петра Великого. В барельефном портрете он изобразил покойного государя как «державного великана», венчанного лавровым венком. Сохраняя элементы портретности, Растрелли отбрасывает частности, подчиняя всё созданию патетического, героизированного образа. Петр, так же, как и в бюсте, облачен в латы полководца и императорскую горностаевую мантию с рельефными гербами России. На панцире сделан барельеф: несущиеся навстречу друг другу лавины русских и шведских войск и в центре боя на коне Петр. В 1742–1743 гг. Б. К. Растрелли отливает из олова погрудные медальоны-барельефы Петра I и его дочери императрицы Елизаветы Петровны. Создавая парные барельефы, скульптор не только подчеркнул сходство Елизаветы и ее отца, но поместил на ее груди медальон с портретом Петра²⁰ (ил. 14).

Однако работа по созданию монумента вновь застопоривается. В 1748–1751 гг. Нартов делает последние попытки закончить модель Триумфального столпа, но никакой помощи от Академии наук и Канцелярии от строений не получил.

Спустя два столетия бронзовую модель Триумфального столпа частично реконструировали в 1938 г. для выставки произведений Растрелли в Русском музее. Монумент состоял из восьми отлитых во второй половине 1720-х гг. барельефов-цилиндров с добавлением новодельных медных и бронзовых деталей, а также четырех рельефов в основании столпа (выполненных методом гальванопластики по оригинальным рельефам 1720-х гг., ныне находящимся в собрании Государственного Эрмитажа), и был увенчан статуей Петра I.

В настоящее время эта триумфальная колонна экспонируется в Круглом зале, или Ротонде Эрмитажа, построенном в 1830 г. архитектором Огюстом Монферраном, а после пожара 1837 г.

восстановленном с некоторыми изменениями А. П. Брюлловым.

К теме увековечивания посмертной памяти великого русского императора вернулась уже Екатерина II, считавшаяся достойной преемницей его деяний. В Северной столице решено было создать бронзовый конный памятник Петру.

Пьедесталом для скульптуры послужил так называемый «Гром-камень», который был найден в окрестностях Конной Лахты. Для перевозки камня были выбраны зимние месяцы, когда почва подмерзла и смогла

выдерживать тяжесть. Эта уникальная операция продолжалась с 15 ноября 1769 г. по 27 марта 1770 г. Камень был доставлен на берег Финского залива, где для его погрузки была сооружена специальная пристань.

Транспортировка камня по воде осуществлялась на судне, специально построенном по чертежу известного корабельного мастера Григория Корчбеникова, и началась только осенью. Гигантский «Гром-камень» при огромном стечении народа прибыл в Петербург на Сенатскую площадь 26 сентября 1770 г. Для выгрузки камня у берега Невы был использован прием, уже примененный при погрузке: судно было притоплено и село на предварительно вбитые в дно реки сваи, что дало возможность сдвинуть камень на берег.

Работы по обтеске пьедестала проводились во время движения камня, до тех пор, пока посетившая Лахту императрица Екатерина, желавшая посмотреть на его перемещение, не запретила его дальнейшую обработку, желая, чтобы он прибыл в Петербург в своем «диком» виде, без утраты объема. Окончательный вид камень приобрел уже на Сенатской площади, значительно утратив после обработки свои первоначальные размеры. Он представляет собой не единую глыбу, а состоит из нескольких тесно пригнанных друг к другу блоков²¹.

Ил. 14. Медальон с портретом Петра Великого. 1741–1743 гг. Скульптор Б. К. Растрелли. ВИМАИВиВС

Ил. 15, 16. Медаль на перевозку монолита под памятник Петру Великому. Россия. 1770 г. ВИМАИВиВС

В честь этой уникальной операции по перемещению гигантского камня была вылита специальная медаль. Её автором стал медалер Иоганн Каспар Готлиб Егер.

На лицевой стороне медали вверху по кругу надпись: «ЕКАТЕРИНА II». Там же погрудный портрет императрицы Екатерины II влево. В обресе плеча инициалы медалера: «I.G.I.F.» («Иоганн Готлиб Егер исполнил»). На оборотной стороне по кругу надпись: «ДЕРЗНОВЕНИЮ ПОДОБНО». В обресе: «ГЕНВАРЯ.20/ 1770». Камень под постамент памятника Петру на волокушах привозят в Петербург при полном стечении народа. Справа на линии обреза инициалы медалера: «I.G.I.» («Иоганн Готлиб Егер»)²² (ил. 15, 16).

Сам памятник был открыт лишь спустя 12 лет после доставки камня. Модель конной статуи Петра выполнена французским скульптором Этьеном Фальконе в 1768–1770 гг. Голову статуи лепила ученица скульптора Мари Ани Колло. Змею по замыслу Фальконе вылепил Федор Гордеев. Отливка статуи осуществлялась под руководством литейных дел мастера Василия Екимова и была закончена в 1778 г.

Первая отливка скульптуры состоялась летом 1775 г. По легенде, во время работы лопнула труба, по которой заливалась бронза, и только благодаря стараниям мастера Емельяна Хайлова удалось спасти нижнюю часть памятника. В 1777 г. были выполнены верхние части скульптуры, не получившиеся при первой отливке. В следующем году Фальконе был вынужден покинуть Россию. Уезжая,

он увез с собой все чертежи и технические расчеты. Работы по завершению памятника были поручены архитектору Ю. М. Фельтену. Монумент был торжественно открыт 7 августа 1782 г., к столетию вступления на престол Петра I, при огромном стечении народа, в присутствии императорской фамилии, дипломатического корпуса, приглашенных гостей и под гром оркестра с пушечной пальбой. По иронии судьбы на его открытие Фальконе так и не был приглашен²³.

Французский посланник при русском дворе Шарль Оливье де Сен-Жорж де Верак так описывал церемонию открытия памятника: «В воскресенье... состоялась пышная и торжественная церемония открытия памятника Петру Первому в память о Создателе Империи. Этот монумент воздвигнут на очень просторной площади, которая с одной стороны обрамляется зданиями Сената и Адмиралтейства, а с другой – набережной и мостом через Неву, соединяющим эту часть города с Васильевским островом. Все это пространство было заполнено огромной толпой народа, тремя [пехотными] гвардейскими полками, полком Конной гвардии и другими воинскими частями общей численностью до 10 тыс. человек. Для более удобного размещения зрителей избранного круга там были сооружены своего рода подмости. Статуя была скрыта за огромными декоративно расписанными полотняными щитами.

В пять часов вечера Императрица, выйдя из своего дворца, поднялась на борт стоявшего на Неве баркаса, который доставил ее к месту события. Она сошла на берег в сопровождении многочисленного кортежа, состоящего из офицеров и фрейлин ее Двора, и, поднявшись в Сенатский дворец, вышла затем на его просторный балкон. Ее Императорское Величество подала сигнал, и в тот же момент щиты, скрывавшие монумент, опустились на глазах зрителей. Появление статуи Петра Великого было встречено трехкратным залпом адмиралтейской артиллерии и орудий [Петропавловской] крепости, сопровождавшимся ружейными залпами присутствующих на площади войск.

Затем полки прошли торжественным маршем перед Ее Императорским Величеством... Это событие было отмечено выпуском памятной медали, на одной стороне которой изображена статуя Петра Первого, а на другой – бюст Императрицы. Ее Императорское Величество приказала отчеканить из золота некоторое количество таких медалей, которыми она сооблаговолила одарить главных вельмож своего Двора и иностранных министров»²⁴.

Ил. 17. Памятник Петру I.
Литография К. И. Беггрова
с рисунка А. Кнорре. Россия.
1840–1850 гг. ВИМАИВиВС

Памятник Петру Великому, получивший распространенное название «Медный всадник», стал вторым конным памятником российскому государю. Первая скульптура работы Б. К. Растрелли была отлита в 1747 г., но установлена перед Михайловским замком лишь в 1800 г. В условном одеянии, на вздыбленной лошади, Петр изображается Фальконе как законодатель и цивилизатор. Скульптор изобразил Петра в подчеркнутом динамическом состоянии, одел его в простую и легкую одежду, которая, по словам скульптора, принадлежит «всем нациям, всем мужам и всем векам; одним словом, это героическое одеяние». Богатое седло он заменил медвежьей шкурой, которая символизирует

нацию, цивилизованную государем. Постамент в виде громадной скалы – символ преодоленных Петром I трудностей, а введенная в композицию змея представляет собой остроумную находку в решении задачи по обеспечению статической устойчивости монумента. Ее появление под ногами вздыбленного коня достаточно убедительно объясняется тем, что она изображает «враждебные силы». И только венки из лавра, венчающий голову, да меч, висящий у пояса, указывают на роль Петра как полководца-победителя (ил. 17).

В честь этого знаменательного события всем присутствующим выдавали специальный памятный жетон работы уже упомянутого медальера Егера. На лицевой стороне изображение головы Екатерины II влево. В обрезе: «Л 1782 АВ 6 Д» («Лета 1782 августа 6 дня»). На оборотной стороне памятник Петру Великому с надписью: «ПЕТРУ. I. / ЕКАТЕРИНА. II.»²⁵ (ил. 18, 19).

В начале 1872 г. для подготовки к 200-летию со дня рождения первого российского императора под председательством члена

Ил. 18, 19. Жетон на открытие памятника Петру Великому.
Россия. 1782 г. ВИМАИВиВС

Государственного Совета П. Н. Игнатьева была образована правительственная комиссия из представителей главных министерств, императорского двора, столичной городской думы. Юбилейные торжества начались 30 мая в Петропавловском соборе, где в присутствии императора Александра II была совершена панихида над гробом Петра Великого. После богослужения царь с членами императорской фамилии вдоль расставленных по пути следования шпалерами войск направился в Исаакиевский собор. Оттуда по окончании литургии начался крестный ход с мемориальными вещами Петра Великого и иконой Спасителя, хранившейся в его домике на Петроградской стороне. Процессия направилась к Медному всаднику, разукрашенному цветами. После крестного хода и молебна начался парад войск. На Царицыном лугу (Марсовом поле) на двух открытых сценах были представлены пьесы «Купец Иголкин» и «Дедушка русского флота». Там же для широкой публики демонстрировались тридцать картин с пояснительными надписями, посвященных деяниям Петра. Празднование завершилось народными гуляниями.

Торжества прошли во всех крупных городах империи. В Москве к юбилейной дате была открыта Политехническая выставка. Благодаря всплеску интереса к Петровской эпохе было издано большое количество научной, научно-популярной, краеведческой и другой литературы, посвященной жизни и деятельности царя-преобразователя.

Об этих торжествах напоминает медаль на 200-летие со дня рождения императора Петра Великого²⁶. На лицевой стороне

Ил. 20, 21. Медаль на 200-летие со дня рождения императора Петра Великого. Россия. 1872 г. ВИМАИВиВС

медали изображена голова Петра I в лавровом венке влево. В об­ре­зе шеи инициалы медальера: «А.Л.» («Александр Лялин»), ниже подпись медальера: «КОП. В. БАРАНОВ» («Копировал Василий Баранов»). На оборотной стороне надпись: «В ВОСПОМИНАНИЕ/ ДВУХСОТЛЕТИЯ/ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ/ ИМПЕРАТОРА/ ПЕТРА ВЕЛИКАГО./ ПРИИДИ И ВИЖДЬ». По кругу в ободке вверху: «1672-30-МАЯ-1872». Внизу: «В ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II» (ил. 20, 21).

Новый всплеск интереса в русском обществе к личности царя-реформатора возник спустя почти три десятка лет. Страна готовилась отметить двухвековой юбилей основания столицы империи – Санкт-Петербурга. В 1903 г. официальная часть празднования 200-летия со дня основания Санкт-Петербурга состоялась в присутствии императора Николая II и длилась всего два часа. Царь не любил Петра Великого и не хотел произносить длинных речей во славу своего великого предка. Этим праздником заправляло не правительство, а Юбилейная комиссия, которую возглавлял городской голова, купец 1-й гильдии П. И. Лелянов. Гласные городской думы посчитали, что торжества должны походить на те, которыми отмечено было 100-летие северной столицы.

16 мая 1903 г. праздник начался в 8 часов утра 21 пушечным выстрелом с Екатерининского равелина Петропавловской крепости. По всей акватории Невы выстроились в строгом порядке суда, около полутора сотен яхт разных клубов Петербурга, военные корабли и пр. Все суда были украшены многочисленными

флагами от петровского времени до современных. Когда отгремел последний выстрел со стен крепости, отряд гвардейских моряков во флотской форме петровского времени вынес на руках верейку Петра Великого, на которой была установлена икона Христа Спасителя, сопровождавшая русские войска в битве под Полтавой. На пароходном катере икона на верейке была доставлена к Медному всаднику, где их встречали высшее духовенство во главе с митрополитом и царская семья.

В это же время гласные Санкт-Петербургского городского управления и представители сословий на пароходе «Петербург» от Дворцовой набережной прибыли в Петропавловскую крепость. За ним следовали пароход с духовенством и иконой Христа Спасителя, пароход с петровским ботиком и катера представителей «высшего света» столицы. С бастионов раздался салют в 31 пушечный залп. По второму выстрелу начался салют со стоящих на Неве военных кораблей. После чего представители городов и купеческих, мещанских и ремесленных сословий и цехов отправились в Петропавловский собор.

В соборе была отслужена лития, после которой городской голова и представители городского общественного управления возложили на могилу Петра I памятные медали. По распоряжению Синода в этот день в петербургских храмах совершались торжественные молебны.

В эти праздничные дни не прекращался поток делегаций, высокопоставленных лиц, представителей частей армии и флота и просто обывателей в Петропавловский собор. Царская семья после богослужения направилась к Троицкому мосту, который открывался именно в этот день.

По воспоминаниям очевидцев, день тогда выдался солнечным. Праздничное убранство города отличалось обилием зелени и цветов. Триумфальные арки украшали площади и набережные. Например, на Знаменской площади (площади Восстания) располагался трельяж, оформленный как триумфальная арка, и на двух крайних панно изображалось чудесное превращение болота в город.

На праздничные торжества прибыли многочисленные гости. На приеме в Городской Думе присутствовало 107 делегаций, которые вручали памятные адреса и подарки. К этому дню из-за границы приехало до двадцати тысяч приглашенных лиц, среди которых были мэры и бургомистры почти всех крупных европейских

Ил. 22, 23. Медаль на 200-летие основания Санкт-Петербурга.
Россия. 1903. ВИМАИВиВС

городов. Для них был устроен в Летнем саду обед под открытым небом, который готовили 300 поваров от 16 рестораторов. Не менее впечатляющим было празднование в Меншиковском дворце.

В честь юбилея была отчеканена медаль на 200-летие основания Санкт-Петербурга (1703–1903)²⁷. На лицевой стороне медали по кругу надпись: По кругу: «ИМПЕРАТОР ПЕТР I – ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II». Там же находится парный профильный портрет влево – императора Петра Великого в лавровом венке и императора Николая II. На оборотной стороне по кругу надпись: «В ПАМЯТЬ 200-ЛЕТИЯ ОСНОВАНИЯ ГОРОДА С. ПЕТЕРБУРГА 16 МАЯ». В обресе: «1703–1903». В центре медали изображена Россия, держащая лавровый венок и щит с гербом города, в сиянии в облаках над Санкт-Петербургом, у ее ног – двуглавый орел, над головой – звезда. Медаль выполнена по проекту художника Ф. Ф. Бухгольца, лепка оборотной стороны медали работы его жены, скульптора М. Л. Диллон, которая училась с А. Ф. Васютинским, автором лицевой стороны медали²⁸ (ил. 22, 23).

Вторая медаль (знак) в память 200-летия Санкт-Петербурга была выполнена медальером В. Андреевым²⁹. На лицевой стороне по кругу надпись: «ИМПЕРАТОР ПЕТР ВЕЛИКИЙ». В центре изображение головы Петра, под которой подпись «В. АНДРЕЕВ». На оборотной стороне по кругу надпись: «В ПАМЯТЬ 200 ЛЕТИЯ ОСНОВАНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА». В центре медали в перекрестиях двух знамен, сверху герб Санкт-Петербурга, украшенный лавровыми ветвями, внизу на фоне глобуса

Ил. 24, 25. Медаль (знак) в память 200-летия Санкт-Петербурга.
Россия. 1903 г. ВИМАИВиВС

скрещенные топор и молот, слева корабль, справа пушки, банник и пушечные ядра (ил. 24, 25).

При императоре Николае II в 1909 г. в Полтаве, а также и по всей Российской империи прошли грандиозные торжества, посвященные 200-летию юбилею Полтавской виктории.

Основные празднования прошли в Полтаве, где царь находился 26 и 27 июня. В первый день он принимал делегации от города Полтавы, Полтавского уездного земства, Полтавского купеческого общества, от обществ казаков и крестьян Полтавской губернии. Всего для встречи с императором было отобрано 4 тыс. представителей земского населения, по 15 человек от каждой волости Российской империи, в сопровождении 130 старшин и 39 земских начальников. Утром состоялась панихида на Братской могиле русских воинов, павших в сражении, и посещение новой Петропавловской церкви. Представители духовенства в новом облачении выстроились вдоль дороги к новой церкви. После объезда войск Николай уже вернулся в Полтаву и посетил сначала кафедральный собор, а потом церковь Спаса Нерукотворного. В этой церкви Петр молился перед битвой, и в канун юбилея она была передана в ведение военного ведомства.

Затем состоялась церемония открытия памятника полтавскому коменданту полковнику Келлину и парад войск полтавского гарнизона, кадетского корпуса, с участием батареи 9-й артиллерийской бригады и сотни 16-го Донского казачьего полка. Первый день завершился посещением музея и инвалидного дома на Братской могиле, а затем участие во Всенощной в храме св. Сампсония.

Торжественный день 27 июня начался с литургии в Сампсониевском храме и молебне на поле перед войсками. Кульминацией торжеств стал военный парад. Церемониальным маршем перед императором и гостями, находившимися на специальной трибуне на Братской могиле, прошли батальоны Преображенского и Семеновского гвардейских полков, пехотный Ингерманландский полк в полном составе, 1-я батарея лейб-гвардейской Первой артиллерийской бригады, знаменные роты пехотных полков и штандартные эскадроны кавалерийских, в том числе гвардейских Конного и Кирасирского, 1-го Уланского Санкт-Петербургского, Владимирского, Кексгольмского, Московский и Нижегородский драгунские полки и многие другие.

Затем Николай принял парад кадетов на кадетском плацу, а вечером он отбыл из Полтавы. Такой напряженный график передвижения царя сопровождался повышенными мерами безопасности. Из многих губерний, в том числе Санкт-Петербургской и Московской, в Полтаву были присланы дополнительные городовые полицейские, конные стражники и конно-жандармский дивизион. Пройти на все торжественные мероприятия в Высочайшем присутствии можно было только по специальным билетам разного цвета. Всего было 16 категорий билетов и 4 варианта пропусков для экипажей с точным указанием маршрута следования и времени в пути. Были специальные билеты для военных чинов, духовенства и причта.

В Петербурге к юбилейным торжествам под руководством епархиального архитектора А. П. Аплаксина был отреставрирован Сампсониевский собор на Выборгской стороне, построенный по указу Петра в честь победы на Полтавском поле. По указу Святейшего Синода церковь получила статус собора³⁰.

В память юбилея Полтавской победы 17 июня 1709 г. повелением Николая II была учреждена медаль «В память 200-летия Полтавской битвы»³¹. Её автором стал известный медальер А. Ф. Васютинский. На лицевой стороне медали изображен профиль Петра I в лавровом венке влево. На оборотной стороне надпись: «ПОЛТАВА/ 1709/ А О ПЕТРЕ/ ВЕДАЙТЕ ЧТО/ ЖИЗНЬ ЕМУ НЕ/ ДОРОГА – ЖИЛА/ БЫ ТОЛЬКО/ РОССИЯ/ 1909». Медаль имела ушко и крепилась на голубой (андреевской) ленте (ил. 26, 27).

На следующий год Российская империя отмечала 200-летие присоединения к ней Эстляндии. Московский губернатор генерал Владимир Федорович Джунковский (1865–1938) вспоминал об этом

Ил. 26, 27. Медаль в память 200-летия Полтавской баталии.
Россия. 1909 г. ВИМАИВиВС

юбилее: «В середине сентября я получил приглашение от председателя Комитета по сооружению в г. Ревеле памятника императору Петру I на освящение означенного памятника и участие в торжествах 28–29 сентября, по случаю 200-летия присоединения Эстляндии к Российской империи. Губернатором в Ревеле был мой товарищ по корпусу и по полку и мой большой друг И. В. Коростовец, почему я и решил воспользоваться приглашением и, получив на это разрешение министра внутренних дел, поехал в Ревель, куда и прибыл накануне начала торжеств, 27 сентября... В этот же день прибыл в Ревель и представитель Государя великий князь Константин Константинович, которому были отведены покои в том же Вышгородском замке.

По приезде великого князя в замке состоялся прием должностных лиц, а вечером в соборе состоялась заупокойная всенощная.

На другой день, после обедни в соборе, в 2 часа дня, совершенно была у домика Петра Великого в Екатеринентале, торжественная панихида "по императоре Петре I, вождем и воинах его". К этому времени великий князь и все приглашенные съехались к домику, где, на площадке пред ним, выстроены были войска, морские команды, учебные заведения, депутации. В этом домике, в тени столетних, облепленных смоляными заплатами каштанов жил, 197 лет тому назад, Петр I. Домик был побелен и подновлен, в нем сохранились кровать, на которой спал Петр Великий, туфли его и деревянный шкафчик, собственной его работы.

По окончании панихиды и провозглашения "вечной памяти" Петру I, при салюте с судов, стоявших на рейде, все потянулись в город. Город в это время был уже весь разукрашен флагами,

гирляндами, арками, все имело праздничный вид, а чудное яркое солнце заливало своими лучами принарядившийся город и море. Вечером, после всенощной в соборе, в городской ратуше в 8 часов в честь великого князя от города был дан обед, на который было приглашено ограниченное число лиц, а в 10 часов в помещениях городского реального училища состоялся грандиозный раут, на котором присутствовал весь город.

29 сентября, в день 200-летия взятия г. Ревеля русскими войсками, великий князь и все приглашенные присутствовали на литургии в Александро-Невском соборе, по окончании которой вышел из собора крестный ход и направился к Петровской площади, к месту открытия памятника. За крестным ходом следовали великий князь и все находившиеся в соборе приглашенные. По всему пути, по красивому Комендантскому спуску, были выстроены шпалерами учебные заведения. Толпа народа стояла сзади, все крыши, даже купол кирхи святого Иоанна, были усеяны народом. Зрелище было удивительно красивое.

По вступлении крестного хода на помост у памятника началось молебствие с коленопреклонением. После многолетия была провозглашена "Вечная память". Как только протодиакон ее провозгласил, пелена, покрывавшая памятник, спала, и взорам присутствовавших представилась грандиозная бронзовая фигура Петра I, дышащая мощью, одухотворенная исторической правдой. Постамент – простая неотесанная гранитная глыба. По отдании войсками чести памятнику, салюта со всех судов, находившихся на рейде, при колокольном звоне всех церквей, преосвященный, окропив памятник и мраморную доску с наименованием войсковых частей, принимавших участие в осаде и взятии Ревеля, во главе крестного хода направился обратно в собор, войска же стали строиться к церемониальному маршу, а к памятнику выставлены были почетные часовые в форме петровского времени, с алебардами.

По возложении к памятнику венков различными депутациями войска продефилировали мимо державного преобразователя России.

С торжества открытия памятника все приглашенные отправились в Ревельское русское собрание, где состоялся завтрак, устроенный местным русским обществом. После завтрака на выставочной территории Эстляндского сельскохозяйственного общества состоялось открытие юбилейной выставки садоводства. Выставка

была довольно скромная, небольшая, но устроена она была с большим вкусом. Кроме выставки садоводства, в этот же день открылась историческая выставка в доме Братства черноголовых... Эта выставка была поразительно интересна, на ней собраны были предметы, имевшие отношение к эпохе Петра Великого, а также и к более ранней... Масса гравюр, утвари времен владычества шведов, средневековые модели кораблей бременских и любекских купцов, старинных рукописных торговых книг, ценнейших документов, картин, портретов, всевозможные кубки – серебряные, оловянные, медные, деревянные – среди них большой деревянный бокал в виде козулей ноги с крышкой. Этот бокал осушил Петр Великий 26 декабря 1714 г. при принятии его в число почетных членов Братства ревельских черноголовых. Затем интересна трость Петра Великого из Падиса. История ее такова: в сильном гневе император, отправляясь в 1715 г. из Гапсала, через Падис, в Балтийский порт и предполагая, что неисправность по доставке лошадей является виной владельца Падиса, ударил его этой палкой; когда же выяснилась невиновность последнего, император предложил ему испросить себе любую милость. Томас фон Рамм, тогдашний владелец Падиса, вежливо попросил у императора палку, от которой он только что невинно пострадал...

Великий князь Константин Константинович, по осмотре выставки, вписал свое имя в книге Братства, где дважды расписался Петр Великий, а затем старшина Э. К. Шпорледер, выпив из Петровского кубка за здоровье Государя, предложил и великому князю выпить из него и этим самым причислиться к почетным братьям этого древнего Братства черноголовых...»³².

Об этих торжествах напоминает медаль в память 200-летия присоединения Эстляндии к Российскому государству работы медальера А. Ф. Васютинского³³. На лицевой стороне медали, по краю по сторонам надпись: «ИМПЕРАТОРЪ ПЕТР I – ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II». На оборотной стороне по кругу надпись: «В ПАМЯТЬ 200-Л. ПРИСОЕДИНЕНИЯ ЭСТЛЯНДИИ К ДЕРЖАВЕ РОССИЙСКОЙ». В центре медали аллегория России в латах, шлеме и плаще, попирая меч, держит венки и щит с гербами России и Эстляндии. Слева под венком даты: 1710–1910 (ил. 28, 29).

Последняя дореволюционная медаль, посвященная петровским победным юбилеям, была выпущена в 1914 г. в память 200-летия Гангутской баталии. На лицевой стороне медали, по

Ил. 28, 29. Медаль в память 200-летия присоединения Эстляндия к Российскому государству. Россия. 1910 г. ВИМАИВиВС

кругу надпись: «ПЕТР ВЕЛИКИЙ ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОС[СИЙСКИЙ]» В центре портрет Петра в лавровом венке, в античных доспехах и мантии, расшитой двуглавыми орлами. На оборотной стороне надпись по кругу: «ПРИЛЕЖАНИЕ И ВЕРНОСТЬ ПРЕВОСХОДИТ СИЛЬНО / ПЕРВАЯ МОРСКАЯ ПОБЕДА ПРИ ГАНГУТЕ». Внизу в обресе дата: «ИЮЛЯ 27 ДНЯ 1714». В центре медали – изображение морского сражения при Гангуте с гравюры Николааса IV де Лар-мессена³⁴ (ил. 30, 31).

В 1914 г. праздничными мероприятиями предполагалось отметить и 200-летие победы русского флота у мыса Гангут – первого морского триумфа в истории российского государства. По инициативе Императорского Российского военно-исторического общества на фасаде Пантелеймоновской церкви в Петербурге (церковь была заложена в честь побед при Гангуте и Гренгаме еще при Петре I) были укреплены мраморные мемориальные доски с перечнем полков, сражавшихся в этих битвах.

В честь первой в истории России морской победы русского флота была также выпущена памятная медаль. Ею были награждены лица императорской фамилии, офицеры и нижние чины русского флота, имевшие отношение к воинским частям, участвовавшим двумя столетиями ранее в сражении при Гангуте, а также прямые потомки участников сражения. Эта медаль стала последней юбилейной наградой Российской империи. Однако из отчеканенных более 94 000 медалей вручено было только около 20 000,

Ил. 30, 31. Медаль в память 200-летия Гангутской баталии. Россия. 1914 г. ВИМАИВиВС

так как торжества были отменены из-за начавшейся Первой мировой войны.

Схожая судьба постигла и юбилейный «гангутский» рубль, также ставший последней памятной монетой Российской империи. Его выпуск приурочили к спуску на воду дредноута «Гангут», и торжества должны были ознаменовать возрождение славы русского флота после Цусимского поражения. Штемпеля гангутской медали и рубля выполнил П. Г. Стадницкий. Должен был состояться парад, каждый участник которого получил бы гангутский рубль, но провести его помешала начавшаяся война. Празднование было отменено, и почти весь тридцатитысячный тираж остался невостребованным. Небольшая часть монет (несколько сотен) осталась в резерве двора, а остальные пошли в переплавку³⁵.

Череду петровских юбилеев прервала Первая мировая война, а затем революционные потрясения. Никто уже не вспоминал о 200-лети Гренгамской морской победы (1920) и Ништадтского мира (1921), о 250-лети со дня рождения (1922) и 200-лети смерти Петра Великого (1925). Все эти даты остались в прошлой дореволюционной жизни.

О Петре Великом вновь вспомнили в 1957 г., когда отмечали перенесенный с 1953 г. из-за смерти И.В. Сталина 250-летний юбилей Ленинграда. Именно так назывался тогда этот праздник, который постарались привязать к 40-летию Октябрьской революции.

В 1959 г. в стране состоялось празднование 250-летия Полтавской битвы. И лишь только 300-летие со дня рождения императора Петра Великого в 2022 г. на основании специального указа Президента Российской Федерации В. В. Путина было отпраздновано во всероссийском масштабе и на государственном уровне.

¹ Ефимов С. В. Болезни и смерть Петра Великого // Ораниенбаумские чтения. Сборник научных статей и публикаций. Вып. I (Эпоха Петра Великого). СПб., 2001. С. 151–167.

² Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии. (Донесения саксонского советника посольства при русском дворе Иог. Лефорта, 1721-1727 гг.) // Сборник Русского Императорского исторического общества (далее: Сб. РИО). Т. 3. СПб., 1868. С. 332

³ Прокопович Ф. Краткая повесть о смерти Петра Великого, Императора и Самодержца Всероссийского. СПб., 1831. С. 2.

⁴ Дипломатическая переписка французского полномочного министра при русском дворе Кампредона с французским двором и французским посланником при Оттоманской Порте маркизом де Бонаком с 1723 по март месяц 1725 г. // Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 52. С. 415.

⁵ Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990. С. 554; См. также: Лелина Е. И. Лактинский подвиг Петра I: Легенда и действительность // Петербургские чтения 98–99. Энциклопедическая библиотека «Санкт-Петербург – 2003». СПб., 1999. С. 620–624.

⁶ Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетия: (Донесения прусского посланника при русском дворе Густава Мардефельда, 1721–1730 гг.) // Сб. РИО. СПб., 1875. Т. 15. С. 249.

⁷ Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1838. Т. IX. С. 147.

⁸ Рихтер В. История медицины в России. М., 1820. Ч. 3. С. 94.

⁹ Курпьянов Н. История медицины в царствование императора Петра Великого. СПб., 1872. С. 16.

¹⁰ Яковлев Г. М., Аникин И. Л., Трохачев С. Ю. Материалы к истории болезни Петра Великого // Военно-медицинский журнал. 1990. № 12. С. 57–60; Зимин И. В., Смирнов А. В., Аль-Шукри С. Х., Лукичев Б. Г. Последняя болезнь и смерть Петра Великого // Нефрология. 2003. Т. 7. № 2. С. 88–92.

¹¹ Молев Ю. А. История Дома Романовых глазами судебно-медицинского эксперта. СПб., 2022. С. 106.

¹² Abgestatteter Bericht and den romischskaiserlichen Hof von der rusischen Kaiserin Katharina der ersten Herkunft und Gelangung zum Thron // Magazin fur die neue Historie und Geographie. Halle, 1777. V. 11. S. 497.

¹³ АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 22. Л. 85.

¹⁴ Там же. Д. 107. Л. 7.

¹⁵ Прокопьев А. Ю. Погребение Петра Великого: протестантский стандарт в православной России // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. / Под ред. В. Н. Барышникова. СПб., 2007. С. 78–112; Логунова М. О. 1) Печальные ритуалы императорской России. СПб., 2011. С. 83–108; 2) За победой

после трудов воспоследуете покой. Смерть, погребение и создание мемориала на могиле Петра I // История Петербурга. № 73. 2018. С. 92–101. Ефимов С. В., Рымша С. С. Оружие Западной Европы XV–XVII вв. СПб., 2009. Кн. I. С. 6.

¹⁶ «Описание порядка держанного при погребении блаженна высокославна и вечно достоинеиша памяти всепресветлеишаго державнеишаго Петра Великаго императора и самодержца всероссииского и блаженна памяти ея императорского высочества государыни цесаревны Наталии Петровны. Печатано в типографии Московскои лета гдня 1726 мца марта, с превода печатаннаго в Санкт-Петербурге при Сенате лета гдня 1725 г». М., 1726.

¹⁷ Лит.: Сарычева М. А. Медаль на смерть Петра Великого и традиция посмертного апофеоза императора в европейской нумизматике // Музеи Московского Кремля: Материалы и исследования. Вып. 23. М., 2015. С. 83–99.

¹⁸ Кучкин Михаил Васильевич (1818–1873), с 1845 г. – медальер Санкт-Петербургского монетного двора.

¹⁹ Бабич М. В. «Журнал о походах» и план монументальной пропаганды Петра Великого // Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2010. Вып. 24. С. 3–24; Малиновский К. В. Бартоломео и Франческо Растрелли. СПб., 2017. С. 45–47.

²⁰ ВИМАИВиВС. Инв. № 5/777. Из собрания великого князя Михаила Николаевича в 1938 г.

²¹ Историческое известие о изваянном конном изображении Петра Великого, сочиненное коллежским ассесором и библиотекарем Императорской Академии Наук Иваном Бакмейстером / Переведено Николаем Карандашевым. СПб., 1786; Булах А. Г., Попов Г. Н., Янсон С. Ю., Иванов М. А. Новые данные о гранитном постаменте памятника Петру I «Медный всадник» в Санкт-Петербурге // Записки Горного института. 2021. Т. 248. С. 180–189.

²² ВИМАИВиВС. Инв. № 20/6268. Из собрания великого князя Михаила Николаевича в 1938 г.; Егер Иоганн Каспар Готлиб (1750-е – после 1791) – гравер на стали и твердых камнях, медальер. В 1772 г. назначен медальером Санкт-Петербургского монетного двора, где работал до начала 1790-х гг. В 1776–1778 гг. был преподавателем класса резьбы на стали и крепких камнях Академии художеств.

²³ См. подробнее: Каганович А. Л. Медный всадник: история создания монумента. Л., 1975.

²⁴ Маркиз де Верак об открытии памятника Петру I в Санкт-Петербурге 18 августа 1782 года / Пер. с франц. П. П. Черкасова // Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 6. М., 2005. С. 73–74.

²⁵ ВИМАИВиВС. Инв. № 20/6085. Из собрания великого князя Михаила Николаевича в 1938 г.

²⁶ Там же. Инв. № 20/146. Из собрания великого князя Михаила Николаевича в 1938 г.

²⁷ Там же. Инв. № 20/79. Из собрания великого князя Михаила Николаевича в 1938 г.

²⁸ Бухгольц Федор Федорович (1857–1942) обучался в Императорской Академии художеств (1872–1881). В 1885 г. получил за программную картину «Дедал и Икар» малую золотую медаль и звание классного художника II степени. С 1891 г. член петербургского Товарищества русских художников-иллюстраторов. В 1893–1919 гг. преподавал в Рисовальной школе Императорского (с 1918 г. – Всероссийского) Общества поощрения художеств. После 1917 г. участвовал в развитии агитационно-массового искусства, оформлял революционные праздники. Член Союза художников с 1932 г. Скончался в блокадном Ленинграде.

Диллон Мария Львовна (1858–1932) – первая в России женщина – профессиональный скульптор. Обучалась в Академии художеств в 1875–1888 гг., награждена малой золотой медалью и званием классной художницы за программную работу «Андромеда». Наиболее известны ее работы: «Девочка после купанья», «Ваханка» (1886), «Утро», «Поддень» и «Вечер» (1890-е гг.), «Лилия» (1900) и др. В начале XX в. Диллон выполнила много надгробных памятников.

Васютинский Антон Федорович (1858–1935) обучался в Киевской рисовальной школе (1876–1880), а затем вольнослушателем в Академии художеств (1882–1888). С 1893 г. – старший медальер Санкт-Петербургского монетного двора. С 1908 г. – академик Императорской Академии художеств, где с 1925 г. вел медальерный класс. Среди его основных произведений медали в честь живописца А. П. Боголюбова (1891) и медальера В. В. Алексеева (1894); в память 50-летия Русского археологического общества (1896) и Московского кадетского корпуса (1901), к 200-летию основания Петербурга (1903), в честь 200-летнего юбилея победы Петра I над Карлом XII под Полтавой (1909), в память 100-летия Отечественной войны 1812 г. (1912); штемпели для золотых и серебряных монет выпуска 1895 г.; штемпели монет СССР (1921, 1923, 1924, 1931, 1935), медали к 150-летию Горного института (1923), в честь академиков И. П. Павлова (1924) и А. П. Карпинского (1926); ряд значков ГТО (1931). Один из авторов первого Государственного герба РСФСР и ордена Ленина (эскиз утвержден в 1936 г.).

²⁹ ВИМАИВиВС. Инв. № 20/303. Поступила до 1938 г.

³⁰ Павленко В. В. Торжества в России, посвященные 200-летию Полтавской битвы // Вестник РГГУ (Серия «Исторические науки. Региональная история. Краеведение»). 2012. № 6 С. 225–234; Ефимов С. В. Полтавская баталия в памятниках и юбилеях // Бомбардир. 2019. № 29. С. 78–87.

³¹ ВИМАИВиВС. Инв. № 20/355. Поступила до 1938 г.

³² Джунковский В. Ф. Воспоминания: В 2 т. / Под общ. ред. А. Л. Паниной. М., 1997. Т. I. С. 155–156.

³³ ВИМАИВиВС. Инв. № 20/560. Из собрания великого князя Михаила Николаевича в 1938 г.

³⁴ Там же. Инв. 20/1459. Поступила до 1938 г.

³⁵ Петерс Д. И. Наградные медали Российской империи XIX–XX веков: Каталог. М., 1996. С. 274; Чепурнов Н. И. Наградные медали Государства Российского. М., 2000. С. 660; Алёшин А. Награды Первой мировой. М., 2010. С. 5–6; Стадницкий Петр Георгиевич (1853 – после 1916) – российский художник, медальер, скульптор. С 1873 г. учился в Императорской Академии художеств. В 1881 г. получил вторую серебряную медаль. В 1883 г. окончил курс и был определен младшим медальером на Санкт-Петербургский монетный двор. В 1884 г. получил звание классного художника, в следующем году – звание классного художника 3-й степени, в 1892 г. – классного художника 2-й степени. Кроме резьбы на стали, изучал скульптуру. Окончил Педагогические курсы при Императорской Академии художеств и с 20 января 1887 г. начал преподавать в 1-м петербургском реальном училище. С 1912 г. – старший медальер. Метил свои работы: П. С.; П. Стадницкий. В 1914 г. вышел в отставку. С 1915 г. руководил частной школой рисования и лепки. В числе его работ: медаль «В память сражения при Лесной, 28 сентября (9 октября) 1708 года», медаль «В память взятия в плен Левенгаупта, 30 июня (11 июля) 1709 года» и др.

А. Ю. Низовский

ПАМЯТНИКИ КОННЫМ БАТАРЕЯМ ГВАРДЕЙСКОЙ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ БРИГАДЫ НА БОРОДИНСКОМ ПОЛЕ

Памятники 1-й и 2-й конным батареям Гвардейской артиллерийской бригады были сооружены на Бородинском поле в 1912 г., в канун 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. Оба памятника абсолютно идентичны и различаются лишь текстами надписей на постаментах. Памятник 1-й конной батарее располагается к югу от левой (южной) Багратионовой флеши, на опушке Утицкого леса, памятник 2-й конной батарее – в центральной части Бородинского поля, между деревней Горки и Псаревским лесом (ил. 1 и 2).

В канун Бородинского сражения лейб-гвардии Конная артиллерия в составе двух восьмирудийных батарей под командой полковника Козена Петра Андреевича, согласно диспозиции, была оставлена в общем артиллерийском резерве у д. Псареве. 1-й батареей командовал капитан Захаров Ростислав Иванович, 2-й – капитан Ралль Александр Федорович. Уже на рассвете 26 августа 2-я батарея была передвинута к д. Князьково, где располагалась 1-я кирасирская дивизия генерала Депрерадовича Н. И., а у Псарева осталась лишь 1-я батарея. Около 8 часов утра М. И. Кутузов направил кирасирскую бригаду генерала Бороздина Н. М. из состава дивизии Депрерадовича на поддержку левого фланга, к Семеновским флешам. С этой бригадой в бой пошла и 1-я батарея лейб-гвардии Конной артиллерии.

«Рысью, во взводной колонне, двинулся туда кап[итан]. Захаров и прибыл к левому флангу как раз тогда, когда французская пехота, направленная в промежуток между флешами и Утицким лесом, угрожала обходом. Заметив в кустарниках обходящего неприятеля, Захаров построил фронт и без прикрытия понесся вперед, снялся на дистанции близкого картечного выстрела и

Ил. 1. Памятник 1-й конной батарее Гвардейской артиллерийской бригады на Бородинском поле. Фотография М. В. Губаревой. 2022 г.

открыл убийственный беглый огонь по выходящей из леса пехоте, которая, понеся большие потери, вынуждена была остановиться. Тем временем находившийся при батарее полк[овник]. Козен подскакал к кирасирам, дабы ускорить их движение. После же прибытия последних батарея приняла вправо и вступила в бой с 30 орудиями, стоявшими против нее, причем батарея разделилась. Шт[абс-].кап[итан]. Бистром с тремя орудиями занял возвышенность, дававшую возможность фланкирования неприятельской позиции, остальные же пять орудий поставили на интервалах в 50 шагов, дабы представлять меньшую цель. Мера эта оказалась чрезвычайно удачной, и в то время как с батареи ясно были видны попадания Бистрома, у нас ни одно орудие не было подбито. Зато потери в личном составе были большие.

Вскоре, расстреляв все комплекты снарядов и в ожидании прибытия второго эшелона зарядных ящиков, батарея отведена, по приказанию полк[овника]. Козена, назад. Захаров же поскакал к Бистрому, чтобы узнать, нельзя ли усилить его одним или двумя орудиями. “Ну, ребята, как вы тут живете-можете? Довольно ли у вас еще зарядов? Завидую счастью вашему! Вы можете еще сражаться за царя и отечество”. С этими словами обратился Захаров к солдатам, и в это время ядро ударило в него и в близ

Ил. 2. Памятник 2-й конной батарее Гвардейской артиллерийской бригады на Бородинском поле. Фотография М. В. Губаревой. 2023 г.

стоявшего фейерверкера. Четыре канонира подняли его, чтобы нести на перевязочный пункт, но, претерпевая ужасные мучения, он приказал двум из них вернуться обратно: “Подите туда, вы там нужны, а меня и двое как-нибудь доволокут”. Через четверть часа Захаров скончался, спрашивая: “Отступил ли неприятель?”»¹.

Около 11 часов батарею отвели в резерв.

2-я батарея до полудня 26 августа осталась в резерве у д. Псаревы. Когда, в связи с рейдом Платова и Уварова, на фронте наступило некоторое затишье, последний резерв Кутузова – полки лейб-гвардии Преображенский, Семеновский, кавалергарды и Конная гвардия – были подведены ближе к батарее Раевского. Вместе с ними была передвинута сюда и батарея капитана Ралля А. Ф. Французские атаки возобновились, кирасирам Коленкура удалось ворваться на батарею Раевского, но их контратаковали части 2-го кавалерийского корпуса генерал-адъютанта Корфа Ф. К. Первому дивизиону 2-й батареи лейб-гвардии Конной артиллерии было приказано поддержать кавалерию.

«Выехав карьером вперед и снявшись на ближнюю картечь, дивизион открыл огонь, про который полк[овник]. Козен писал, что “тут ни одна картечная пуля даром не пропадала”. Продолжая движение вперед, войска наши наткнулись на неприятельскую

пехоту и 12-ор[удийную], батарею После короткого жаркого боя орудия Гв[ардии]. конной батареи вынуждены были отступить, потеряв 23 нижних чина. Смертельно ранен кап[итан]. Ралль и убит пор[учик]. барон Вольф. С трудом возвратился с дивизионом шт[абс-].кап[итан]. Столыпин, принужденный отходить по местности, почти совершенно занятой неприятелем. Ему удалось сохранить все орудия, несмотря на то, что в одном из них было разбито передковое колесо, и поэтому номера тащили его, помогая лошадям, и вывезли на трех колесах. Два зарядных ящика и один передок взорваны»².

Почти одновременно с этим французская кавалерия атаковала стоявшую справа от позиции 2-й конной батареи 7-ю пехотную дивизию генерала Капцевича П. И. Неприятелю удалось прорвать каре 9-го егерского полка. Ситуация складывалась критическая: «Я предвидел уже решение нашей участи, и всю свою надежду полагал я на храбрую пехоту и артиллерию, сделавшиеся в этот день бессмертными», – писал М. Б. Барклай-де-Толли в донесении императору. Видя отход своей пехоты, командир 2-го дивизиона 2-й батареи поручик барон Корф, не ожидая приказа, двинул свой дивизион вперед. «По его примеру и по его приказанию солдаты махали руками и плетками, давая понять пехоте, чтобы она приняла в стороны, что при грохоте стрельбы криком сделать было невозможно. Когда пехота очистила местность, неприятельская головная колонна была от дивизиона саженьях в 100, но после второй или третьей картечных очередей колонны как не бывало: на ее месте лежала груда трупов. “Аж черно, да мокро”, – вырвалось у солдат, когда дым рассеялся»³.

Вслед за неприятельской пехотой в бой двинулась кавалерия Груши. Поручик Корф встретил ее частым огнем, однако противнику удалось дойти до орудий, и их спешно пришлось вывозить. «Номера не успели сесть на коней и бежали подле орудий. Барон Корф вел дивизион прямо на Кавалергардский полк. Выскакав вперед, на возвышение, он крикнул командиру 1-го взвода лейб-эскадрона: “Башмаков, выручи орудия!”. Кавалергарды бросились вперед, за ними Конная гвардия, и противник вынужден был остановиться и затем отходить»⁴.

В Бородинском бою, помимо выбывших из строя офицеров, 1-я батарея лейб-гвардии Конной артиллерии потеряла 58 нижних чинов, 2-я – 49. Оба командира батарей пали смертью храбрых.

К вопросу об увековечивании памяти предков-героев, павших в Бородинском сражении, лейб-гвардии конно-артиллерийская бригада обратилась в декабре 1911 г., первоначально высказав намерение соорудить в храме Спасо-Бородинского монастыря доски с кратким описанием действий гвардейских конно-артиллерийских батарей и именами убитых и раненых чинов, а также внести в монастырь денежный вклад для вечного поминовения убитых; все связанные с этим расходы бригада была готова принять на себя, но вместе с тем просила содействия комиссии, учрежденной для обсуждения порядка празднования 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г.⁵ Однако уже в январе 1912 г. 1-я его величества и 2-я его императорского высочества генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Николаевича батареи лейб-гвардии конно-артиллерийской бригады подали рапорта с ходатайствами о постановке на Бородинском поле памятников и о содействии к уступке означенным батареям участков земли для этой цели. Данные рапорта командир лейб-гвардии конно-артиллерийской бригады генерал-майор Орановский Николай Алоизиевич представил 19 января 1912 г. начальнику штаба Гвардейского корпуса А. А. Морицу⁶.

1 февраля 1912 г. начальник штаба Московского военного округа генерал-лейтенант Протопопов Н. И. известил А. А. Морицу о том, что Комиссия по организации празднования столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г., рассмотрев пожелания 1-й и 2-й батарей лейб-гвардии конно-артиллерийской бригады по постановке памятников на Бородинском поле сражения, постановила:

1) предоставить 1-й его величества батарее воздвигнуть памятник на избранном ею месте;

2) 2-й батарее предложить войти в соглашение с лейб-гвардии Конным полком для постановки общего памятника севернее батареи Раевского «в виду того, что знаменитая атака этого полка была поддержана огнем батареи, как действовавшей на одном участке»⁷.

Предложение об общем с лейб-гвардии Конным полком памятнике поддержки не получило, и 2-я батарея, наряду с 1-й, приступила к сооружению своего собственного памятника.

Проекты обоих памятников были утверждены 8 мая 1912 г.⁸ 10 мая 1912 г. генерал-майор Орановский Н. А. обратился к начальнику штаба Гвардейского корпуса с ходатайством

о содействии Комиссии по организации празднования столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г. об отводе за деньги участков земли на Бородинском поле под памятники 1-й и 2-й батарей лейб-гвардии конно-артиллерийской бригады: «Следующие за землю деньги будут немедленно по уведомлении представлены»⁹. Приехав 2 июня на Бородинское поле, Н. А. Орановский лично определил места постановки памятников: для 1-й его величества батареи – на земле крестьян деревни Семеновской, близ Семеновских флешей, для 2-й батареи – на земле крестьян деревни Горки, неподалеку от Бородинского монумента. «Постановления об уступке означенных мест бригаде составлены в моем присутствии господином земским начальником Ю. И. Зверевым, коему и переданы планы участков. Под памятник каждой батарее приобретается участок в 7 кв. сажений и 1 кв. аршин», – рапортовал Н. А. Орановский московскому губернатору В. Ф. Джунковскому 20 июня 1912 г.¹⁰

К 9 июля 1912 г. оба памятника были заложены¹¹ и находились в процессе сооружения. Строительство приняла на себя московская фирма «Синицын»¹², фактическим руководителем (и, по некоторым данным, совладельцем) которой являлся в это время Владимир Александрович Иванов.

Предприятие по производству и торговле памятниками «Синицын» было основано на рубеже 1880–1890-х гг. Ильей Григорьевичем Синицыным, с 1895 г. состоявшим в московском купечестве. С 1907 г. владельцем предприятия являлся его сын Александр Ильич, который, по-видимому, принял на себя лишь производственную часть¹³, в то время как архитектурно-художественной частью и, говоря современным языком, менеджментом, занялся В. А. Иванов¹⁴ (ил. 3).

Мещанин г. Борисова Минской губернии Владимир Александрович Иванов родился 12 июня 1882 г. После окончания Московского училища живописи, ваяния и зодчества по отделению архитектуры, он в сентябре 1907 г. подал прошение на имя директора Московского археологического института о зачислении его вольнослушателем¹⁵, однако дальше этого, судя по всему, дело не пошло. Сотрудничество В. А. Иванова с названным учреждением все же продолжилось, и в том же 1907 г. он получил статус комиссионера Московского археологического института¹⁶. Благодаря этой связи ему удалось лично познакомиться с

генерал-адъютантом Глазовым Владимиром Гавриловичем¹⁷, одним из организаторов Московского археологического института, председателем междуведомственной комиссии по рассмотрению всех вопросов, связанных с празднованием 100-летнего юбилея Отечественной войны, и председателем Особого комитета по устройству в Москве музея 1812 года. Очевидно, что В. А. Иванов был знаком и с секретарем комитета по устройству в Москве музея 1812 года – Генерального штаба полковником Афанасьевым Владимиром Александровичем, в ведении которого находились вопросы, связанные с подготовкой к празднованию юбилея Отечественной войны.

Ил 3. Строитель памятников конным батареям Гвардейской артиллерийской бригады В. А. Иванов. ВИМАИВиВС

Так или иначе, но в 1911 г. фирма «Синицын» получила заказ на установку первого памятника на Бородинском поле – лейб-гвардии Павловскому полку, а затем, в течение 1912–1913 гг., этой фирмой было установлено на Бородинском поле еще 13 памятников¹⁸.

В альбоме, составленном В. А. Ивановым в 1957 г. к 125-летию юбилею Бородинской битвы, сам он перечисляет 12 памятников, поставленных на Бородинском поле под его руководством, и в их числе – памятники 1-й и 2-й конным батареям Гвардейской артиллерийской бригады¹⁹. При этом он заявляет, что «я, Иванов В. А., создал все мои Бородинские памятники по своим личным проектам»²⁰. С последним утверждением в полной мере согласиться нельзя: перечисленные В. А. Ивановым памятники, равно как и еще два не вошедших в альбом²¹, действительно соорудила фирма «Синицын», но вот вопрос об авторстве этих памятников пока большей частью остается открытым. Достоверно установлено, что эскиз памятника 24-й пехотной дивизии предложен обществом офицеров 39-го пехотного Томского полка и отдан

фирме «Синицын» к исполнению²², а автором проекта памятника 1-й гренадерской дивизии является воспитанник старшего класса Императорского Московского технического Строгановского училища Матвеев²³; этот проект также был отдан фирме «Синицын» к исполнению. Документальных подтверждений тому, что В. А. Иванов является автором других перечисленных им в альбоме памятников, и в том числе памятников 1-й и 2-й конным батареям Гвардейской артиллерийской бригады, пока не обнаружено.

Каждый из двух памятников батареям лейб-гвардии Конной артиллерии представляет собой круглую колонну из кованого серого гранита, поставленную на четырехгранном гранитном пьедестале и увенчанную бронзовым (первоначально) плоским двуглавым орлом «формы 1812 года»²⁴. Высота каждого памятника составляет около 3,9 м (5½ аршин)²⁵.

На гранях пьедестала памятника, установленного 1-й его величества батареей, высечены надписи «Доблестным предкам 1-я его величества батарея Гвардейской конно-артиллерийской бригады 26-го августа 1912 г.», «Позиция лейб-гвардии Конной артиллерии № 1 батареи 26 августа 1812 г.». Надписи на памятнике 2-й великого князя Михаила Николаевича батарее практически идентичны и отличаются только номером части. Помимо этого, на одной из граней пьедестала каждого из памятников приводятся сведения о потерях батарей в Бородинском бою.

На тыльной стороне постаментов обоих памятников помещены однотипные надписи: «Доблесть родителей – наследие детей. Все тленно, все переходяще, только доблесть никогда не исчезнет, она бессмертна». Данный текст представляет собой цитату из книги А. Ф. Погоского «Наши богатыри», изданной в Петербурге в 1869 г. В указанном издании он приводится в следующей редакции: «Доблесть родителей – наследство детей. Дороже этого наследства на земле нет сокровищ: все тленно, все переходяще, только доблесть никогда не исчезнет: она бессмертна»²⁶.

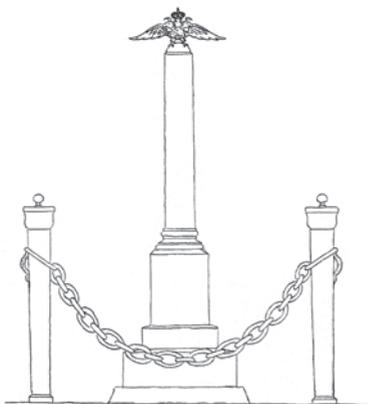
Этот же текст, подписанный как «П-й» (т. е. «Погоский»), использован в качестве эпитафии к книге П. П. Потоцкого «Гвардейская артиллерия в Бородинском бою», вышедший в свет в 1912 г., в канун празднования 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г.²⁷ Павел Платонович Потоцкий – военный историк, лекционер, библиофил и музейный деятель, действительный член Русского военно-исторического общества, в 1908–1914 гг. занимал

должность инспектора артиллерии Гвардейского корпуса. Учитывая данное обстоятельство, можно предполагать, что он так или иначе был причастен к сооружению памятников частям гвардейской артиллерии на Бородинском поле, и, возможно, вышеприведенная цитата появилась на памятниках батареям лейб-гвардии Конной артиллерии не без его ведома.

Каждый из двух памятников окружает однотипная ограда, состоящая из поставленных по четырем углам стволов артиллерийских орудий, соединенных между собой железными цепями. Судя по рисунку, опубликованному в книге П. П. Потоцкого и, вероятно, отражающему первоначальный проект, планировалось, что для ограды будут использованы стволы гладкоствольных бронзовых или чугунных орудий 1-й половины XIX в., поставленные дулом вниз, однако в реальности при сооружении оград использовались стволы стальных 87-мм (4-фунтовых) нарезных полевых пушек образца 1877 г. конструкции немецкой фирмы «Крупп»²⁸, принятых на вооружение русской армии во 2-й половине XIX в. (ил. 5) Существовало две разновидности 87-мм полевой пушки образца 1877 г. – легкая и конная. Конная модель имела укороченный ствол в 18 калибров и была менее массивной. В оградах памятников батареям лейб-гвардии Конной артиллерии использованы стволы именно конных пушек, что, очевидно, призвано подчеркнуть «конно-артиллерийский» характер данных монументов. Поставлены эти стволы казенной частью вниз и дулом вверх, причем первоначально, по свидетельству В. А. Иванова, «в дулах орудий были вставлены чугунные бомбы с пламенем и крюками, на которых висели цепи»²⁹. Орел,

Ил. 4. В. А. Иванов у памятника 1-й конной батарее Гвардейской артиллерийской бригады. 1957 г. ВИМАИВиВС

Два подобия памятника сооружены г. офицерами Гв. Конно-Артиллерийской бригады в 1912 году на Бородинском поле.

Надпись на памятнике 1-й ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА батареи. (Наше Селеносовское фото у Угрюмова А.И.)

I фланг — на нашей стороне. Доблестный предводитель ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА батареи Гвардейской Конно-Артиллерийской бригады 26-го Августа 1812 года. II фланг. Имя составу 9 офиц. и 105 и. чек. убитых: убитыми: Командир: Златоврат. Промыслов. Павлов, имен. чинами — 12. Ранеными: Падурин. Демков, имен. чинами — 46. III фланг. Доблесть рошадней — шашкай дивей. Все тельно, все переломано — только доблесть чинами на чечность, сии флюжурки. IV фланг — на французском. Панацея Лейб-Гвардии Конной Артиллерии № 1 батареи 26-го Августа 1812 года.

Надпись на памятнике 2-й Е. И. В. Генерал-Фельдцейхмейстера Великого Князя МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА батареи. (Наше архивное фото).

I фланг — на нашей стороне. Доблестный предводитель 2-й Е. И. В. Ген. Фел. В. К. МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА батареи Гвардейской Конно-Артиллерийской бригады 26-го Августа 1812 года. II фланг. Имя составу 7 офиц. и 155 и. чек. убитых: убитыми: Богучев. Володь, имен. чинами — 8. Ранеными: Кута бы Кн. Радко. Когутиничев: Панац. Фел. Коффа, ранены имен. чинами — 41. III фланг. Доблесть рошадней — шашкай дивей. Все тельно, все переломано — только доблесть чинами на чечность, сии флюжурки. IV фланг — на французском. Панацея Лейб-Гвардии Конной Артиллерии № 2 батареи 26-го Августа 1812 года.

Ил. 5. Рисунок памятника конным батареям Гвардейской артиллерийской бригады из книги П. П. Поточного «Гвардейская артиллерия в Бородинском бою» (1912 г.)

монументов сбиты двуглавые орлы, отсутствуют бомбы с пламенем и цепи, а у памятника 2-й батарее — и пушки в ограде³² (ил. 4). В 1961 г., к 150-летию Отечественной войны 1912 г., орудия были возвращены на прежнее место, памятники отреставрированы³³.

цепи, пушки и бомбы были выкрашены графитом, а пламя — суриком. К настоящему времени бомбы с пламенем утрачены.

Открытие обоих памятников состоялось 24 августа 1912 г. Первоначально была отслужена панихида по императору Александру I и чинам лейб-гвардии Конной артиллерии, павшим в Бородинском бою, по окончании которой памятники были освящены³⁰.

Осенью 1929 г. на памятниках производились ремонтные работы: у памятника 1-й батареи был исправлен цоколь, цепи окрашены графитом; цоколь памятника 2-й батарее также был исправлен, но две пушки из ограды изъяты и привезены к зданию Бородинского музея³¹. Строитель памятников В. А. Иванов, приехавший на Бородинское поле в 1957 г., обнаружил, что у обоих монументов сбиты двуглавые орлы, отсутствуют бомбы с пламенем

¹ В. Хитрово. Лейб-гвардии конная артиллерия в Бородинском сражении // Военная быль, № 59, апрель 1963 г. С. 29–30.

² Там же. С. 30.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ РГВИА. Ф. 2189. Оп. 1. Д. 94. Л. 50–51.

⁶ Там же. Ф. 2177. Оп. 1. Д. 716. Л. 11.

⁷ Там же. Л. 14.

⁸ ЦГАМ. Ф. 17. Оп. 89. Д. 25. Л. 7, 7 об.

⁹ РГВИА. Ф. 2177. Оп. 1. Д. 716. Л. 94.

¹⁰ ЦГАМ. Ф. 17. Оп. 89. Д. 47. Л. 2, 2 об.

¹¹ Там же. Д. 25. Л. 10, 10 об.

¹² В некоторых публикациях эта фирма ошибочно именуется «Синицын и К^о».

¹³ В справочнике «Вся Москва» за 1910 г. Александр Ильич Синицын значится в числе производителей памятников. Указаны его адреса проживания: Мясницкая ул., дом Художественного общества, и Московский уезд, Хорошевская волость, у Ваганьковского кладбища. А. И. Синицын указан также в числе производителей памятников в «Иллюстрированном торгово-промышленном адресном альбоме г. Москвы на 1910 год» (с. 37).

¹⁴ В полной мере взаимоотношения А. И. Синицына и В. А. Иванова еще не выяснены. В разных источниках В. А. Иванов называет себя представителем фирмы «Синицын» или совладельцем фирмы «Синицын».

¹⁵ ЦГАМ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 1484. Л. 1.

¹⁶ Комиссионер – поверенный, посредник в торговых сделках, исполняющий торговые поручения за определенные проценты. Комиссионер Московского Археологического института – это лицо, выполняющее коммерческие поручения данного учреждения. Этот род деятельности никак не связан с производством памятников.

¹⁷ РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 116. Л. 77, 77 об.

¹⁸ Всего на Бородинском поле в 1911–1913 гг. было установлено 36 памятников.

¹⁹ Иванов В. А. Фотоальбом «В связи со 145-летием Бородинского сражения. 1812–1957 гг.» ВИМАИВиВС ИДФ 3791.

²⁰ Там же.

²¹ Речь идет о памятниках 12-й и 23-й пехотным дивизиям.

²² РГВИА. Ф. 2723. Оп. 1. Д. 167. Л. 30, 34. До выхода в свет данной публикации авторство этого памятника ошибочно приписывалось А. П. Верещагину.

²³ Ашик В. А. Памятники и медали в память боевых подвигов русской армии в войнах 1812, 1813 и 1814 годов и в память императора Александра I. СПб., 1913. С. 328.

²⁴ Там же. С. 331–332, 357–358.

²⁵ ЦГАМ. Ф. 17. Оп. 89. Д. 47. Л. 2 об.; Д. 48. Л. 2.

²⁶ Погоский А. Наши богатыри. Книга 1. Издание «Досуг и дело», СПб., 1869. С. 1.

²⁷ Потоцкий П. П. Гвардейская артиллерия в Бородинском бою / Сост. и изд. Павел Потоцкий. СПб., 1912.

²⁸ Определение старшего научного сотрудника ВИМАИВиВС кандидата военных наук профессора А. Н. Кайгородцева.

²⁹ Иванов В. А. Фотоальбом...

³⁰ Новое время. 22 августа / 4 сентября 1912 г.

³¹ ЦГАМО. Ф. 4341. Оп. 1. Д. 243. Л. 12 об. – 13.

³² Иванов В. А. Фотоальбом...

³³ ЦГАМО. Ф. 7148. Оп. 1, т. 1. Д. 563. Л. 4.

Л. П. Рудакова

ПЛАВУЧАЯ ВЫСТАВКА ТРОФЕЕВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

С началом Первой мировой войны атмосфера столичного общества, пропитанная патриотическим духом, всецело была сосредоточена на театре военных действий. Война пронизала все сферы общественной жизни, вызвав всплеск благотворительности и помощи раненым, интерес к трофеям противника. В этот момент для консолидации всех слоев общества было крайне важно показать победу русского оружия, где особое место занимали музейно-выставочные проекты на основе трофейного материала.

Уже 3 октября 1914 г. был высочайше утвержден императором Николаем II Особый комитет в составе 17 человек под председательством заведывающего Артиллерийским историческим музеем генерал-майора Струкова Д. П. для создания выставки боевых трофеев Великой войны¹. Комитет располагался в штабе Гвардейского корпуса².

Выставка должна была состояться в Михайловском манеже столицы. Планировалось воссоздать, по возможности, фронттовую обстановку, сделать доступными для обозрения не только военные трофеи с перечнем главных сражений к лету 1915 г., но и представить модели укреплений, проволочные заграждения, осколки снарядов, письма, фотографии и личные вещи героев. Художественное оформление Михайловского манежа было поручено известному академику живописи Н. С. Самокишу³. В дополнение к выставке предполагалось издание Книги героев с портретами награжденных орденами Св. Георгия и Георгиевским оружием, с описанием боевых подвигов⁴ (ил. 1).

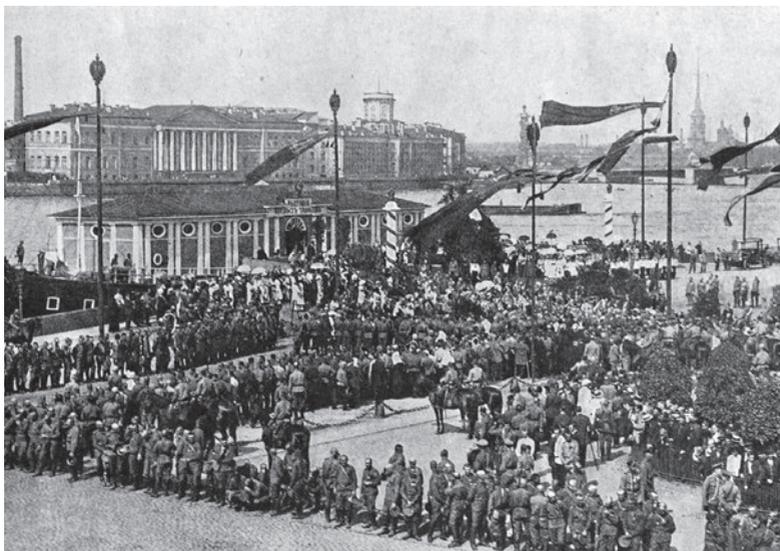
Вход на выставку планировалось сделать платным, а полученные средства перечислять в госпитали на лечение раненых. В дальнейшем эту выставку собирались переместить в Москву⁵.

Ил. 1. Общий вид выставки «Война и наши трофеи». Каталог выставки «Война и наши трофеи». Пг., 1915. С. 4

Но выставка не состоялась. В манеже Главного Адмиралтейства 24 июня 1915 г. была торжественно открыта выставка «Война и наши трофеи», организованная членами императорского Общества ревнителей военной истории под председательством герцога Г. Н. Лейхтенбергского и его заместителя М. К. Соколовского⁶. Она вызвала большой интерес у петроградской публики. Коллекции различного трофейного оружия и знамен наглядно свидетельствовали о беспримерных подвигах русских войск. Устроители выставки издали красочный каталог, оформленный видными художниками В. В. Мазуровским, Л. Е. Дмитриевым-Кавказским и М. В. Рундальцевым⁷.

Открытие новой выставки боевых трофеев, устроенной Особым комитетом совместно с Георгиевским под председательством Д. П. Струкова, состоялось в Петрограде, в день Георгиевского праздника – 3 июля 1916 г. Она располагалась на небольшой барже, верхнее помещение которой было разделено на три части, где были размещены австрийские, германские и турецкие знамена, пушки, пулеметы, снаряды, мины, ручное и огнестрельное оружие, походная амуниция. В трюме находились

Ил. 2. Открытие на Неве плавучей выставки боевых трофеев 3 июля 1916 г. Фотография К. Буллы. Летопись войны 1914–1916 гг. № 100. Пг., 1916. С. 1595

наиболее тяжелые орудия. Трофеи дополнялись портретами императора Николая II и российскими знаменами и штандартами⁸. Выставка должна была пройти через Мариинскую водную систему, соединяющую Балтийское море с Волгой, до Астрахани. В пути планировалось сделать сорок остановок, где предусматривалось чтение военно-патриотических лекций о подвигах российских войск с демонстрацией кинематографических сеансов (ил. 2–4).

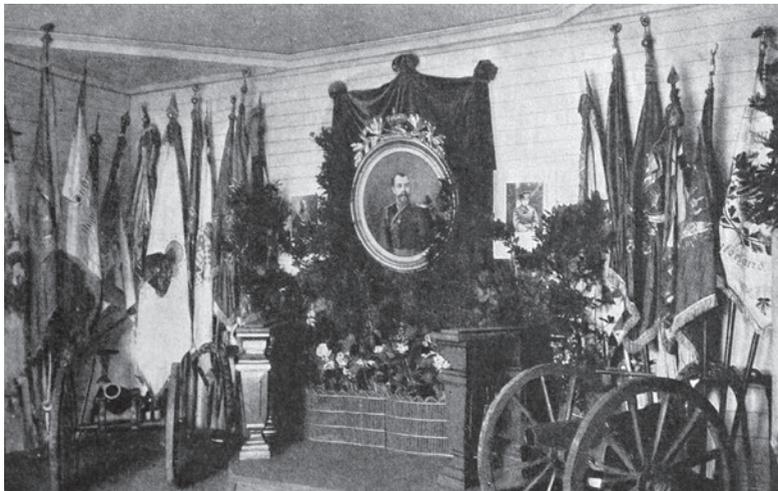
Плавучую выставку сопровождала инвалидная команда Георгиевских кавалеров, возвратившихся с полей сражений⁹. Заведыванием передвижной плавучей выставкой было назначено особое лицо с наименованием комиссар, которое несло ответственность за все экспонируемые предметы. Особым комитетом выставки были разработаны специальные инструкции для комиссара выставки, утвержденные 7 июня 1916 г. героем Перемышля генералом от инфантерии А. Н. Селивановым. Тридцать положений, заключенных в инструкциях, которые мы приводим ниже, прописывали круг обязанностей для неукоснительных действий комиссара¹⁰ (ил. 5, 6).

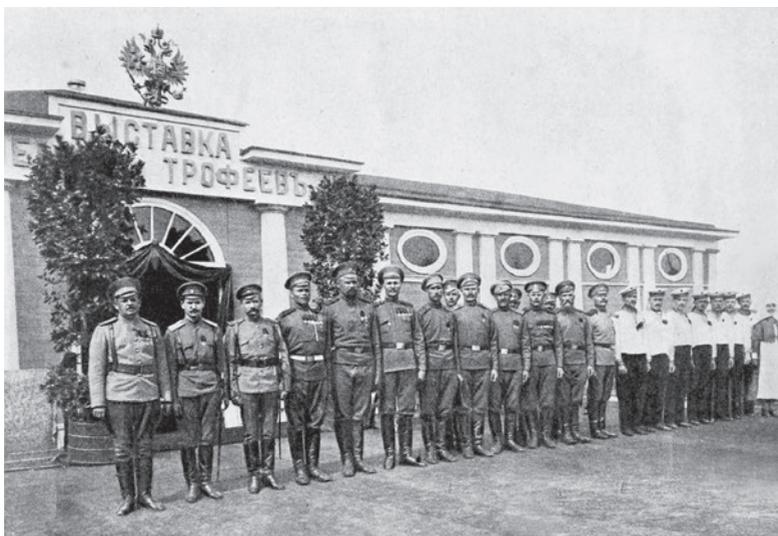
Ил. 3. Крестный ход на освещении выставки боевых трофеев 3 июля 1916 г. Шпалерами выстроены Георгиевские кавалеры. Фотография Я. Штейнберга. Летопись войны 1914–1916 гг. № 100. Пг., 1916. С. 1597

Ил. 4. Генерал Селиванов делает объяснения великой княгине Марии Павловне при открытии плавающей выставки боевых трофеев 3 июля 1916 г. Фотография К. Буллы. Летопись войны 1914–1916 гг. № 100. Пг., 1916. С. 1594

Ил. 5. Главный вход на выставку боевых трофеев, открывшуюся 3 июля 1916 г. Фотография Я. Штейнберга. Летопись войны 1914-1916 гг. № 100. Пг., 1916. С. 1595.

Ил. 6. Команда Георгиевских кавалеров, назначенных состоять при выставке боевых трофеев в пути. Фотография Я. Штейнберга. Летопись войны 1914-1916 гг. № 100. Пг., 1916. С. 1596.

Плавающая выставка трофеев побывала во многих городах Российской империи, в том числе и Нижнем Новгороде. На её открытии 13 августа 1916 г., как сообщал обозреватель газеты «Нижегородский листок», присутствовали первые лица города: губернатор А. Ф. Гирс, городской голова Д. В. Сиротин и многие другие. Выставка имела большой успех у нижегородцев. Особый интерес вызывало оружие, захваченное в мощной австро-венгерской крепости Перемышль. На выставке была устроена благотворительная торговля и буфет. От пожертвований нижегородцев было выручено 17 564 р.¹¹

В начале мая 1917 г. плавающая выставка трофеев находилась в г. Бузулуке, а в конце мая возвратилась в Петроград¹².

Во время Первой мировой войны выставки вооружения противника, захваченные в боях, пользовались огромным успехом. В ряде просветительских мероприятий населения они не только обеспечивали сбор пожертвований для лечения раненых и содержания инвалидов войны, но и культивировали патриотический дух, гордость за военные победы русской армии и выполняли еще одну очень важную функцию – документировали происходящие события.

При работе над данной статьей использованы следующие документы из Научного архива музея, которые публикуются впервые.

ИНСТРУКЦИЯ КОМИССАРУ ПЕРЕДВИЖНОЙ ВЫСТАВКИ ВОЕННЫХ ТРОФЕЕВ¹³

На подлинной рукою генерала Селиванова написано: «Утверждаю 7 июня 1916 года Генерал от Инфантерии Селиванов».

Круг действия Комиссара

§ 1

По распоряжению Комиссии по устройству Выставки боевых трофеев для ближайшего заведывания Передвижной выставкою боевых трофеев приглашается особое лицо с наименованием онаго по должности Комиссара.

§ 2

Комиссар с момента назначения его на должность является ответственным лицом по заведыванию Выставкой и представителем ее при отношениях с администрацией, учреждениями и лицами на местах.

§ 3

В своих действиях Комиссар руководствуется в точности содержанием настоящей инструкции и в случаях, не предусмотренных ею, испрашивает каждый раз указания Комиссии; только в случаях, не терпящих отлагательства, Комиссару предоставляется право немедленных распоряжений, при условии, однако, одновременного о том доклада Комиссии, с указанием причин, руководствовавших его действиями.

§ 4

Комиссару подчиняются все отбывшие в плавание служащие выставки, а также лица, допущенные Комиссией для ее сопровождения; в виду чего все распоряжения по делам Выставки, как предназначенные настоящей инструкцией, так и могущие возникнуть впоследствии, должны исходить исключительно от Комиссара.

§ 5

Ответственные обязанности Комиссара прекращаются по получении им соответствующего уведомления от Комиссии и по сдаче всех дел уполномоченному для приема последних на то лицу.

По управлению личным составом Выставки.

§ 6

В ведении Комиссара состоят: а) служащие на выставочной барже нижние чины и матросы и б) лица, хотя и не служащие, но находящиеся на барже в его следовании.

§ 7

Все распоряжения комиссара на барже принимаются к немедленному и точному исполнению всеми чинами служебного персонала выставки.

§ 8

Комиссару предоставляется, в случае ослушания его распоряжений, право наложения денежного штрафа на вольнонаемных

служащих до 5 руб. или увольнения виновного в том лица. В последнем случае Комиссар немедленно доводит об этом до сведения Комиссии. В случае же ослушания его приказаний и упущений по службе нижних чинов и матросов Комиссар, списывая их на берег, сдает в распоряжение ближайшего Военского Начальника для отправления по этапу в Петроград, донося об этом Комиссии.

§ 9

Комиссар заботится о благоустройстве содержания и довольствия персонала Выставки, а также правильном распределении служебных обязанностей между чинами, как во время движения Выставки, так и при остановках, и наблюдает за исполнением таковых подчиненными ему лицами.

По хозяйственному управлению Выставки.

§ 10

Ведению Комиссара подлежат: а) экспонаты Выставки, б) судовой и хозяйственный инвентарь, в) книги, брошюры и другие издания, предназначенные к продаже с Выставки, так и поступающие в доход последней.

§ 11

Комиссар обязан заботиться о полной сохранности и исправности всех сосредоточенных на Выставке экспонатов, соблюдая притом ответственность размещения их с приложенным к настоящей инструкции планом.

§ 12

В случае могущих быть заявлений отдельных лиц о желании их поместить на Выставку находящиеся у них трофеи Комиссар принимает таковой трофей, но немедленно же доносит о том Комиссии с возможно более полным и точным описанием принятых им предметов.

§ 13

Комиссар озабочивается сохранностью всего принадлежавшего Выставке судового и хозяйственного инвентаря, причем первый сдается им под ближайшую ответственность старшего матроса, а второй – избранному им из числа нижних чинов капитанармусу. Кухонная и столовая посуда передается на ответственность кашевара.

§ 14

В случае порчи или недостатка хозяйственного инвентаря, принадлежавшего Выставке, Комиссар принимает соответствующие меры к его исправлению или пополнению, оправдывая расходы по починке инвентаря особыми на сей счет документами.

§ 15

В видах возможно более продолжительного сохранения легко портящегося хозяйственного имущества Выставки, как то: ковров, флагов, Комиссару предоставляется прикрывать ковры холстяными дорожками в случае посещения Выставки населением в дождливую погоду, убирать с фасада павильона флаги при движении в бурную погоду, словом, сообразовываться с неблагоприятными в данном случае обстоятельствами.

§ 16

Комиссар озабочивается сохранностью и правильностью продажи всех книг, брошюр и других изданий, принятых им от Комиссии Выставки, причем при продаже их Комиссару надлежит руководствоваться ценами, установленными последней.

§ 17

В ведение Комиссара поступают денежные суммы: а) высылаемые Комиссией на выдачу жалования служебному персоналу Выставки и на текущие расходы, б) вырученные от продажи входных билетов на Выставку, в) вырученные от продажи изданий, г) пожертвования и различные случайные поступления.

§ 18

Суммы, следуемые на жалование, высылаются Комиссару от Комиссии, согласно установленной смете, по расчету служебного персонала Выставки с принятыми окладами жалования, за неделю до раздачи последнего. Ему же выдается, а затем по израсходованию высылается Комиссией для производства текущих расходов аванс в 500 рублей. Все же собранные в кассу Комиссара суммы пересылаются им по мере возможности при ближайшей корреспонденции в Комиссию по почте, но во всяком случае в срок не больше недели.

§ 19

Комиссар ведет для отчетности следующие книги: 1) Денежно-приходную книгу, 2) Почетную книгу пожертвований, 3) Книгу квитанций, 4) Журнал входящих и исходящих бумаг, 5) Путевой журнал.

§ 20

В видах получения статистических данных, выпуск посетителей на Выставку производится исключительно путем пропуска последних через турникеты.

§ 21

Комиссар озабочивается организацией продовольствия команды, для чего на баржу нанимается особый кашевар, который и принимает на себя обязанность готовить командам здоровую пищу.

§ 22

Комиссару о приходе и расходе денежных сумм надлежит представлять ежемесячно, с приложением оправдательных документов в Комиссию особый, возможно более подробный отчет.

§ 23

Продажу выставочных изданий Комиссару предоставляется поручать под непосредственную, однако, его ответственностью из находящихся в его распоряжении двум нижним чинам, за добавочное вознаграждение, в размере 5% с вырученной от общей продажи суммы, учитывая таковую по истечении месяца.

По представительству на Выставке.

§ 24

Перед выходом Выставочной баржи Комиссар обязан путем соглашения с Командиром буксирного парохода точно установить время начала буксировки, согласно с приложенным к настоящей инструкции маршрутом. Затем Комиссар отдает соответствующие распоряжения судовой команде относительно уборки схода и принятия буксира.

§ 25

К моменту отплытия Выставки Комиссару надлежит выставить очередного дежурного судовой команды на вахту и одного матроса на руль судна, равно как и установить дальнейшую очередь дежурства чинов судовой команды.

§ 26

Приближаясь к очередному по маршруту пункту остановки, Комиссар вызывает на палубу всех чинов команды и отдает распоряжение по принятию мер к правильному причалу, к устройству сходней и отдаче буксира и установке турникета.

§ 27

По прибытии Выставки в пункт остановки Комиссару подлежит, если Губернатор, Начальник гарнизона и Городской Голова не находились при встрече, высылать своего помощника для уведомления их о прибытии Выставки.

§ 28

Ежедневно, как во время стоянок, так и в плавании, на обязанности Комиссара лежит ведение путевого журнала, который предоставляется им в Комитет по завершении рейса Выставки.

§ 29

В случае аварии судна Выставочной баржи Комиссар обязан немедленно дать знать Комиссии, ближайшему агенту Страхового общества «Саламандра» и принять все меры к спасению как судна, так и его имущества.

§ 30

В случае болезни или отсутствия Комиссара временное исполнение его обязанностей возлагается на его помощника, о чем доносится Комиссии.

*Подлинную подписал Председатель Комиссии по устройству
Выставки боевых трофеев генерал-майор Струков.
С подлинной верно: Секретарь Комиссии Подполковник Дванов.*

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНСТРУКЦИЯ КВАРТИРЬЕРУ ВЫСТАВКИ БОЕВЫХ ТРОФЕЕВ¹⁴

1. По приезде в город посетить всех высших должностных лиц и представителей всех сословий и комитетов, организовать немедленно кружечный сбор по городу, который продолжать до прибытия Выставки и во время стоянки ея.
2. Немедленно собрать дамский комитет в возможно большем количестве.
3. Просить город, а также и представителей всех увеселительных заведений отчислить какой могут процент на наше дело и продолжать его по крайней мере два или три дня.
4. Организовать сбор крупных пожертвований как-то: на биржах, обществах и т. п. по подписке.

5. Совместно с комитетом и др. организациями решить вопросы о днях и часах лекций, кинематографа, народных гуляний и др. увеселений.

6. Входная плата на Выставку 30 коп.; цены на лекции, кинематограф и др. увеселительные места по соглашению с комитетом и в зависимости от местных условий, о чем доводить до сведения местного начальства, публиковать в газетах для публики и об этом сообщать письменно Комиссару о сделанных распоряжениях через посредство полиции или комитета при прибытии Выставки в город.

7. Очень желательно, чтобы дамский комитет в каждом городе разбивался на группы и чтобы каждая группа ведала свое дело, как-то: а) кружечный сбор, б) продажа билетов для входа на лекции и кинематограф, в) народное гуляние, г) не менее двух смен 8 дам и барышень для Выставки для продажи изданий, записи в Почетную книгу и квитанционную, турникет и продажу изданий.

8. Посетить все редакции и просить сделать в газетах сообщения о лекциях и кинематографических сеансах в виде отдельных заметок, а также отдельно о Выставке и др. увеселений с указанием цен.

9. Лекции в будни проводить один раз – вечером, в праздничные дни два раза, кинематограф в день два раза. В часы, назначенные для лекции и кинематографа, не устраивать в городе никаких случайных развлечений, кроме существующих обыкновенно в городе, с отчислением % в пользу Георгиевского Комитета.

10. Продажу билетов поручать исключительно комитету и организациям, которые весь сбор с приложением актов должны передавать Комиссару Выставки под квитанции.

11. Квартирьер должен следовать впереди Выставки на расстоянии пяти дней, для организации всего вышеизложенного в городах ему дается трое суток и сутки или двое на переезд.

12. Объявлять в газетах о темах лекций: а) отношение тыла к Армии, б) исторические корни Руси, великой современной войны, в) немецкие зверства и г) существо переживаемого момента.

13. Выставка всегда открывается с 9 ч. утра и до 12 ч. дня и с 2 ч. дня до 8 ч. вечера, а в исключительных случаях в зависимости от местных условий, о чем и будут вывешены объявления при входе на Выставку.

14. Георгиевским кавалерам и раненым нижним чинам вход на Выставку бесплатно – командами в сопровождении сестер милосердия, во время перерыва от 12 ч. до 2 ч. дня.

15. Плакаты большими буквами должны быть вывешены на видных местах по городу. У всех увеселительных заведений во всех общественных местах, и часть плакатов передавать комитетам и общественным организациям для распространения.

16. Плакаты на лекции и кинематограф должны быть напечатаны отдельно от остальных плакатов.

17. Часть плакатов вместе с донесениями передавать на баржу комиссару посредством полиции или общественных организаций.

18. Желательно, чтобы группы комитетов, назначенных для продажи билетов на лекции и кинематограф, а также для обслуживания Выставки, прибывали при приходе Выставки на пристань. Если же Выставка приходит ночью, то утром к 9 часам.

19. Все газеты и заметки о Выставке присылать Комиссару.

20. Просить фотографов делать снимки при встрече Выставки и переслать их генерал-майору Струкову.

Подписал: Генерал от Инфантерии Селиванов.

¹ АВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 1/2. Д. 816. Л. 68.

² Там же. Ф. 22. Оп. 92. Д. 91. Л. 12.

³ Там же. Д. 91. Л. 20 об.

⁴ Там же. Л. 23.

⁵ Там же. Л. 8.

⁶ Трошин Д. Ю. Ратная палата в Царском Селе – музей Великой войны 1914–1918 гг. // Сохранение, реставрация и экспонирование памятников военной истории. СПб., 2010. С. 121.

⁷ Дмитриевский Л. Выставка трофеев // Военный сборник, Пг., 1915. № 11. С. 199.

⁸ Уткина Н. А. «Показать средства борьбы народов между собой...» Военные выставки в Нижнем Новгороде (1915–1916 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 1917. № 3. С. 78–83.

⁹ Летопись войны 1914–1916 гг. № 100. Пг., 1916. С. 1595.

¹⁰ АВИМАИВиВС. Ф. 11. Оп. 1. Д. 212. Л. 11.

¹¹ Уткина Н. А. «Показать средства борьбы народов между собой...» С. 78–83.

¹² АВИМАИВиВС. Ф. 31. Оп. 1. Д. 92. Л. 25–26.

¹³ АВИМАИВиВС. Ф. 11. Оп. 1. Д. 212. Л. 10–14

¹⁴ АВИМАИВиВС. Ф. 11. Оп. 1. Д. 212. Л. 7–9

Л. П. Рудакова

ПОЛЬСКИЙ ПЛЕН 1920–1921 гг. И ДАЛЬНЕЙШАЯ ВОЕННАЯ КАРЬЕРА ПОЛКОВНИКА ГЕОРГИЯ ТИМОФЕЕВИЧА БАРАНОВА

О трагических судьбах военнослужащих Красной армии, оказавшихся в плену в период Советско-польской войны 1919–1921 гг., стали писать относительно недавно. Но до сих пор не выявлено точных данных о количестве красноармейцев, попавших в плен и погибших в польском плену.

В конце 1980-х гг. стали появляться работы, посвященные этой теме, как у российских, так и у польских историков, публиковаться воспоминания бывших узников польских лагерей.

В научном архиве ВИМАИВиВС хранится рукопись инженер-полковника Г. Т. Баранова «В боях с белополяками. Воспоминания красноармейца – участника событий на Западном фронте», написанная им еще в 1965 г. Воспоминания посвящены, главным образом, судьбе совсем молодого 19-летнего красноармейца Г.Т. Баранова, оказавшегося в тяжелой ситуации польского плена с 1920 по 1921 г.¹ (ил. 1).

Георгий Тимофеевич Баранов родился в 1901 г. в Петергофе, в семье отставного вахтера интендантского склада. Начальное образование получил в Петергофской гимназии имени Александра II (ил. 2). После смерти отца в 1910 г. в семье возникли финансовые трудности, и Георгий вынужден был, закончив 6 классов гимназии, устроиться на работу в автобюро завода «Русский Рено», располагавшемся в одном из домов по Дворянской улице, ныне ул. Куйбышева².

Осенью 1919 г., в период угрозы захвата Петрограда войсками Юденича, 18-летний Георгий Баранов был призван в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии и встал на защиту родного

Ил. 1. Гвардии полковник
Баранов Г. Т. 1953 г. АВИМАИВиВС.
Ф. 80Р. Оп. 1. Д. 39. Ч. 1. Л. 1

города. Свой первый бой он принял в декабре 1919 г. в районе Детского Села.

В июне 1920 г. Баранов в составе небольшого пополнения был направлен в Белоруссию в 469-й пограничный полк 53-й пограничной дивизии, входившей в состав 15-й армии, которая участвовала в войне с поляками в Белоруссии.

Советско-польская война, начавшаяся в феврале 1919 г., велась на территории России, Украины, Белоруссии, Прибалтики и Польши. Изначально Польша строила грандиозные планы присоединения Литвы, Белоруссии и Украины к своей территории³. Весной 1920 г. командованием

РККА был разработан план нанесения основного удара по противнику в Белоруссии, и все силы были подчинены оказанию помощи войскам Западного фронта. Командующим фронтом был назначен молодой 27-летний М. Н. Тухачевский. Перед наступлением войск Западного фронта 17 июня 1920 г. Тухачевский издал приказ о гуманном отношении к военнопленным польской армии. Пленные должны отправляться в тыл в той же одежде, в какой застало их пленение. Пленный польский солдат уже не враг. Надо быть беспощадным в бою, но рыцарем к побежденным⁴. В отличие от нас, поляки были совсем не милосердны к русским военнопленным, подвергая их насилию и всевозможным издевательствам. Об этом свидетельствует обращение советского правительства в ходе войны к правительству Польши⁵.

4 июля войска Западного фронта перешли в наступление и в ходе наступательной операции создали угрозу окружения для 1-й польской армии, сформированной 7 марта 1920 г. на основании приказа верховного главнокомандующего Юзефа

Ил. 2. Петергофская гимназия им. Александра II. АВИМАИВиВС. Ф. 80Р.
Оп. 1. Д. 39. Ч. 1. Л. 3

Пилсудского. В результате наступательной операции Западного фронта главные силы польской армии были разбиты. Военный совет Антанты срочно озаботился необходимостью оказать военную помощь полякам для борьбы с большевизмом. В Польшу было доставлено вооружение, снаряжение, боеприпасы и даже самолеты⁶. Несколько сотен французских офицеров с большим опытом сражений в Первой мировой войне стали советниками в польской армии, создав, в частности, службу радиоразведки, которая наладила к августу 1920 г. перехват и расшифровку радиосвязи войск РККА⁷. В военных действиях на польском фронте участвовали и американские летчики, что подтверждается документами. Сообщалось о трех погибших летчиках 20 августа 1920 г. из Соединенных Штатов Америки⁸.

Первый бой, в котором принимал участие красноармеец Баранов в составе 469-го пограничного полка, произошел в Белоруссии за маленький хутор или, как его называли, «фольварк» Барбариново, который запомнился ему на всю жизнь. Атаки на хутор следовали одна за другой, и он попеременно в течение дня много раз переходил из рук в руки, а жители во время боев прятались

в большой яме за скотным двором вместе с коровой, овцами и гусями, спасаясь от пуль и снарядов⁹.

Непрерывные наступательные бои Красной армии, продолжавшиеся на Западном фронте более месяца, крайне утомили и обескровили личный состав войск¹⁰. Одним из ключевых сражений Советско-польской войны, в котором Польша сумела остановить наступление Красной армии и добиться перелома в ходе войны, была битва за Варшаву с 12 по 25 августа 1920 г. Поляки, как стало известно впоследствии, имели двойное превосходство в вооружении и численности войск за счет помощи Запада. Но, несмотря на победу под Варшавой, Польша в дальнейшем самостоятельно, без поддержки союзников, не смогла бы вынести всех тягот ведения военных действий и вынуждена была пойти 18 марта 1921 г. на заключение Рижского мирного договора¹¹.

В плен Георгий Баранов попал в середине августа 1920 г. под Цеханувом, небольшим городком в 100 километрах от Варшавы. Это произошло на рассвете. По воспоминаниям Георгия, поляки застали большинство красноармейцев спящими и, избивая их нагайками, согнали полуодетыми в кучу. Расстреляв часть пленных на месте, остальных погнали в Цеханув, к готическим руинам замка князей Мазовецких¹². Там, под дулами пулеметов, пленных передали под охрану польских пехотинцев, которые, как мародеры, набросились на них, отнимая деньги, личные вещи, стаскивая более приличную одежду. Наблюдая за поляками, Георгий Баранов вместе с сослуживцем Виктором Вознесенским привели свою одежду в неприглядный вид. Но их уловку быстро поняли и жестоко избили, приговаривая: «А пся крев, холера большевица».

Среди множества пленных, согнанных к развалинам замка, оказались и евреи. Одного красноармейца-еврея польский офицер выгнал перед толпой пленных и долго истязал. Затем повалил на землю и выстрелил в лицо из пистолета. Такие экзекуции с пленными евреями продолжались и в дальнейшем¹³.

После недельного заточения в Цехануве пленных погнали дальше. Бесконечные дороги, ночевки в холодных сараях без организованной выдачи пищи и воды, а также сплошные побои истощали жизненные силы. Среди пленных стали появляться первые признаки массовой дизентерии. После каждого привала на земле оставалось несколько человек, которые были

не в состоянии подняться. Наконец всех оставшихся пригнали в г. Модлин, расположенный в 30 километрах от Варшавы, и заключили в подвале крепости в абсолютной темноте. Кормили, как собак, бросая куски засохшего плесневелого хлеба в толпу.

Крепость Модлин, русское название Новогоргиевская, расположена на слиянии рек Вислы и Нарев и построена шведами в XVII в. В наполеоновский период крепость перешла к французам, а затем и к Российской империи. По приказу Николая I в 1834 г. крепость была расширена и модернизирована. Составлением проекта модернизации занимались известные военные инженеры И. И. Ден и А. И. Фельдман. В 1915 г. крепость перешла к Германии, а потом к Польше. В настоящее время сохранившаяся часть крепости является мемориальным комплексом. Цитадель крепости – самое длинное здание в Европе, более двух километров¹⁴.

Георгий Баранов с Виктором Вознесенским держались все время за руки, чтобы не потеряться в кромешной темноте. Через двое суток ослабленных пленных, едва волочивших ноги, погнали на погрузку в крытые баржи, на дне которых находилась вода. В невероятной тесноте и воде находились изголодавшиеся пленные красноармейцы. Наступил сентябрь, стало прохладно, часто моросило, и крыши барж не спасали от мелкого дождя. Поляки на буксире, который тянул баржи, иногда развлекались тем, что бросали на палубу куски хлеба или колбасы. Изголодавшиеся пленные кидались на брошенные куски, толкались и ссорились на потеху охране, и кто-нибудь из них падал в воду и шел сразу ко дну, поляки смеялись.

Баржи шли вниз по Висле, проплывая мимо разных польских городов. В городе Выдогощ пленных высадили и погнали на вокзал. Перед посадкой в телячьи вагоны их долго держали в привокзальном саду. Толпа польских обывателей бросала в обесиленных пленных камни, женщины тыкали в них зонтиками, плевали и кричали: «Цо, Варшаву взяли?». Наконец пленных распихали по вагонам, и железнодорожные рабочие тайком подавали им кусочки хлеба и воду.

Высадили всех в небольшом городке Тухоля и доставили в лагерь № 7 для военнопленных красноармейцев. Лагерь был построен немцами в период Первой мировой войны. В нем содержались военнопленные из стран Антанты, в основном русские,

а также французы, итальянцы и англичане. Осенью 1920 г. в лагерь № 7 вместе с Барановым поступил большой поток пленных красноармейцев. Немало их погибло от голода, инфекционных заболеваний и жестокого обращения поляков с пленными¹⁵.

Лагерь представлял собой большую территорию, огороженную двумя рядами колючей проволоки и окруженную сосновым лесом. По периметру лагеря через каждые 200 метров были установлены деревянные вышки с пулеметами. Вся территория была разбита на участки, обнесенные проволокой, но между ними были проходы. На каждом участке были расположены в два ряда восемь барачных землянок. Над поверхностью земли выступали только двускатные крыши землянок, покрытые слоем песка. Внутри землянки был узкий проход и нары из досок. В каждой землянке находилось до 200 человек. Были назначены старшие смотрители по баракам. По воспоминаниям Г. Т. Тарасова, у них в бараке старшим был назначен предатель Марченко, который, выслуживаясь перед поляками, принимал участие в издевательствах над пленными, выискивая коммунистов и евреев¹⁶.

В концлагере практиковалось использование относительно здоровых пленных на работах в окрестных имениях польской шляхты. Правом на труд пленных обладали владельцы латифундий, у которых члены семьи служили в польской армии. К одному из таких владельцев, пану Висковскому, сын которого служил офицером в одном из уланских полков, попал и Баранов с группой пленных из 30 человек. Их расположили в скотном сарае вместе с животными на соломе. Кормили очень скудно два раза в день, а за малейшее промедление в работе стегали нагайками. Вскоре пленные от истощения начали болеть, и их отправили обратно в лагерь в тифозные бараки, куда попал и Баранов.

В начале октября 1920 г. в лагере началась эпидемия тифа, скосившая тысячи пленных. Затем появилась странная, но смертоносная эпидемия дизентерии и массовая зловонная траншейная гангрена, начинавшаяся обычно с багровой опухоли ног. Далее появилась и приняла массовый характер холера. В этот период пленных умирало так много, что оставшиеся живые едва успевали отвозить голых, исхудавших до вида скелета умерших. За лагерем были похоронены десятки тысяч

красноармейцев. В польских документах по истории Советско-польской войны было установлено, что особой жестокостью прославился лагерь № 7 в Тухоле, получивший наименование «лагерь смерти». В нем погибло более 22 тысяч пленных красноармейцев¹⁷. Могилы этих солдат, скончавшихся от нечеловеческих условий плена, в настоящее время сравнивали с землей, но они достойны вечной памяти как павшие в борьбе за свободу и независимость нашей Родины.

Попав в концлагерь в Тухоле в 19 лет, Георгий Баранов был очень близок к смерти, и не было ни малейшей возможности избежать всех ужасов и страданий плена¹⁸.

В лагере среди военнопленных постоянно велась пропагандистская работа различными белогвардейскими союзами и организациями зарубежных стран, которые распространяли ложные сведения о советской России и призывали вступать в армию белого генерала С. Н. Булак-Балаховича, воевавшего на стороне Польши.

В конце марта 1921 г. ситуация в лагере стала меняться. Среди пленных быстро распространилось известие о подписании 18 марта 1921 г. мирного договора Польской республики с РСФСР. Начались разговоры о скором освобождении пленных и отправке их на родину. После подписания мира пленных стали чуть лучше кормить. Ходили слухи, что приезжала русская делегация Красного Креста, которая закупила свиней для улучшения питания военнопленных. Их перестали гонять на тяжелые работы. Настроение в лагере немного улучшилось. По вечерам в бараках тихонько звучали русские песни. Но, несмотря на небольшое послабление, наказания и избиения беззащитных пленных продолжались.

В конце июня 1921 г. Георгия Баранова с группой военнопленных вывели из лагеря и посадили в санитарный состав. По прибытии поезда в Варшаву жители открыто угощали пленных едой, приговаривая: «Жаль, что Красная армия не прогнала Пилсудского». В деревне Погорелое Псковской области при переходе границы встречным потоком шли пленные поляки. Все они были пострижены, выбриты и одеты в новое обмундирование гражданского покроя. На их лицах не было следов изнурительного недоедания. После освобождения из плена Баранов долго проходил проверку в Комиссии по

Ил. 3. Курсанты 3-й роты Петроградской Технической Артиллерийской школы. 1923 г. АВИМАИВиВС. Ф. 80Р. Оп. 1. Д. 39. Ч. 1. Л. 95/1

учету и распределению военнопленных и беженцев при Реввоенсовете 16-й армии и позднее осенью вернулся в родной Петроград¹⁹.

В августе 1922 г. Георгий Баранов был принят в Петроградскую Техническую Артиллерийскую школу, единственную в стране на тот момент, готовившую артиллерийских техников и пиротехников под командованием В. М. Четкова, будущего генерал-лейтенанта, видного специалиста в области общей тактики, действительного члена Академии артиллерийских наук. В 1923 г. курсанты школы, по Приказу РВС республики № 322 от 31 января 1922 г., были впервые обмундированы в единую форму (ил. 3). Обучение в школе длилось пять лет. В период учебы Георгия школа была преобразована в Артиллерийское техническое училище (ил. 4). В 1926 г. после окончания военно-учебного заведения Г. Т. Баранов был направлен, по собственному выбору, на службу во Владивосток. В период с 1930 по 1931 г. он заочно обучался во Всесоюзном Ленинградском университете.

Ил. 4. Выпускники Ленинградского Артиллерийского технического училища. 1926 г. Сидит крайний справа Г. Т. Баранов. АВИМАИВиВС. Ф. 80Р. Оп. 1. Д. 39. Ч. 1. Л. 120/1

Желание осваивать и совершенствовать свои знания в артиллерийской науке привело Г. Т. Баранова в 1933 г. в Ленинградскую артиллерийскую академию РККА им. Ф. Э. Дзержинского²⁰. В 1937 г., обучаясь на пятом курсе академии, был арестован по доносу, что якобы во время плена был завербован польской контрразведкой. Его судили, исключили из партии, Артиллерийской академии и выслали за 101-й километр в г. Боровичи Новгородской области.

Но Баранову, благодаря настойчивости и упорству, удалось доказать свою невиновность. В 1939 г. он был восстановлен в партии и продолжил учебу в Артиллерийской академии, переехавшей к тому времени в Москву (ил. 5). Окончив академию в мае 1941 г., получил назначение в Ленинградское Артиллерийско-Техническое училище старшим преподавателем.

С декабря 1941 г. Георгий Тимофеевич находился в действующей армии в должности начальника артиллерийского снабжения 162-й стрелковой дивизии. Принимал участие в боях

Ил. 5. Выпускники факультета МЧА Артиллерийской академии имени Дзержинского. Май 1941 г. Г. Т. Баранов 3-й в первой шеренге слева направо. АВИМАИВиВС. Ф. 80Р. Оп. 1. Д. 39. Ч. 2. Л. 50

Ил. 6. Офицеры артснабжения 8-й гв. армии. Сидят слева направо: майор Дмитриев, капитан Мартынов, командующий артиллерией генерал-лейтенант Н. И. Пожарский, инженер-капитан Б. И. Бодунов и инженер-майор Г. Т. Баранов. 1944 г. АВИМАИВиВС. Ф. 80Р. Оп. 1. Д. 39. Ч. 2. Л. 216/1

за Сталинград. В 1943 г. был осужден трибуналом Сталинградского фронта за то, что немцы разбомбили состав с боеприпасами, предназначенными для войск, сражавшихся в Сталинграде. В этом же году состоялась отмена решения трибунала. С июля 1943 г. Баранов возглавлял 4-е отделение артиллерийского снабжения 8-й Гвардейской (бывшей 62-й) армии под командованием генерал-лейтенанта Чуйкова В. М. Принимал участие в освобождении Украины и Польши (ил. 6).

С апреля 1945 г. назначен старшим преподавателем в Артиллерийское техническое училище. В период службы Георгий Тимофеевич написал ряд

конспектов и методических пособий по материальной части артиллерии для курсантов училища²¹ (ил. 7).

В 1953 г. Г. Т. Баранов в звании полковника был уволен в запас. За службу в Вооруженных силах был награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени и 9 медалями.

После увольнения из армии Георгий Тимофеевич принимал активное участие в общественной и научной деятельности Военно-исторической секции Дома ученых, выступал с докладами. Длительный период времени Баранов собирал материалы и изучал документы по Сталинградской битве, вел переписку с участниками сражения по уточнению мест боевых действий²². В результате исследовательской работы Г. Т. Баранова в 1963 г. была издана брошюра «Их считали погибшими». Благодаря этому изданию были установлены имена многих героев Сталинградской битвы. Полковник Баранов является автором целого ряда

Ил. 7. Гвардии подполковник Баранов Г. Т. Апрель 1945 г. АВИМАИВиВС. Ф. 80Р. Оп. 1. Д. 39. Ч. 1. Л. 111

работ по военно-исторической тематике, которые хранятся в научном архиве, в том числе и по истории Ленинградской Технической школы.

Скончался Георгий Тимофеевич Баранов в 1974 г. и похоронен на Северном кладбище в Санкт-Петербурге.

¹ АВИМАИВиВС. Ф. 80Р. Оп. 1. Д. 31.

² Там же. Д. 39. Л. 38.

³ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Ноябрь 1918 г. – апрель 1920 г. М., 1964. Т. II. С. 666.

⁴ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Апрель 1920 г. – март 1921 г. М., 1965. Т. III. С. 93.

⁵ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Ноябрь 1918 г. – апрель 1920 г. М., 1964. Т. II. С. 531.

⁶ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Апрель 1920 г. – март 1921 г. М., 1965. Т. III. С. 185.

⁷ Интернет-ресурс. 26.12.2023 г.

⁸ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Апрель 1920 г. – март 1921 г. М., 1965. Т. III. С. 61.

⁹ АВИМАИВиВС. Ф. 80Р. Оп. 1. Д. 31. Л. 6.

¹⁰ История Гражданской войны в СССР. Т. 5. М., 1960. С. 151.

¹¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Апрель 1920 г. – март 1921 г. М., 1965. Т. III. С. 327, 374, 520.

¹² В настоящее время руны замка князей Мазовецких в Цехануве признаны одним из лучших примеров готических развалин замков Польши. На руинах замка создан исторический музей. Восстановлены две боевые башни, и в 2013 г. между ними сооружен павильон.

¹³ АВИМАИВиВС. Ф. 80Р. Оп. 1. Д. 31. Л. 8.

¹⁴ И. М. Афонасенко, Ю. А. Бухарин. Порт-Артур на Висле. Крепость Новогеоргиевск в годы Первой мировой войны. М., 2009. С. 46.

¹⁵ Збигнев Карпус Вальдемар Резмер. Тухоля: лагерь для пленных и интернированных. 1914–1923. Торунь: Университет Николая Коперника. Совет охраны памяти борьбы и мученичества, 1997. С. 124.

¹⁶ АВИМАИВиВС. Ф. 80Р. Оп. 1. Д. 31. Л. 14.

¹⁷ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. IV. Апрель 1922 г. – май 1926 г. Институт Славяноведения АН СССР. Институт истории польско-советских отношений Польской АН. М.: Наука, 1966. С. 102.

¹⁸ АВИМАИВиВС. Ф. 80Р. Оп. 1. Д. 39. Л. 70.

¹⁹ Там же. Ф. 80. Оп. 1. Д. 39. Часть 1. Л. 76.

²⁰ Там же. Д. 3. Л. 1.

²¹ Там же. Д. 23–25.

²² Там же. Д. 26. 12 тетрадей.

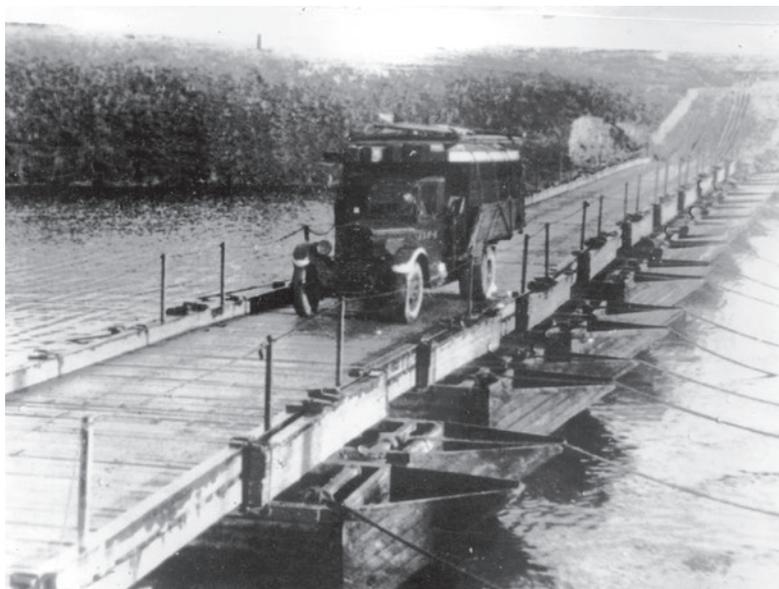
С. И. Строкин

ТАБЕЛЬНЫЕ НАПЛАВНЫЕ СРЕДСТВА КРАСНОЙ АРМИИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Новые требования, выдвинутые с началом Великой Отечественной войны действующей армией, а также изменившиеся условия разработки и производства понтонно-мостовых средств обусловили необходимость конструктивной переработки многих парков, состоящих на вооружении. В годы войны была проделана большая работа и по организации массового производства имеющихся образцов, и по модернизации и разработке новых переправочных средств.

В начале войны производство понтонно-мостовых парков, особенно тяжелых, оказалось крайне затруднено в связи с эвакуацией ряда предприятий, загруженностью промышленности другими военными заказами, а также острым дефицитом листовой стали. Осенью 1941 г. по предложению военного инженера Б. М. Малютова началась разработка деревянного мостового парка (ДМП). За изготовление первых образцов взялись несколько понтонных батальонов и коллектив Городецкой судовой верфи под руководством инженеров Н. А. Чумака и В. А. Ященина. После успешных испытаний парк получил наименование ДМП-41. Благодаря простой конструкции его можно было изготавливать в войсках. Новый деревянный мостовой парк перевозился на 40 автомобилях ЗИС-5, допуская сборку паромов грузоподъемностью до 30 т и наводку мостов грузоподъемностью 16 т длиной 128 м и, соответственно, 30 т – 64 м.

Первые образцы парков были отправлены на фронт уже весной 1942 г. Их эксплуатация дала хорошие показатели по конструкции, живучести под воздействием огня противника и восстановлению после повреждения (ил. 1). Вместе с тем были

Ил. 1. Наплавной мост из понтонного парка ДМП-41. ВИМАИВиВС

выявлены и некоторые недостатки: относительно низкая грузоподъемность для перевозки тяжелых танков, неудобство транспортировки полупонтонов из-за их относительно большой длины (более 5 м) и массы – они перегружали автомобили и затрудняли их проходимость, на наводку моста требовалось много времени.

С целью улучшения тактико-технических характеристик парка этого типа летом 1942 г., не прекращая изготовления парков ДМП-41, инженеры Н. А. Чумак и В. А. Яценин подвергли этот комплект парка существенной модернизации. Грузоподъемность была увеличена до 50 т, длина полупонтона уменьшена до 4,12 м, соответственно снизилась и его масса, перевозка стала возможной на необорудованных автомобилях. Этот парк получил наименование ДМП-42.

Имущество парка ДМП-42, перевозимое на 88 автомобилях типа ЗИС-5, позволяло собрать: 16-тонный мост длиной 236 пог. м, 30-тонный мост длиной 135 пог. м, 50-тонный мост длиной 70 пог. м, 50-тонных паромов – 5 единиц (ил. 2).

Ил. 2. Наплавной мост из понтонного парка ДМП-42. ВИМАИВиВС

Конструкция парка предусматривала возможность изготовления его силами войск. Всего за время войны было изготовлено понтонных парков ДМП-41 и ДМП-42 по годам: 1942 – 142 комплекта, 1943 – 81 комплект, 1944 – 58 комплектов, 1945 – 12 комплектов. Всего за время войны – 293 комплекта. После окончания войны парки ДМП-41 и ДМП-42 сняты с эксплуатации в войсках.

С началом войны велись работы по совершенствованию модернизированного парка на армейских резиновых лодках – МдПА-3 с тем, чтобы упростить его производство и эксплуатацию при наименьших затратах металла. Новый парк, принятый на вооружение в 1942 г. и получивший наименование парк с упрощенным верхним строением на армейских резиновых лодках А-3, сокращенно УВСА-3, был рассчитан на изготовление силами войск и близок по своим характеристикам к парку МдПА-3. Он по-прежнему имел недостаточную живучесть в боевых условиях и в связи с этим был снят с вооружения в 1943 г., когда промышленные предприятия, перебазирующиеся на восток, начали набирать обороты.

В 1941 г., сразу же после начала войны, были приняты меры к расширению производства состоящих на вооружении понтонно-мостовых парков Н2П образца 1932 г. и наплавного легкого парка НЛП образца 1936 г., тем более, что опыт боевого применения этих парков подтверждал их высокие тактико-технические данные. Принимались меры, чтобы закончить работы по упрощению материальной части парка Н2П, начатые в Научно-исследовательском инженерном институте (НИИИИ) еще в предвоенные годы.

В итоге появился парк Н2П-41, в котором были применены прогоны из прокатной стали вместо сварных, оптимизированы обводы и конструкции полупонтонов, упрощена конструкция козловых опор, а также внедрен способ перевозки материальной части на 70 необорудованных автомобилях ЗИС-5. Все вышеперечисленные производственные преобразования обеспечили массовое изготовление парка. В дальнейшем были приняты меры по уширению проезжей части однопутных мостов с 3,26 до 3,68 м для более свободного пропуска танка Т-34. Появилась и новая конструктивная особенность парка Н2П-41, которая позволила собирать паромы и мосты большой площади. Все эти работы были проведены коллективом Мордовцовского завода под руководством инженера И. Ф. Королева (ил. 3). В течение войны парк претерпел незначительную модернизацию и в 1945 г. стал именоваться Н2П-45. За время войны было произведено понтонно-мостовых парков Н2П по годам: 1941 – 16 комплектов, 1942 – 37, 1943 – 22, 1944 – 14, 1945 – 8. Всего – 97 комплектов. Парк Н2П, состоящий на вооружении понтонно-мостовых батальонов, в послевоенный период был передан в дорожные войска и в депо для хранения на складах и базах.

Несмотря на тяжелые годы войны, коллективом Мордовцовского завода совместно с НИИИИ была продолжена разработка тяжелого понтонно-мостового парка ТМП для устройства паромных и наводки мостовых переправ на больших водных преградах с целью переправы всех войсковых грузов массой до 100 т. К 1943 г. были закончены разработка и испытания этого нового парка. Основной конструктивной особенностью парка ТМП было применение полупонтонов закрытого типа с водонепроницаемой палубой, чем предотвращалось их захлестывание

Ил. 3. Наплавной мост из понтонного парка Н2П-41. ВИМАИВиВС

водой. Полупонтоны позволяли составлять полуторные и двойные понтоны, требующиеся для паромных и мостовых переправ большой грузоподъемности. Верхнее строение допускало сборку однопутных мостов с проезжей частью шириной 4 м. Комплект понтонно-мостового парка ТМП давал возможность наводить наплавные мосты различной грузоподъемности, а соответственно и различной длины: под нагрузку 40 т – 200 м, 60 т – 150 м, 75 т – 125 м, 90 т – 105 м и 110 т – 75 м, а также собирать паромы различной грузоподъемности.

В ходе испытаний на транспортабельность был принят вариант перевозки комплекта парка на необорудованных автомобилях ЗИС-5 (Студебеккер, ЗИС-150, ЗИС-164, ЗИЛ-151). Было задействовано автомобилей: понтонных – 72, с рамными опорами – 4, с барабанными (катковыми) опорами – 4, настилочных – 12, катерных – 8, с бензиновыми цистернами – 2, бортовых для запасного имущества – 2. Всего в комплекте парка 104 автомобиля. Обслуживался он понтонным полком двухбатальонного состава. Впервые этот парк был применен в боевой обстановке в сентябре 1942 г. на Волге под Сталинградом.

Ил. 4. Наплавной мост из понтонного парка ДЛП-43. ВИМАИВиВС

За период войны произведено следующее количество комплектов парков ТМП по годам: 1942 – 1,5 комплекта, 1943 – 3,5, 1944 – 3, 1945 г. – 1,75. Всего – 9,75 комплекта.

Наконец, в 1943 г. для замены парков на лодках А-3 (МдПА-3 и УВСА-3), а затем и парка НЛП под руководством А. Л. Пахомова был разработан новый деревянный легкий понтонно-мостовой парк ДЛП. Этот парк, образца 1943 г., предназначался для устройства паромных и мостовых переправ грузоподъемностью до 30 т. Комплект парка обеспечивал наводку мостов грузоподъемностью: 10 т – 163 м, 16 т – 109 м, 30 т – 56 м. Вся материальная часть была деревянной, кроме болтов, перильных стоек и якорей. Для изготовления понтонов были применены бакелизированная фанера и деревянный каркас, склеиваемые водостойким клеем. Комплект парка перевозился на 34 автомобилях ЗИС-5.

По сравнению с парком НЛП и, особенно, с парками МдПА-3 и УВСА-3 этот новый понтонно-мостовой парк при большей грузоподъемности мостовых конструкций был проще в изготовлении, удобнее в транспортировке, а при использовании обладал большей трудозащепляемостью и простотой в ремонте (ил. 4).

За время войны было произведено комплектов понтонно-мостовых парков НЛП и ДЛП по годам: 1941 – 17, 1942 – 52, 1943 – 46, 1944 – 61, 1945 – 25. Всего – 201 комплект.

К началу войны в инженерных войсках насчитывалось в общей сложности 242 инженерных, саперных и понтонных батальона. Каждый батальон имел в своем составе определенное количество переправочных средств. Количество батальонов в составе инженерных войск увеличилось к концу войны до 1129.

К началу войны бригад как войсковых соединений в составе инженерных войск не было. К концу войны было 109 инженерных, саперных и понтонно-мостовых бригад. В каждой инженерной и инженерно-саперной бригаде состоял на вооружении понтонный парк, как правило, легкий.

Опыт содержания переправ через Волгу выявил целесообразность объединения понтонно-мостовых батальонов в более крупные формирования. Поэтому с осени 1942 г. на их базе было начато формирование понтонно-мостовых бригад. В каждой бригаде по штату предусматривалось иметь 3 моторизованных понтонно-мостовых батальона с парками Н2П или ТМП и один батальон с парком ДМП. К концу войны состав инженерных войск был следующим: понтонно-мостовых бригад – 11, понтонно-мостовых полков – 11, понтонно-мостовых батальонов, не входящих в состав бригад – 43.

Понтонно-мостовые парки, с которыми инженерные войска вступили в Великую Отечественную войну, по своим тактико-техническим характеристикам вполне отвечали всем требованиям войсковых нагрузок, а такие как Н2П, НЛП, ДЛП, ТМП по своим конструктивным особенностям далеко превосходили зарубежные образцы. На сборку паромов и наплавных мостов затрачивалось значительно меньше времени по сравнению с аналогичными переправочными средствами других армий.

Сравнительные характеристики переправочных средств армий четырех государств (СССР, США, Англии и Германии) приведены в таблице.

Сравнительные характеристики наплавных средств

Наплавные мосты из легких переправочных средств			
Наименование мостов	ТТХ		
	Грузо- подъ- емность	Тип понтона (лодки)	Возм. использования
1	2	3	4
СССР			
Мост из парка МдПА-3 обр. 1935 г.	16 т	Прорезин. лодка с верхн. строен.	Для всех видов переправ
Мост из парка НЛП обр. 1936 г.	16 т	Складная лодка из бакелизир. фанеры	Для всех видов переправ
Мост из парка ДЛП обр. 1943 г.	Данных нет		
США			
Мост на лодках УВС-А-4	14 т	Резиновая лодка с промежуточным баллоном	Для всех видов переправ
Мост из легкого парка обр. 1926 г.	13,5 т	Дюралевый понтон открытый	Для паром. и мост. переправ
АНГЛИЯ			
Мост из легкого парка	5,5 т	Складная лодка из бакелизир. фанеры	Для всех видов переправ
ГЕРМАНИЯ			
Мост на больших надувных лодках	4 т	Резиновая лодка с верхним строением	Для всех видов переправ
Мост из понтонов типа «С»	5,3 т	Металлич. понтон-лодка открыт.	Для всех видов переправ

Наплавные мосты из тяжелых переправочных средств			
Наименование мостов	ТТХ		
	Грузо- подъ- емность	Тип понтона (лодки)	Возм. использования
5	6	7	8
СССР			
Мост из парка Н2П обр.1932 г.	60 т (100 т)	Металлич. (носов. и корм.)	Для всех видов переправ
Мост из парка ТМП обр. 1942 г.	70 т (110 т)	Металлич. (носов. и корм.) с закр. палубой	Для паром. и мост. переправ
Мост из парка ДМП-42	50 т	Дерев. носов. и корм. открытые	Для паром. и мост. переправ
США			
Мост из тяжелого пontonного парка обр. 1924 г.	25 т	Деревянный пonton открытый	Для всех видов переправ
АНГЛИЯ			
Мост из тяжелого пontonного парка обр. 1928 г.	16 т	Понтон из бакелизирован. фанеры закрытый	Для паром. и мост. переправ
Мост из тяжелого пontonного парка обр. 1938 г.	28 т	Металлич. понтон закрытого типа	Для паром. и мост. переправ
ГЕРМАНИЯ			
Мост из понтонов типа «В»	20 т	Металлич. понтон открытого типа	Для всех видов переправ

Примечания к таблице:

1. Сборка наплавных мостов союзных и немецкой армий требовала в 2–2,5 раза больше времени по сравнению с конструкциями подобных мостов и паромов Красной армии.

2. Как англо-американские, так и немецкая армии для пропуска тяжелых грузов через водные преграды в основном строили сборно-разборные металлические мосты на жестких опорах, что также требовало много времени и механизированных средств.

3. Для перевозки понтонных парков в союзных и немецкой армиях применялись автомобили повышенной проходимости с прицепами, на которых перевозились понтоны.

4. Преимущество армий союзных государств по сравнению с Красной и немецкой армиями состояло в том, что при форсировании водных преград широко применялись плавающие самоходные переправочные средства. В послевоенное время этот недостаток в Советской армии был ликвидирован, и сегодня на вооружении инженерных войск имеются современные в техническом отношении самоходные десантно-переправочные и понтонно-мостовые средства.

Использованная литература:

1. Военно-инженерное искусство СА. Сб. ст. М., 1958.
2. Инженерные войска Советской Армии 1918–1945. М., 1985.

М. И. Тягур

БРИТАНСКАЯ И ГЕРМАНСКАЯ ПВО В 1940–1941 гг. ГЛАЗАМИ СОВЕТСКИХ ВОЕННЫХ

С сентября 1939 до июня 1941 г. Советский Союз оставался в стороне от схватки между Германией и ее западными противниками. Тем не менее, руководители страны и Вооруженных сил не исключали возможности скорого вовлечения СССР в большую войну¹. Советский Союз в этот период и сам вел боевые действия (Польский поход, Советско-финляндская война), но помимо этого специфического опыта нужно было учесть уроки событий в Западной Европе.

Одной из областей, зарубежная практика в которой могла представлять особый интерес, была противовоздушная оборона. У Красной Армии и советского ВМФ современный опыт в этой сфере был весьма ограничен. Так, во время Советско-финляндской войны бомбардировщики противника действовали преимущественно в прифронтовой полосе. Единственной попыткой ударить по целям в достаточно глубоком тылу стали атаки бомбардировщиков «Бленхейм» по аэродрому около Лодейного Поля (при этом часть финских летчиков заблудилась и сбросила бомбы в других пунктах)². Хотя самолеты финляндских ВВС и появлялись около Ленинграда, налеты на город они не предпринимали. Также не было ударов по Кронштадту и другим базам советского ВМФ³ (за исключением налета на корабли Ладужской военной флотилии в гавани Саунасаари, но эта база была оборудована на финской территории, занятой Красной Армией после начала войны)⁴. В Ленинграде за всю войну воздушную тревогу объявили только один раз – 4 марта, да и то по ошибке, так как финны до города не долетели, а в журнале боевых действий соединений и частей 2-го корпуса ПВО отмечено, что противник

предположительно не пытался атаковать, а «производил разведывательные полеты»⁵.

Между тем, на Западе вслед за стремительными операциями 1939–1940 гг. (сопровождавшимися активными действиями ВВС) в 1940–1941 гг. разыгрались масштабные воздушные сражения. Силы люфтваффе наносили удары по городам Англии, британские летчики предпринимали налеты против немцев.

Понять, как в Советском Союзе воспринимали и изучали данный опыт, помогают архивные материалы. Например, в РГА ВМФ хранятся два документа, которые в декабре 1940 г. направили (в виде копий) командующему ВВС КБФ генерал-майору Ермаченкову. Один из них носит заголовок «Организация противовоздушной обороны в Германии» и подписан помощником военного атташе СССР в Германии полковником Н. Д. Скорняковым⁶. Второй документ – составленные неким Власовым (вероятно, тоже сотрудником полпредства) «Замечания по вопросам действий авиации по столице Германии»⁷. А в научном архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи хранится подготовленная в 1940–1941 гг. неопубликованная коллективная монография «Боевое применение артиллерии по опыту современных войн», последняя глава которой посвящена зенитной артиллерии⁸. Издать книгу собирались с грифом Военно-исторического отдела Генерального штаба Красной Армии, в состав авторов входили полковой комиссар И. С. Прочко, генерал-лейтенант С. Д. Харламов, генерал-майор артиллерии В. В. Владимиров и полковник В. Н. Забелин⁹.

Следует отметить, что германская противовоздушная оборона (как в плане средств активной борьбы с авиацией, так и в области пассивной ПВО) удостоилась крайне высоких оценок советских военных. Авторы монографии «Боевое применение...» начали свою характеристику германских зенитных сил со слов: «Среди капиталистических стран наиболее продуманна и законченна система вооружения германской зенитной артиллерии»¹⁰. Полковник Скорняков в выводах своей записки отмечал: «Организация пассивной противовоздушной обороны в Германии и в особенности в Берлине обращает на себя внимание четкостью и слаженностью работы всего огромного аппарата ПВО и высокой дисциплиной поведения населения во время воздушной тревоги»¹¹. В составленных чуть позже «Замечаниях» Власова

автор сразу же заявил, что ПВО Берлина «является образцовой по своей организации и насыщена всеми современными техническими средствами»¹². Несмотря на такие суждения, советские военные не упустили из виду недостатки и трудности, вставшие перед германской ПВО. Но вместе с тем в изученных нами материалах нельзя найти таких же хвалебных аттестаций в адрес британских сил.

Н. Д. Скорняков, приступая к характеристике германской ПВО, указал, что он опирался на «наблюдения в Берлине свои и других товарищей», на публикации газет и на литературу. При этом в самом начале записки полковник отметил: «Чувствуется во всей организации хорошо продуманный план ПВО»; «Вся работа во время налетов английской авиации проходит организованно, без паники»¹³.

Первым делом Скорняков остановился на организации противоздушной обороны. Он указал, что германская ПВО построена на основе закона от 26 июня 1935 г., что за ее осуществление отвечает главнокомандующий авиацией Геринг. Ему и его штабу подчинены все организации, относящиеся к ПВО, а именно: 1) истребительная авиация и зенитная артиллерия (включая прожекторные и звукоулавливающие части), 2) полиция, «осуществляющая руководство пассивной обороной городов», 3) «Правительственная группа по руководству промышленностью, которая организует заводские организации противоздушной обороны», 4) отвечающий за организацию и подготовку кадров для самозащиты населения «Германский государственный союз ПВО». По данным Скорнякова, истребительная группа люфтваффе делилась на три отряда, в каждом – по 12 самолетов (плюс 3 запасных), каждый отряд делился на 3 звена по 4 самолета. Тяжелые зенитные батареи имели по четыре 88-мм орудия, а также 2–3 орудия 20-мм калибра и зенитные пулеметы (для борьбы со штурмовиками и пикирующими бомбардировщиками). 20-мм батареи состояли из четырех взводов по 3 орудия. 37-мм батарея имела три взвода по 3 орудия. В прожекторной батарее было 9 прожекторов и 6 звукоулавливателей¹⁴.

«Пассивной обороной в Германии ведает полиция», – отмечал помощник советского военного атташе. В качестве примера он взял Берлин, указав, что «другие города строят ПВО по такому же принципу». При полицей-президенте Берлина функционировало

Главное управление противовоздушной защиты столицы. Управлению подчинялись отдельные районы ПВО, совпадавшие с полицейскими районами (и возглавляли районы ПВО районные начальники полиции). Берлин был разделен на 22 района, каждый из которых, в свою очередь, дробился на участки. В столице насчитывалось 178 участков ПВО, «которые, как правило, находятся при обычных полицейских участках». Низшей ячейкой в этой системе был отдельный дом, при котором имела своя команда ПВО¹⁵.

Рассказывая об активной ПВО, Скорняков отметил, что истребительная авиация располагалась на аэродромах вокруг Берлина и была удалена от города примерно на 120 км. Это была первая зона ПВО города, которую требовалось преодолеть британским пилотам¹⁶. Но «хотя, как сообщают немецкие газеты, истребительная авиация и ведет упорную борьбу с самолетами англичан, все же последним удастся достигнуть намеченных ими объектов в большинстве случаев». Ссылаясь на данные наблюдений, Скорняков писал, что как только англичанами «пройдена зона действий истребительной авиации... истребители поворачивают обратно на свои аэродромы, остерегаясь, по-видимому, огня зенитной артиллерии. На обратном пути истребители опять встречают самолеты противника»¹⁷.

Зенитная артиллерия (ЗА) создавала вокруг и внутри Берлина заградительную зону, в которой артиллерия располагалась «уступами». Так как ряд зданий имел плоские крыши, малокалиберные орудия (20-мм и 37-мм) можно было ставить прямо «на крышах этих домов». В городе также размещалась крупнокалиберная артиллерия. Батареи расставлялись треугольниками, таким образом, чтобы их секторы обстрела перекрывали друг друга. «Наблюдения показали, что стрельба проходит организованно, т. е. стрельбу ведут только те батареи, в районе действия которых летят самолеты. Здесь, очевидно, хорошо поставлена служба наблюдения и связь с командными пунктами». Малокалиберная артиллерия стреляла в основном трассирующими снарядами, при этом каждая батарея в треугольнике имела свой цвет трассы (чтобы легче наблюдать за снарядами каждой батареи). Скорняков указывал, что «точность стрельбы зенитной артиллерии очень мала». Он отмечал, что среди берлинцев по этому поводу ходит «много анекдотичных разговоров». В результате германское руководство

решило напечатать в газетах ряд статей, чтобы «популяризовать действия зенитной артиллерии среди населения»¹⁸.

Скорняков сообщал, что в прессе появилось много статей «видных германских генералов», которые подчеркивали трудность стрельбы из зенитной артиллерии и подводили читателей к мысли о том, что задача зенитной артиллерии – не столько сбить самолеты, сколько помешать авиации врага достичь целей¹⁹. В качестве примера помощник военного атташе ссылался на излагавшую «основные принципы активной противоздушной обороны» статью командующего ПВО Берлина генерала авиации Квадэ в «Фелькишер Беобахтер» от 9 сентября 1940 г. При этом германская пресса утверждала, что, несмотря на все трудности, было сбито 1600 английских самолетов. Скорняков был убежден, что «эта цифра, безусловно, завышена»²⁰.

Рассказывая о пассивной противоздушной обороне (к которой относились организация затемнения, оповещения, оказание медицинской и технической помощи, строительство бомбоубежищ), Скорняков охарактеризовал структуру и деятельность Главного управления ПВО при полицай-президенте Берлина, устройство системы наблюдательных пунктов, структуру и обязанности районных команд ПВО, организацию ПВО на уровне участков и отдельных домов²¹. Скорняков ссылался на статью генерала фон Лоппера в «Фелькишер Беобахтер» от 28 августа 1940 г. Эта статья сообщала, что «в Берлине подготовлено 67 тысяч команд самозащиты». К тому же, во время войны «на курсах противоздушной обороны ежемесячно обучается около 40 тысяч человек». Всего, как заявлял Лоппер, «число членов организации противоздушной обороны Берлина достигло в настоящее время 1 160 000 чел., что составляет 27% ко всему населению Берлина»²².

Отдельно Скорняков остановился на теме светомаскировки и обязанностей населения. В самом начале записки он отметил, что Берлин затемнен, все рестораны, кафе, театры и другие увеселительные заведения работают только до 11 часов²³. В отдельном параграфе Скорняков добавил подробности. Окна домов изнутри завешивались черными бумажными шторами, а на хозяев домов возлагался контроль за выполнением распоряжений по светомаскировке. Также задача контроля ставилась перед уполномоченными участков ПВО и полицией. Для нарушителей

существовали «строгие меры взыскания». За плохое затемнение могли отключить свет и газ на 8 дней. Некоторых нарушителей суды приговаривали к тюрьме (на срок от 2 месяцев до 3 лет) или штрафу (до 400 марок). Число уличных фонарей было «резко сокращено», в оставшиеся «поставлены лампы слабой силы и, кроме того, они заклеены черной бумагой или клеенкой, так что оставлено только небольшое отверстие для света, падающего вниз». Автомобильные фары заклеивались черным материалом, для проникновения света оставлялись «лишь узкие полоски». При этом с подачей сигнала тревоги «всякое движение прекращается, и город замирает». Также Скорняков упоминал, что в Германии «существуют специальные законы против лиц, которые используют затемнение в преступных целях». Он цитировал газету «Гембурге Френденблат», которая в сентябре 1940 г. писала: «За использование затемнения в преступных целях наказанием может быть только пожизненная каторга или смертная казнь». Время начала и конца затемнения устанавливалось ежедневно, все газеты публиковали соответствующие извещения²⁴.

Достаточно подробно Скорняков описывал различные типы газо- и бомбоубежищ. Он дал характеристику и правительственным, и специально оборудованным подземным общественным убежищам, и приспособленным под убежища подвалам жилых домов, упомянул о метро (там укрывались только пассажиры, оказавшиеся в подземке в момент сигнала тревоги; с началом тревоги станции метро закрывались на вход и выход), сопроводил свое повествование схемами²⁵. Он отметил, что специальные убежища строятся достаточно активно, но пока их создание «еще отстает от спроса на них»²⁶. При этом приспособленные под убежища подвалы жилых домов были явно ненадежны. Британцы использовали преимущественно маломощные бомбы, но от бомбы большой мощности («не такие, как бросают англичане в Берлине») «такой подвал не спасет»²⁷. Вердикт Скорнякова был таким: «Специально построенных убежищ в Берлине немного, и они, конечно, не в состоянии обеспечить массовой защиты населения от воздушного нападения. Противохимическая защита по своему размаху тоже недостаточна. Большинство населения укрывается во время воздушных налетов в слабо защищенных подвалах жилых домов и убежищах окопного типа». При этом,

по оценке Скорнякова, «Берлин по существу не подвергался систематическим продолжительным налетам». Тем не менее, из столицы шла эвакуация детей до 14-летнего возраста²⁸.

Любопытно, что среди прочих источников Скорняков использовал слухи. Он прямо ссылался на них, когда писал: «...ходят слухи, что в убежище под зданием канцелярии Гитлера временно с наступлением темноты привозят группы детей, которые проводят в убежище всю ночь». Отсюда он делал вывод: «Это свидетельствует о том, что такие убежища [т. е. правительственные. – М. Т.] не только надежны, но и достаточно удобны для ночного отдыха»²⁹.

Вслед за запиской Скорнякова в Москву отправилась записка Власова. Если в копии скорняковского документа, с которым мы работали, точной даты его составления нет (можно лишь понять, судя по упоминаемым газетным публикациям, что он был написан не раньше сентября), то на титульном листе «Замечаний» Власова указан точный день: 16 ноября 1940 г.³⁰ Составлен документ был «на основе личных впечатлений, бесед и ознакомлении [так в тексте. – М. Т.] с литературой»³¹.

Власов дополнил уже имеющиеся сведения данными по светомаскировке, уличному движению, подробно охарактеризовал действия британской авиации и ее результаты, остановился на теме потерь как немцев, так и англичан. Например, говоря о светомаскировке, он сообщил, что освещение на улицах («с пониженной силой света») оставлено для перекрестков, всех видов городского транспорта, входов в метро, вагонных и паровозных парков, а также для указателей в убежища³². Высоко оценил Власов дисциплину населения: «С объявлением тревоги на улицах нельзя встретить ни одного человека или автомашины. Каждый берлинец считает своим долгом возвратиться домой к 21–22 часам, т. е. до наиболее вероятного времени объявления тревоги». Но в то же время он отмечал: «Ввиду малой эффективности налетов... не всегда и не все жители после объявления воздушной тревоги отправляются в убежища, оставаясь дома. Это касается главным образом проживающих в нижних этажах. Не заметно, чтобы к подобным лицам применялись какие-либо меры»³³.

Вместе с тем большая часть «замечаний» посвящена вовсе не поведению гражданского населения, а действиям британской авиации и германской зенитной артиллерии.

Власов достаточно подробно характеризовал британские атаки на немецкую столицу³⁴. По его данным, с 25 августа по 12 ноября 1940 г. на Берлин было совершено 44 налета, не считая отдельных попыток «английских самолетов прорваться в черту города», отраженных «средствами ПВО на подходах». В каждом налете участвовало от одного самолета до трех–четырёх десятков. Иногда между атаками были «значительные перерывы (в 5–6 дней)»³⁵. Из-за того, что налеты следовали то один за другим каждую ночь, то на несколько суток прекращались, «систематического воздействия английской авиации на столицу Германии не чувствуется»³⁶.

В качестве объектов удара британцы, по мнению Власова, выбирали промышленные районы города, вокзалы и железнодорожные узлы, аэродромы, районы правительственных учреждений и другие цели «военно-экономического и политического значения»³⁷. При этом он отмечал: «ни одного случая систематических действий англичан по какому-либо важному объекту, хотя бы и в течение незначительного периода времени, не наблюдается». Единственное исключение – серия налетов на промышленный район Сименсштадт, но «серьезных результатов здесь не достигнуто». При этом Власов отмечал, что возможно этот район подвергался атакам чаще других попросту потому, что «находится на северо-западной окраине Берлина, т. е. на пути наиболее частых маршрутов английских самолетов». Также он считал, что «часто, в силу сильного сопротивления средств ПВО, английские самолеты вместо намеченной цели сбрасывают свои бомбы куда попало»³⁸. Кроме того, он полагал, что о прицельном бомбометании не приходится говорить из-за морального воздействия средств ПВО на экипажи самолетов³⁹. Власов отмечал ряд трудностей, которые требовалось преодолеть британцам для атак на столицу Третьего Рейха. Подчеркивая, что налеты выполняются лишь высокоподготовленными летчиками, он ссылаясь на рассказы немецких офицеров, утверждавших, что стимулом для британских летчиков совершать такие полеты «является якобы высокая оплата (до 200 долларов за полет)»⁴⁰.

Власову были известны «лишь отдельные случаи, когда англичанам удалось поразить объекты военно-экономического значения». Он говорил, что результаты бомбежек «являются очень незначительными»⁴¹. За все время налетов, по его данным,

в Берлине было убито около 100 и ранено примерно 120 человек. По мнению Власова, говорить о каких-либо серьезных материальных потерях, причиненных городу, «не приходится». Но наряду с «ничтожными материальными потерями моральный эффект подобных действий является очень большим». Он вспоминал об эвакуации детей до 14 лет, а также отмечал, что с началом тревоги «жизнь города... парализуется», что «основная часть жителей вынуждена свои часы отдыха проводить в плохо оборудованных убежищах». В результате производительность труда «значительно снижается», – как за счет потерянной из-за тревоги работы ночной смены, так и днем из-за рабочих, «плохо отдохнувших ночью»⁴².

Днем, фиксировал Власов, англичане налетов не проводили. При ночных налетах Берлин, «как правило, имеет не менее 15 минут полезного времени (от объявления тревоги до первых залпов ЗА), что дает возможность без всякой паники подготовиться населению и всем средствам ПВО к обороне». Уменьшение этого «полезного времени» имело место «лишь в отдельных случаях»⁴³. Огонь ЗА велся лишь теми батареями, в зоне которых появлялись самолеты. В случае, если самолеты двигались над облаками, а также при сплошной облачности ЗА вела огонь, «по-видимому, заградительного характера по данным звукоулавливателей или по площади, без использования прожекторов». От применения прожекторов при низкой облачности немцы отказались, так как отраженный облаками свет освещал объекты на земле. ЗА среднего калибра вела огонь, как правило, залпами, с разным интервалом. Одновременно вели огонь не менее 3–4 батарей и несколько орудий малого калибра. Плотность огня, писал Власов, «является довольно высокой, но результат стрельбы очень низкий». Он отмечал, что были случаи, «когда отдельные английские самолеты производили налеты на высоте 200–300 м и, несмотря на ураганный огонь ЗА и МЗА, уходили безнаказанно»⁴⁴.

Потери британских ВВС, «несмотря на хорошо подготовленную и организованную систему ПВО Берлина», Власов оценивал как незначительные⁴⁵. В одном месте он писал, что за весь период действий британской авиации против Берлина (с 25 августа 1940 г. до ноября, когда был составлен документ) ЗА сбила лишь один самолет⁴⁶. В другом, противореча себе, сообщал, что,

англичане потеряли 4 самолета сбитыми огнем ЗА и еще 2 – сбитыми истребителями на подходе к Берлину⁴⁷.

Подводя итоги всему сказанному в «Замечаниях», Власов среди прочего отметил, что «современные средства ПВО при правильном их использовании и достаточном насыщении» могут лишить авиацию противника возможности систематически действовать днем. Также он указал на то, что заградительная стрельба ЗА или стрельба по площадям против авиации, скрывшейся за облаками, «является значительным препятствием для летящих самолетов», заставляет пилотов менять направление и даже отказываться от сбрасывания бомб на запланированные цели⁴⁸.

Авторы монографии «Боевое применение артиллерии по опыту современных войн» вполне логично сосредоточились на артиллерийском аспекте ПВО. Характеристику германской зенитной артиллерии они начали с организации, основой которой, по их словам, «является дивизион, состоящий из трех огневых батарей, прожекторной батареи (9 прожекторов) и батареи звукоулавливателей (6 звукоулавливателей)». Батареи средних и крупных калибров состояли из четырех орудий крупного калибра и двух – мелкого. «Эта штатная структура в большей степени повышает самостоятельность каждого дивизиона, т. к. ... дивизион может создавать необходимую плотность на различных высотах, а, следовательно, “мертвое пространство” на низких высотах исключается...» Батареи малой зенитной артиллерии состояли из двенадцати орудий каждая⁴⁹. Дальше в детали авторы, однако, вдаваться не стали, указав лишь, что «войсковая зенитная артиллерия подчинена соответствующему войсковому командованию, что же касается зенитной артиллерии, входящей в общую систему ПВО страны, то последняя во всех отношениях подчинена авиационным начальникам и находится в ведении министерства авиации»⁵⁰.

На огневых позициях немецкие батареи, как правило, располагались на удалении примерно в 50 м друг от друга, в форме прямоугольника⁵¹ (как мы видели выше, Скорняков писал про треугольники⁵²). «Все батареи дивизиона – на различных огневых позициях в целях взаимного перекрытия мертвых воронок. В стороне от батарей на возвышенные пункты или здания выбрасывались наблюдательные пункты»⁵³. Огонь велся залпами. Наряду с

этим (преимущественно ночью) велся заградительный огонь по заранее пристрелянным воздушным площадям⁵⁴.

С положительной аттестацией матчасти и степени обученности личного состава соседствовало указание на низкую эффективность снарядов: «Германское командование очень высоко расценивает свою зенитную артиллерию, обладающую хорошей, вполне современной материальной частью и хорошо обученную и слаженную, но все же количество сбитых неприятельских самолетов очень невелико. К одной из причин этого следует, как показал опыт войны, отнести малую убойность осколков зенитных гранат, величина которых очень незначительна»⁵⁵.

В книге затрагивалось и противодействие британским налетам на Германию. Несмотря по попытке немцев создать заслон на побережье, англичане без особого труда преодолевали его: «Германское командование после разгрома Франции стремилось при помощи зенитной артиллерии создать непреодолимый барьер для авиации англичан, в целях чего на всем побережье Франции, Бельгии, Голландии и Западной Германии было расположено на боевых позициях значительное количество зенитной артиллерии, преимущественно средних и тяжелых калибров. Опыт войны все же показывал, что количество зенитной артиллерии на побережье не соответствовало величине того пространства (фронта), на котором германская зенитная артиллерия должна была создать непреодолимую завесу заградительного огня. Плотность огня оказалась мала, да и к тому же английская авиация легко проходила созданный барьер на больших высотах, на которых огонь германской зенитной артиллерии не был в должной мере действенным»⁵⁶. Фиксировался и факт продолжительных воздушных тревог в столице Третьего Рейха: «В отдельных случаях воздушных тревог в Берлине непрерывный залповый огонь германской зенитной артиллерии продолжался в течение трех и даже пяти часов, что при большой скорострельности орудий неизбежно приводило к огромному расходу снарядов и к выходу из строя материальной части»⁵⁷.

Также отмечалось, что вся германская зенитная артиллерия приспособлена для стрельбы по наземным целям. Немецкие зенитки активно использовались для стрельбы по бронекуполам бельгийских и французских дотов и «для разрушения огнем прямой наводкой напольных стен долговременных сооружений на

линии Мажино». Кроме того, в ходе боевых действий в Бельгии и Франции «германской зенитной артиллерией было уничтожено до 125 танков противника и несколько кораблей в проливе Ла-Манш»⁵⁸.

Закончив с немцами, авторы монографии приступили к англичанам. Стоит отметить, что английскому опыту они уделили значительно больше внимания – 20 страниц⁵⁹ против пяти, посвященных германской ПВО⁶⁰. Это вполне естественно. Ведь налеты германской авиации на Британию в 1940 г. явно были более масштабными, чем атаки англичан против Германии.

По оценке советских авторов, хотя в Британии развитию противовоздушной обороны уделялось значительное внимание, а с 1937 г. началось ускоренное «формирование частей и соединений активной ПВО», все же Англия «вступила во вторую империалистическую войну менее подготовленная в области ПВО, чем Германия»⁶¹.

Советские авторы указывали, что система ПВО метрополии состоит из: 1) службы воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС), 2) активной ПВО, включающей в себя истребительную авиацию, ЗА, части прожекторов и аэростатов заграждения, 3) пассивной ПВО. Вся эта система до 1939 г. возглавлялась Комитетом Имперской обороны во главе с премьер-министром. Конкретное руководство ПВО принадлежало трем министерствам: воздушному (отвечало за истребители, аэростаты и ВНОС), военному (ЗА, зенитные пулеметы и прожектора), внутренних дел (пассивная ПВО). С началом войны все активные средства ПВО на территории Британии подчинили начальнику истребительной авиации, который стал начальником ПВО метрополии. Пассивную ПВО оставили в ведении министерства внутренних дел⁶².

«Островное положение Англии, расположение ее важнейших центров на побережье, – отмечалось в монографии, – не дает возможности наземной сети постов ВНОС обеспечить своевременным оповещением не только пункты, расположенные на самом побережье, но и средства ПВО Лондона...»⁶³ В связи с этим система ВНОС была построена так, чтобы охватывать не только британскую территорию, но и воздушное пространство Северного моря, Голландии, Бельгии и Франции. Помимо постов на британских берегах (внутренняя зона ВНОС) в систему входили

специальные корабли и катера ВНОС, находившиеся в плавании корабли военно-морского и торгового флота, самолеты, патрулирующие наиболее уязвимые направления (внешняя зона ВНОС). При обнаружении противника корабли и самолеты радиовали об этом в Дувр и другие пункты, оттуда «эти сигналы автоматически передаются в радиоцентры Англии, откуда поступают на узловые станции звукоулавливателей. Опыт показал, что такой метод... сокращает время передачи до нескольких секунд». Задачей внутренней зоны «является, главным образом, уточнение направления полета уже обнаруженного противника»⁶⁴.

Можно отметить, что в этой характеристике не упомянуты радиолокаторы. Британцы активно работали в области радиолокации с 1935 г.⁶⁵. К началу германских налетов существовала уже «целая сеть радарных вышек, расположенных вдоль побережья Британских островов (так называемая Chain Home [“Оборонная цепь”])», которая «давала точное и своевременное предупреждение о приближении немецких самолетов»⁶⁶. После войны германские военные констатировали, что «неблагоприятный для Германии исход “битвы за Англию” в значительной мере объясняется именно наличием у англичан развернутой сети радиолокационных установок»⁶⁷.

Истребительной авиации (ИА) авторы монографии, посвященной артиллерии, по понятным причинам уделили немного внимания – соответствующий параграф уложился в два абзаца. Но при этом отмечалось, что именно ИА является «основным активным средством противовоздушной обороны Англии»⁶⁸. (И современные британские авторы согласны с тем, что главную роль в отражении немецких налетов играли именно пилоты, а не зенитчики⁶⁹).

Авторы «Боевого применения» писали о перевооружении британской зенитной артиллерии с 75-мм орудий на 6-дюймовые и отмечали «очень большой» эффект от работы новых пушек⁷⁰. Они охарактеризовали структуру зенитной артиллерии, ее вооружение, не упустили из виду, что кроме наземных батарей в систему противовоздушной обороны входят корабли ПВО⁷¹. Вслед за этим в книге описывались направления, выделенные британцами как угрожающие, характеризовались зоны ПВО (как линии ВНОС, так и зоны непосредственной обороны)⁷². Много внимания было уделено взаимодействию

истребительной авиации и зенитной артиллерии, говорилось о том, что в одних случаях создаются отдельные зоны для действий истребителей и зенитчиков, в других – при переходе истребителей в атаку зенитчики прекращают свой огонь, отмечались трудности взаимодействия ИА и ЗА ночью⁷³. Отдельный параграф был посвящен ПВО Лондона⁷⁴. Приводились данные о наращивании средств ПВО в ходе войны⁷⁵.

В книге отмечалось, что «взаимодействие истребительной авиации и зенитной артиллерии в дневных условиях отработано хорошо», а вот ночью ИА «действует слабо». Также ночью из-за недостаточной мощности прожекторов британской ЗА приходилось отказываться от корректируемого огня и переходить на заградительный. Со ссылкой на показания пленных летчиков утверждалось, что «массовый ночной заградительный огонь производит на германскую авиацию большое моральное впечатление»⁷⁶.

Без указания источника приводились цифры: с 18 июня по 4 октября 1940 г. «активными средствами ПВО метрополии сбито 64 германских самолета», из них: «истребительной авиацией – 30 самолетов и огнем зенитной артиллерии – 30 самолетов. 4 самолета погибли от аэростатов заграждения»⁷⁷. Где бы ни были взяты эти данные – они безбожно занижены. Только с 8 по 19 августа включительно люфтваффе потеряло 246 истребителей и 298 бомбардировщиков⁷⁸. С 23 по 31 августа в число германских потерь попали еще 197 истребителей и 139 бомбардировщиков⁷⁹. Дж. Фуллер вскоре после окончания войны писал, что «по данным британского министерства авиации, с 10 июня по 31 октября было уничтожено 2692 германских самолета», однако «в действительности немцы потеряли 1733 самолета»⁸⁰. Конечно, Фуллер говорил о потерях германской авиации в целом, а не только в небе над Англией, но самые ожесточенные воздушные схватки в это время шли именно в британском воздушном пространстве.

Переходя к выводам по боевому применению ЗА «во время второй империалистической войны» в целом, авторы монографии, отмечая заметное развитие зенитной артиллерии после Первой мировой войны, в то же время констатировали, что ЗА «как активное средство ПВО продолжает еще уступать первое место истребительной авиации», на которую падает «наибольший процент сбитых самолетов»⁸¹. Отметив необходимость иметь разные виды ЗА (тяжелую, среднюю и малокалиберную), крайне важную

потребность в новых приборах управления огнем⁸², они также зафиксировали, что «невозможность посредством современных приборов наблюдения ловить воздушную цель на больших высотах» приводит к необходимости ведения заградительного огня (и большого расхода снарядов), а также тесного взаимодействия ЗА с ИА⁸³. Вообще расход боеприпасов и напряженность огня, по их оценке, «крайне велики и превосходят всякие довоенные расчетные нормы»⁸⁴.

Советские военные внимательно следили за ходом боевых действий в Европе. Несомненно, что опыт зарубежной ПВО был предметом пристального изучения.

В исследованных материалах, конечно, есть странные с точки зрения фактов утверждения (например, о числе сбитых в небе Британии германских самолетов). Порой их авторы опирались на сомнительные источники, ссылались на слухи, в том числе на такие, которые могли целенаправленно распространяться германскими властями в пропагандистских целях.

Несмотря на важность системы ВНОС, в цитированных выше документах и монографии «Боевое применение...» ни слова не сказано о радиолокации. Радиолокаторы играли важную роль в британской ПВО. Работали в этой области и немцы. Уже после войны германские военные констатировали, что в самом начале войны прожекторы и звукоулавливатели «обнаружили свою почти полную непригодность во время ночной стрельбы», что британские налеты показали: «это оборудование совершенно устарело и не может обеспечить отыскание самолетов противника не только в плохую погоду, но и даже в светлые лунные ночи»⁸⁵ (то, что ночная стрельба берлинских зенитчиков была малоэффективна в плане сбитых самолетов, констатировали и советские наблюдатели). Но «переход на радиолокаторы осуществлялся очень медленно, затянувшись почти до 1941 года»⁸⁶. Также занимались радиолокацией в СССР. К концу 1937 г. была разработана установка «Ревень» (РУС-1), в сентябре 1939 г. ее приняли на вооружение. Боевым крещением для новой техники стала Советско-финляндская война. К 22 июня 1941 г. выпустили 45 комплексов. Почти сразу же после РУС-1 появилась установка «Редут». Первый экспериментальный образец изготовили еще в 1937 г., второй – в 1938 г. Новый образец опробовали в деле во время войны с финнами (на Карельском перешейке), а в июле 1940 г. приняли

на вооружение под наименованием РУС-2⁸⁷. В документах, анализируемых в данной статье, связанные с появлением и применением средств радиолокации тенденции остались за скобками.

Вместе с тем, из имевшихся у советских военных материалов можно было извлечь и немало полезного. Интерес представляют их данные об организации МПВО, об эффективности зенитного огня, о взаимодействии ЗА и ИА.

Вопрос о том, как именно советское руководство использовало иностранный опыт, требует отдельного исследования. Но в связи с этим сюжетом можно вспомнить как минимум реорганизацию МПВО, проведенную в 1940 г. Ранее она подчинялась наркомату обороны, теперь ее передали в ведение НКВД, внутри которого создавалось Главное управление МПВО⁸⁸. Можно предположить, что здесь какую-то роль сыграло обращение к опыту Британии и Германии, где за МПВО отвечали именно органы внутренних дел. Возможно, дальнейшие изыскания позволят обнаружить какие-то другие параллели и следы учета зарубежных уроков войны.

¹ Нарком обороны К. Е. Ворошилов на заседании комиссии Главного военного совета 5 мая 1940 г. говорил: «Мы не гарантированы, что нам [не] придется драться в этом году» («Зимняя война»: работа над ошибками (апрель-май 1940 г.). Материалы комиссий Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании. М.; СПб., 2004. С. 228). Заместитель наркома ВМФ контр-адмирал И. С. Исаков 13 марта 1940 г. на совещании командиров и комиссаров Балтийского флота подчеркнул, что нужно готовиться «к большим серьезным событиям, в случае, если крупные империалистические державы задумают навязать нам большую войну», при этом «нам не нарезан какой-то определенный срок – год или два – для мирной подготовки к следующей войне» (РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 637. Л. 89, 93).

² Подробности см.: Киселев О. Н. «Бленхеймы» над Лодейным Полем // <https://warspot.ru/8000-blenheymy-nad-lodeynum-polem>; Киселев О. Н. Финские «москиты» против советских «ишачков». Глава пятая // <https://tacticmedia.ru/news/finskie-moskity-protiv-sovetskikh-ishachkov-glava-pyataya/>

³ Как констатировал И. С. Исаков, финны не произвели «ни одного удара по нашим базам» (РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 637. Л. 95).

⁴ Об этом налете 29 января 1940 г. см.: РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 588. Л. 92–94.

⁵ Журнал боевых действий соединений и частей 2-го корпуса ПВО – Ленинградской армии ПВО – 1939-11-30 – 1941-08-26 // <http://rr.aroundspb.ru/pn/13613-0020352-0017.pdf>; также о работе советской системы ПВО Ленинграда в период Советско-финляндской войны см.: Лашков А. Ю. 1) Противовоздушная оборона Красной армии и Краснознаменного Балтийского флота в Советско-финляндской войне (1939–1940 гг.) // Военно-исторический журнал. 2019. № 11, 12; 2) «Не допустить ни одного самолета противника к городу Ленинграду». Организация

противовоздушной обороны Ленинграда в годы Советско-финляндской войны // Военно-исторический журнал. 2023. № 3; Тягур М. И. «Ближайший и действенный тыл военного фронта»: Ленинград и Ленинградская область во время Советско-финляндской войны. СПб., 2024. С. 259–306.

⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-62. Оп. 2. Д. 168. Л. 1031–1056.

⁷ Там же. Л. 1021–1030.

⁸ АВИМАИВнВС. Ф. 58р. Оп. 1. Д. 97. Л. 294–336.

⁹ Там же. Л. 1, 10.

¹⁰ Там же. Л. 323 об.

¹¹ РГА ВМФ. Ф. Р-62. Оп. 2. Д. 168. Л. 1056.

¹² Там же. Л. 1022.

¹³ Там же. Л. 1032.

¹⁴ Там же. Л. 1033.

¹⁵ Там же. Л. 1035.

¹⁶ Там же. Л. 1036.

¹⁷ Там же. Л. 1038.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 1039.

²¹ Там же. Л. 1041–1043.

²² Там же. Л. 1035.

²³ Там же. Л. 1032.

²⁴ Там же. Л. 1044.

²⁵ Там же. Л. 1044–1056.

²⁶ Там же. Л. 1047.

²⁷ Там же. Л. 1055.

²⁸ Там же. Л. 1056.

²⁹ Там же. Л. 1047.

³⁰ Там же. Л. 1021.

³¹ Там же. Л. 1030.

³² Там же. Л. 1022.

³³ Там же. Л. 1023.

³⁴ Там же. Л. 1024–1028.

³⁵ Там же. Л. 1024.

³⁶ Там же. Л. 1025.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Л. 1026.

³⁹ Там же. Л. 1028.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Л. 1028–1029. Перечень разрушенных объектов см.: там же. Л. 1029.

⁴² Там же. Л. 1029.

⁴³ Там же. Л. 1023.

⁴⁴ Там же. Л. 1024.

⁴⁵ Там же. Л. 1029.

⁴⁶ Там же. Л. 1024.

⁴⁷ Там же. Л. 1029.

⁴⁸ Там же. Л. 1030.

⁴⁹ АВИМАИВнВС. Ф. 58р. Оп. 1. Д. 97. Л. 323 об.

⁵⁰ Там же. Л. 324.

- ⁵¹ Там же. Л. 324 об.
- ⁵² РГА ВМФ. Ф. Р-62. Оп. 2. Д. 168. Л. 1038.
- ⁵³ АВИМАИВиВС. Ф. 58р. Оп. 1. Д. 97. Л. 324 об.
- ⁵⁴ Там же. Л. 325.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же. Л. 324.
- ⁵⁷ Там же. Л. 325 об.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же. Л. 326–336.
- ⁶⁰ Там же. Л. 323 об.–325 об.
- ⁶¹ Там же. Л. 326–326 об.
- ⁶² Там же. Л. 326 об.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Там же. Л. 327.
- ⁶⁵ Подробнее об этих работах см.: Dobinson С. AA Command: Britain's anti-aircraft defences of World War II. L., 2001. P. 114–116.
- ⁶⁶ Ларсон Э. Страх и надежда: Как Черчилль спас Британию от катастрофы. М., 2022. С. 104.
- ⁶⁷ Мировая война. 1939–1945. М.; СПб., 2000. С. 588.
- ⁶⁸ АВИМАИВиВС. Ф. 58р. Оп. 1. Д. 97. Л. 327.
- ⁶⁹ Dobinson С. AA Command. P. 193.
- ⁷⁰ АВИМАИВиВС. Ф. 58р. Оп. 1. Д. 97. Л. 328–328 об. В сводных данных о вооружении британской ПВО в 1940–1941 гг., которые приводит К. Добинсон, максимальный калибр зенитных пушек 4,5 дюйма. См.: Dobinson С. AA Command. P. P. 528–529.
- ⁷¹ АВИМАИВиВС. Ф. 58р. Оп. 1. Д. 97. Л. 328 об. – 329.
- ⁷² Там же. Л. 329–330.
- ⁷³ Там же. Л. 330 об.–332 об.
- ⁷⁴ Там же. Л. 333–333 об.
- ⁷⁵ Там же. Л. 332 об.–333.
- ⁷⁶ Там же. Л. 332.
- ⁷⁷ Там же. Л. 332–332 об.
- ⁷⁸ Боевые операции Люфтваффе: взлет и падение гитлеровской авиации. М., 2008. С. 111.
- ⁷⁹ Там же. С. 113.
- ⁸⁰ Фуллер Дж. Ф. С. Вторая мировая война 1939–1945 гг. Стратегический и тактический обзор. М., 1956. С. 120.
- ⁸¹ АВИМАИВиВС. Ф. 58р. Оп. 1. Д. 97. Л. 333 об.–334.
- ⁸² Там же. Л. 334–334 об.
- ⁸³ Там же. Л. 334 об.
- ⁸⁴ Там же. Л. 335 об.
- ⁸⁵ Мировая война. С. 565–566.
- ⁸⁶ Там же. С. 566.
- ⁸⁷ История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963 гг. Т. 4. Оборонно-промышленный комплекс СССР накануне Великой Отечественной войны (1938 – июнь 1941). М., 2015. С. 1036–1037.
- ⁸⁸ Лапиров С. А столица жила и боролась // Еще один подвиг столицы. Местная ПВО в годы войны. М., 1984. С. 20.

Р. Н. Чумак, Р. А. Тимофеева

РАЗРАБОТКА 6,5-ММ ВИНТОВОЧНОГО ПАТРОНА УМЕНЬШЕННОЙ МОЩНОСТИ И АВТОМАТА-КАРАБИНА 1936 ГОДА ПОД НЕГО ПО ТАКТИКО-ТЕХНИЧЕСКИМ ТРЕБОВАНИЯМ В. Г. ФЕДОРОВА

Современная и давно устоявшаяся историография развития отечественного стрелкового оружия однозначно трактует вопрос появления в СССР оружия под патрон промежуточной мощности как следствие захвата на фронте в 1943 году образцов германских 7,92-мм автоматических карабинов МКв.42(Н) и патронов к ним и решения о создании в СССР оружия аналогичного типа. Вторичность советских разработок оружия под промежуточный патрон в его специализированной версии¹ по отношению к немецким работам никем никогда не оспаривалась. Единственное, что до сих пор в этом плане можно было поставить в заслугу отечественной школе проектирования оружия, – это пророческие слова конструктора-оружейника и крупного теоретика оружейного дела В. Г. Федорова, опубликованные им в фундаментальной работе «Оружейное дело на грани двух эпох»:

«Автоматическая винтовка, или, вернее, автомат, протягивает свои руки к пистолету-пулемету. Эти два образца оружия – при условии значительного повышения качества пистолетного патрона – сольются в одном образце малокалиберного оружия – автоматическом карабине для вооружения армии. Ведь в настоящее время дальний огонь пехоты, свыше 1000 м, знаменует лишь напрасную трату патронов, а между тем для возможности такой стрельбы ныне принятый винтовочный патрон обладает чрезмерной дальностью, излишне увеличивая габарит патрона, а, следовательно, и вес оружия. Принцип, что винтовка должна

заменять собою пулеметы – при неимении их, а также при отказе в действии – в настоящее время, при громадной насыщенности армии этим типом оружия, при простоте их конструкции и улучшении качеств изготовления является уже совершенно устаревшим. С другой стороны, широкому распространению пистолетов-пулеметов препятствуют лишь слабые качества пистолетных патронов. Лишь малокалиберный автомат-карабин с магазином на 20 патронов вновь разработанного типа и легкими сошками даст максимальную мощь огневой силе батальона и в то же время будет обладать отличными качествами в отношении легкости, компактности и удобства обращения»².

Ил. 1. В. Г. Федоров. 1940 г.
ВИМАИВИВС

Творческая биография В. Г. Федорова – это яркий пример сочетания выдающихся аналитических способностей и умения последовательно обобщать на научной основе большой пласт опытного и теоретического материала. Такие качества позволили выдающемуся русскому оружейнику во многом опередить время, предвосхитив ряд значимых открытий в области оружейного дела. Как мы теперь знаем, приведенная выше цитата является примером поистине гениального предвидения В. Г. Федорова в отношении облика индивидуального стрелкового оружия как очередного, так и следующего за ним поколений. Данное предвидение, сделанное им в конце 1930-х гг., полностью подтвердилось, причем дважды: сначала в конце 1940-х гг., когда на вооружение советской армии поступил стрелковый комплекс из автомата, самозарядного карабина и ручного пулемета под патрон промежуточной мощности нормального калибра, а затем и в начале 1960–1970-х гг., когда на вооружении сначала армии США, а затем и СССР были

приняты автоматические винтовки (автоматы) под малоимпульсные малокалиберные патроны.

Но для понимания механизмов развития советского стрелкового оружия важно зафиксировать не только сам факт масштабного предвидения В. Г. Федорова, но и его точную суть и истоки. Что конкретно он имел в виду под «патронами вновь разработанного типа»? Скрывался ли за строками этого предвидения, которые в принципе можно отнести к чистому теоретизированию, какой-то практический опыт?

Исследования, проведенные авторами в ряде архивов, позволили не только получить ответы на данные вопросы, но и полностью изменили сложившуюся картину советских работ по созданию оружия под патрон промежуточной мощности, дате их начала и результатах. Главным событием здесь является подтвержденная архивными документами информация о разработке стрелкового комплекса под патрон уменьшенного калибра и мощности, состоявшейся в 1935–1936 гг., в ходе которой по ТТТ, составленным В. Г. Федоровым, были спроектированы оригинальный и ультрапередовой для своего времени патрон стрелкового оружия и автомат-карабин под него.

Начало событий по разработке первого советского автоматного стрелкового комплекса относится к концу 1935 г., когда В. Г. Федоров был назначен членом бюро консультантов при Главном военно-мобилизационном управлении наркомата тяжелой промышленности³. Каждый член бюро занимался собственной темой. Федорову были поручена работа по пересмотру системы стрелкового оружия Красной Армии на основании исследования опыта Первой мировой войны. В феврале 1936 г. он подготовил докладную записку «О новом образце оружия, удовлетворяющем современным успехам военной техники и являющимся следующим этапом в дальнейшей эволюции стрелкового оружия РККА», в которой изложил свою позицию по этому вопросу и предложил к введению в армию новый образец автоматического оружия вместо 7,62-мм винтовки образца 1891/30 гг. одновременно с новым патроном меньшего габарита и веса вместо патрона 1908 г.

В отношении параметров перспективного патрона Федоров, основываясь на результатах анализа боевого опыта Первой мировой войны, указывал на значительное сокращение дистанций

стрельбы из образцов стрелкового оружия и, как следствие, напрасный расход патронов в случае стрельбы на большие расстояния. «Главная цель проектирования нового патрона заключается в следующем: отказавшись от чрезмерной дальности, не нужной в настоящее время (при обилии пулеметов⁴) для рядового бойца, уменьшить габарит патрона для возможностей проектирования более легкого и компактного автоматического оружия, обладающего в то же время лучшей настильностью и кучностью на всех расстояниях новой прицельной дальности»⁵. Таким образом, В. Г. Федоров предполагал разрабатывать новый патрон, исходя из меньшей максимальной прицельной дальности и меньшей поперечной нагрузки пули, что позволяло существенно снизить ее вес и габариты патрона в целом и при этом обеспечить главные баллистические качества (настильность и кучность боя) не хуже, чем у штатного винтовочного патрона, но на новой меньшей дальности стрельбы. Такой подход к параметрам перспективного патрона в итоге давал возможность получить на вооружение армии более компактный и легкий образец оружия.

Доклад В. Г. Федорова был одобрен бюро консультантов, а также начальником Главного военно-мобилизационного управления. На основе главных выводов доклада им были разработаны и 25 февраля 1936 г.⁶ подписаны тактико-технические требования к перспективному образцу оружия – им, по мнению докладчика, должен был стать автомат-карабин под новый патрон уменьшенной мощности.

Поскольку определяющая роль в данной работе принадлежала именно патрону, то, опираясь на свой опыт работы по уменьшенным калибрам, для дальнейших расчетов Федоров предложил следующие его исходные параметры:

1. калибр 6,5–6,25 мм;
2. давление пороховых газов 3500–3000 кг/см²;
3. поперечная нагрузка пули 18–20 кг/см;
4. максимальная прицельная дальность 1500 м.

Тактико-технические требования Федорова к автомату-карабину:

1. назначение – легкое, мощное автоматическое оружие для стрельбы на близких и средних расстояниях, на дистанциях до 1500 м;
2. калибр 6,5 мм;
3. вес (без сошек) не более 3,5 кг;

4. конструкция карабина должна быть проста и прочна; простота конструкции должна обеспечивать возможность изготовления карабинов заводами гражданской промышленности, за исключением стволов и деталей, требующих особой точности, например, прицелов; внутренние части должны быть хорошо закрыты от проникновения пыли и сора;

5. зарядание из обоймы, а также вставными магазинами;

6. обойма с пластинчатой пружиной;

7. вставные магазины на 10 и 25 патронов;

8. переводчик для непрерывной стрельбы съёмный, легко приспособляемый и отделяемый от карабина без помощи инструмента;

9. боевая скорострельность – в положении лежа – при одиночном огне – 25 выстрелов в 1 минуту при зарядании из обоймы и до 60 при зарядании вставными магазинами (на 25 патронов);

10. нормальный вид огня – одиночный; непрерывный огонь – очередями по 2–3 патрона – лишь в случаях появления крупных целей на близких дистанциях;

11. темп стрельбы не более 600 выстрелов в минуту;

12. число выстрелов без охлаждения – при одиночной и непрерывной стрельбе очередями по 2–3 патрона не менее 300;

13. экстрактирование гильз – вперед (но не вверх);

14. количество задержек, легко устранимых при действии за рукоять, – не более одной на 200 выстрелов; процент остальных задержек – т. е. не устранимых при действии за рукоять – не более 0,05%;

15. ствол неподвижный – длина ствола 550 мм⁷;

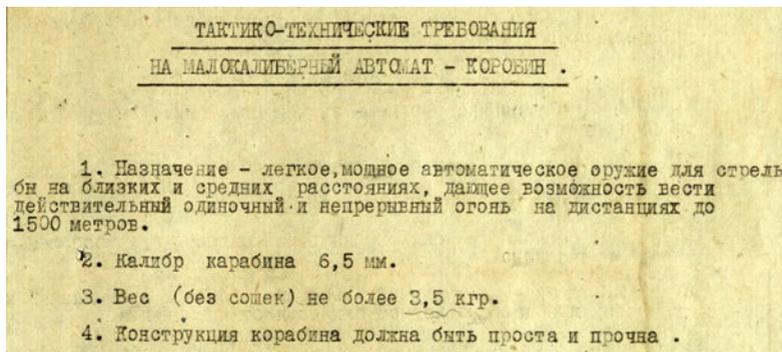
16. затвор должен оставаться открытым по израсходовании последнего патрона магазина;

17. перед производством выстрела при нажиме на спуск затвор должен находиться в переднем положении с патроном, находящимся в патроннике (но не в заднем положении, как это принято в пулеметах);

18. прицел должен быть нарезан до 1500 м, через 50 м; прицельные приспособления должны быть предохранены от случайных ударов и повреждений;

19. карабин должен допускать возможность приспособления к нему оптического прицела;

20. штык – клинковый, носимый у пояса и примыкаемый к карабину в непосредственной близости от противника;

Ил. 2. Фрагмент тактико-технических требований на 6,5-мм автомат-карабин, разработанных В. Г. Федоровым в 1936 г. ГАВО. Ф. Р-575. Оп. 1. Д. 539.

21. наличие надежно действующих предохранителей, как обыкновенного, так и устраняющего возможность выстрела при незакрытом затворе;

22. спуск не должен допускать вздвоенных выстрелов, усилие на спуск в пределах 1,5–2,5 кг;

23. ложа предпочтительнее из двух частей для достижения лучшей стабильности боя при усушке дерева ложи;

24. наличие прочной ствольной накладки, предохраняющей руки от ожога;

25. наличие дульного тормоза, а также и принятие других мер для доведения отдачи до минимума;

26. удобство сборки и разборки, неполная разборка должна производиться без помощи инструмента;

27. к карабину должны быть разработаны легкие сошки, весом не более 300 г;

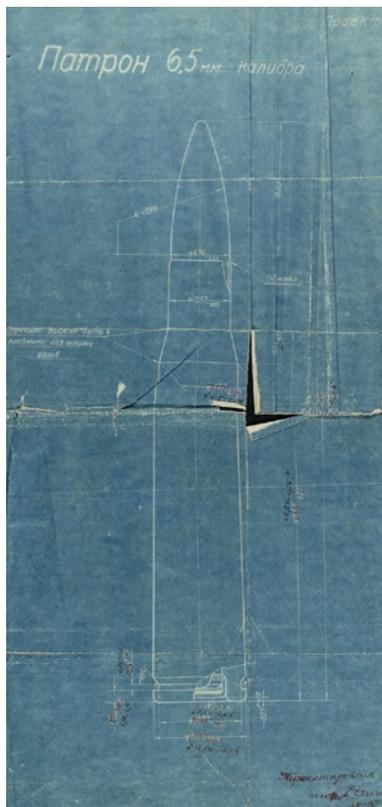
28. карабин должен допускать применение холостых патронов при учениях и маневрах;

29. начальная скорость пули не менее 900 м/с при поперечной нагрузке в 18–20 г/см²;

30. дальность прямого выстрела не менее 500 м (700 шагов);

31. живая сила пули на предельной дистанции (1500 м) должна быть не менее установленной нормы, достаточной для вывода человека из строя (10 килограммометров).

Разработка элементов нового стрелкового комплекса под патрон уменьшенной мощности по ТТТ Федорова началась в самом

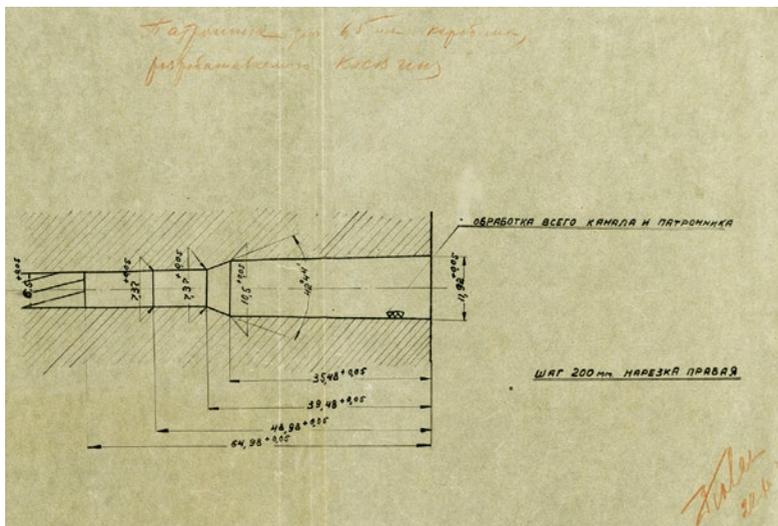

Ил. 4. Габаритный чертеж 6,5-мм патрона, разработанного Н. М. Елизаровым с правками от 28 апреля 1936 г. ГАВО. Ф. Р-575. Оп. 1. Д. 539.

начале 1936 г. Проектирование патрона было поручено инженеру-технологу Н. М. Елизарову⁸ и велось им по нескольким вариантам сочетаний главных параметров: каждый калибр – 6,5–6,25 мм рассчитывался для давлений 3500–3000 кг/см².

Из рассчитанных Н. М. Елизаровым восьми вариантов баллистических решений патронов В. Г. Федоровым был выбран вариант «6,5 – 3500 – 18»⁹ с весом пули 6,27 г, ее начальной скоростью 950 м/с и общей длиной патрона 67,75 мм¹⁰. По окончании расчетов Федоров подготовил второй доклад в бюро консультантов о необходимых предварительных мероприятиях по заказу образцов оружия для производства опытов по проектированию патрона – главным образом для выяснения наивыгоднейшей марки пороха и состава капсюля. 11 марта 1936 г. к заказу были определены 4 марки пороха по итогам исследований профессора Н. И. Жуковского. Чертеж нового 6,5-мм патрона был выполнен Н. М. Елизаровым, его первый вариант датирован 28 апреля 1936 г.

После разработки Н. М. Елизаровым габаритного чертежа нового 6,5-мм патрона Главное управление военной промышленности (ГУВП) приступило к организации проектирования оружия под него. 7 марта 1936 г. ГУВП отправило начальнику Ковровского конструкторского бюро стрелкового вооружения (ККБСВ¹¹) П. И. Майну проект технических условий на автомат-карабин

Ил. 5. Чертеж патронника 6,5-мм автомата-карабина. 1936 г. ГАВО.
Ф. Р-575. Оп. 1. Д. 539.

с предложением внести в них корректировки и определить сроки изготовления образца¹².

Наряд на проектирование автомата-карабина согласно габаритам нового патрона и тактико-техническим требованиям Федорова был дан 5 мая 1936 г. первым ружейно-пулеметным отделом Главвоенпрома следующим организациям: Центральному проектно-конструкторскому бюро в Туле (начальник П. К. Морозенко), Ижевскому оружейному заводу (директор А. И. Быковский) и конструкторскому бюро Инструментального завода № 2 г. Коврова (начальник П. И. Майн)¹³. Судьбу проекта в первых двух организациях выяснить не удалось, однако сохранились сведения, касающиеся работы Ковровского конструкторского бюро стрелкового вооружения.

Проектирование автомата-карабина осуществлялось под усовершенствованный вариант 6,5-мм патрона, чертеж которого поступил на завод 22 мая 1936 г. Основные баллистические данные патрона следующие: среднее максимальное давление пороховых газов 3500 кг/см², начальная скорость 925 м/с¹⁴.

Работы по составлению рабочих чертежей автомата-карабина¹⁵ были начаты в августе 1936 г.¹⁶, к 1 сентября их готовность

Ил. 6. 6,5-мм патрон уменьшенной мощности конструкции Елизарова-Федорова 1936 г. «нового чертежа» (окончательный вариант). Изображение внешнего вида патрона выполнено В. Сухнёвым по чертежу Н. М. Елизарова с правками от 28 апреля 1936 г.

составила 80%¹⁷. В очередном докладе Федорова в бюро консультантов от 16 сентября 1936 г. шла речь о дальнейших мероприятиях по изготовлению автомата-карабина и новых патронов. К 1 октября рабочие чертежи оружия были готовы, началось изготовление его деталей¹⁸. При этом патронник, разработанный конструкторским бюро ИНЗ № 2, был выполнен с нарезами в канале ствола по типу 6,5-мм автомата Федорова. В ориентировочный план работ КОСВ ИНЗ № 2 на 1937 г. было заложено изготовление двух образцов 6,5-мм карабина¹⁹, а также разработка чертежей, образца и приборов 6,5-мм ручного пулемета системы Дегтярева на легком станке и сошках. Пока остается невыясненным, под какой патрон осуществлялось проектирование пулемета, в заводских документах на этот счет нет прямых указаний. Но с учетом дат событий можно предположить, что его планировалось разработа-

тывать под 6,5-мм патрон уменьшенной мощности, спроектированный Н. М. Елизаровым по указаниям Федорова в 1936 г.

Заказ на 50 000 патронов нового чертежа был дан 27 ноября 1936 г. заводу № 17 в Подольске, причем часть пуль должна была быть изготовлена с поперечной нагрузкой в 20 г на см² весом 6,98 г при длине пули в 27,6 мм на случай, если пули первого варианта с поперечной нагрузкой 18 г/см² указали бы на некоторые затруднения проектирования специальных пуль²⁰. В это же время продолжалось выяснение наивыгоднейшей марки пороха

Ил. 7. 6,5-мм опытный автомат-карабин конструкции ККБСВ Главвоенпрома 1936 г. Изображение из каталога «Энциклопедия ковровского оружия (1918–1966 гг.)». С. 39

для заводских испытаний 6,5-мм патронов к проектируемому карабину на давление, прочность гильз и начальную скорость. Предписанием ГУВП от 4 декабря 1936 г. ИНЗ № 2 должен был изготовить к 15 января 1937 г. две винтовки с новым чертежом патронника с крешерным прибором и три – без него²¹.

Определенным итогом работ по созданию нового стрелкового комплекса уменьшенного калибра и мощности следует считать декабрь 1936 г.: в этом месяце готовность деталей автомата-карабина на ИНЗ № 2 составила 70%²². Однако изготовление автомата-карабина в отчетном году не было завершено²³. В сведениях об остатках незавершенного производства и полуфабриката, оставленных на балансе как необходимых для выполнения программы 1937 г. по КСОВ на 1 января 1937 г., указаны общая себестоимость автомата-карабина (17 334,10 рублей) и перечень деталей, подлежащих доделке (всего 5 позиций)²⁴. Завершение работ над автоматом-карабином относится к 1937 г., когда он был собран²⁵. Однако сведения об испытании образца и его результатах пока не выявлены.

В начале 1938 г. все работы по созданию стрелкового комплекса под 6,5-мм патрон уменьшенного калибра и мощности по распоряжению ГАУ²⁶ были прекращены, а бюро консультантов ГВМУ, в котором работал В. Г. Федоров, ликвидировано. Причины этого явления документально не прослеживаются, но с учетом общего контекста событий в советской оружейной отрасли конца 1930-х гг. авторы предполагают, что такое решение могло быть следствием состоявшегося в этот период в СССР окончательного выбора направления развития индивидуального автоматического оружия. Постановлением Комитета Обороны от 17 апреля 1938 г. № 60сс была утверждена система стрелкового вооружения РККА на третью пятилетку, которая предусматривала разработку

самозарядной винтовки и самозарядного карабина под существующий 7,62-мм винтовочный патрон: «...несмотря на то, что он затруднял конструирование магазинов для автоматического оружия»²⁷. В рамках новой системы стрелкового вооружения РККА приказом НКО и НКОП СССР от 17 мая 1938 г. № 71с был объявлен конкурс на 7,62-мм самозарядную винтовку²⁸, что делало все прочие работы по созданию альтернативных вариантов индивидуального стрелкового оружия под нестандартные патроны не актуальными.

С учетом весьма передовой концепции оружия, в рамках которой разрабатывались 6,5-мм патрон и автомат-карабин под него, целесообразно дать оценку степени реализации в оружии положений тактико-технических требований Федорова 1936 года. Это позволит оценить глубину его предвидения в части формирования концепции индивидуального оружия следующего поколения и способности отечественной оружейной школы справиться с задачами высочайшего уровня сложности.

Ил. 8–16.
Внешний вид
и элементы
конструкции
опытного
6,5-мм
автомата-
карабина
конструкции
ККБСВ
Главвоенпрома
1936 г.
«Музей Победы»,
ЦМВОВ
ОФ-13634.

Анализ конструкции 6,5-мм автомата-карабина 1936 года, проведенный авторами, показал, что в компоновочном плане этот образец оружия является достаточно типичным для автоматических и самозарядных винтовок 1930-х гг. В компоновочном плане он состоит из двух основных агрегатов: ствола со ствольной коробкой и подвижной системой автоматики и спусковой коробки с УСМ и прикладом. Основные части оружия выполнены на металлорежущем оборудовании без применения производственных технологий. Ложа раздельная, состоит из деревянных цевья и приклада с полупистолетной рукояткой. Автоматика с отводом газов из канала ствола через отверстие в его боковой стенке в газовую камеру, расположенную над стволом. Газоотводный двигатель с длинным ходом поршня, в его конструкции имеется газорегулятор. Запирание канала ствола осуществляется качающимся рычагом в затворе при опускании его задней части вниз. Извлечение стреляных гильз осуществляется качающимся выбрасывателем в затворе, отражение гильз – жестким отражателем, расположенным на левой стенке ствольной коробки. Ударно-спусковой механизм куркового типа, переключение режимов функционирования осуществляется переводчиком-предохранителем²⁹, расположенным на правой стороне спусковой коробки перед спусковой скобой. Прицел секторный, разграфлен до 1500 м через 50 м. Дульный тормоз отсутствует. Штык клинковый отъемный, устанавливается на продольную шину под дульной частью ствола, на которую можно также установить легкую сошку. Карабин спроектирован под 6,5-мм патрон Елизарова-Федорова «нового чертежа» с диаметром дна гильзы 12 мм. Длина общая без штыка 1200 мм, длина ствола 615 мм, вес без магазина 4,89 кг.

Для проведения анализа главных элементов 6,5-мм стрелкового комплекса уменьшенного калибра и мощности 1936 года авторы выбрали табличный метод, при котором главные параметры элементов 6,5-мм стрелкового комплекса 1936 года сравниваются с параметрами аналогичных образцов оружия и патронов с целью их точной классификации. Некоторые технические характеристики патронов стрелкового оружия калибра 5,45–7,62 мм в сравнении с соответствующими характеристиками 6,5-мм патрона Елизарова-Федорова 1936 года приведены в Приложении 1. Таблица с главными конструктивными характеристиками 6,5-мм автомата-карабина 1936 года (по ТТТ

и фактическими) в сравнении с аналогичными характеристиками современных автоматов и штурмовых винтовок приведена в Приложении 2.

Анализ технических данных патронов, содержащихся в таблице Приложения 1, показывает, что 6,5-мм патрон Елизарова-Федорова 1936 года не относится ни к малоимпульсным, ни к промежуточным автоматным патронам в их современном понимании и по своим главным внешнебаллистическим свойствам не попадает ни в одну устоявшуюся к настоящему времени группу патронов индивидуального стрелкового оружия. По дульной энергии на стволе длиной 550 мм этот патрон практически точно соответствовал одному из самых слабых в мире винтовочных патронов – 6,5-мм японскому и должен был занимать нишу между винтовочными патронами полной мощности и патронами промежуточной мощности нормального калибра, при существенно большей начальной скорости пули, находящейся на уровне самых скоростных современных патронов малого калибра. Наиболее близкими современными аналогами 6,5-мм патрона Елизарова-Федорова 1936 года по калибру и главным баллистическим характеристикам являются американские патроны 6,8 x 43 Rem SPC (2002 г.), 6,5 x 39 «Grendel» (2003 г.). Несколько большая длина гильзы патрона Елизарова-Федорова в сравнении с длиной гильз его перечисленных аналогов объясняется более совершенными параметрами используемых в них современных порохов, позволяющих достичь нужных баллистических параметров при меньшем весе и объеме заряда.

Реализованное в 6,5-мм патроне Елизарова-Федорова высокое баллистическое решение было способно обеспечить превосходную настильность и меткость стрельбы одиночными выстрелами на всех реальных дистанциях боя пехоты будущей Второй мировой войны (до 600 м), с учетом достаточного для своего калибра веса пули и ее хороших поражающих свойств на этих дистанциях, но не позволило бы создать на его базе образец индивидуального автоматического оружия, способный вести эффективную стрельбу очередями на дальностях более 100–150 м. Концепцию 6,5-мм патрона уменьшенного калибра и мощности Елизарова-Федорова 1936 года можно признать удачной применительно к ручному автоматическому оружию, основным видом огня из которого является стрельба одиночными выстрелами.

Ил. 17. 6,5-мм патрон уменьшенной мощности Елизарова-Федорова 1936 года (в центре) в сравнении с 7,62-мм патроном обр. 1943 г. и 7,62-мм винтовочным патроном обр. 1908 г. Изображение внешнего вида патрона выполнено В. Сухнёвым по чертежу Н. М. Елизарова с правками от 28 апреля 1936 г.

Сравнение технических данных 6,5-мм автомата-карабина 1936 года (по ТТТ и параметрам сохранившегося в собрании ЦМВОВ образца) с аналогичными данными автоматов и штурмовых винтовок 1950–1970-х гг. под патроны уменьшенной мощности нормального и малого калибра (Приложение 2), показывает, что по своему типу, весу и габаритам этот образец оружия наиболее близок к американской 7,62-мм автоматической винтовке М14, а по внешне-баллистическим характеристикам – к советскому 5,45-мм автомату АК74 и американской 5,56-мм автоматической винтовке М16А1.

Анализ конструкции автомата-карабина в части соответствия тактико-техническим требованиям показывает, что

его конструктору не удалось выполнить их очень важные положения по весу (5 кг, по ТТТ не более 3,5 кг) и длине ствола (615 мм, по ТТТ 550 мм). Кроме того, автомат-карабин допускает зарядание только отъемными магазинами, зарядание вставляемой сверху ствольной коробки обоймой с патронами невозможно, поскольку этому препятствует связанный с подвижной системой шток газового поршня.

Обобщая результаты анализа технических данных 6,5-мм патрона Елизарова-Федорова и автомата-карабина 1936 года и рассматривая их с позиции современного знания о автоматическом стрелковом оружии, можно прийти к выводу о том, что в середине 1930-х гг. В. Г. Федоровым был задуман и реализован в металле авангардный стрелковый комплекс уменьшенного калибра и мощности, по своим потенциальным боевым

Ил. 18. 5,45-мм автомат Калашникова АК74. ВИМАИВиВС

Ил. 19. 5,56-мм автоматическая винтовка М16А1 (США). ВИМАИВиВС

характеристикам опережающий свое время на целых два поколения! Подобные свойства нового технического объекта во все времена вызывают трудности с пониманием современниками их перспектив. Но главная проблема данного стрелкового комплекса состояла в том, что высочайший уровень его замысла не соответствовал возможностям мировой оружейной техники 1930-х гг. Разработка легкого и надежно действующего автомата-карабина, обладающего сформулированными в ТТТ свойствами, представляла собой чрезвычайно трудно реализуемую задачу, которую в то время было невозможно решить без использования в патроне нового энергоемкого пороха, а в конструкции главных частей оружия – легких сплавов³⁰ или тонколистовой штамповки, а также без отработки существенно более совершенных общих компоновочных и частных конструктивных решений главных частей и механизмов оружия. Эту задачу удалось удовлетворительно решить в СССР и в других развитых в оружейно-техническом плане странах мира только к концу 1950-х гг. Автомат-карабин 1936 года появился слишком рано, чтобы стать успешным образцом военного автоматического оружия.

Завершение работ по созданию 6,5-мм стрелкового комплекса 1936 года знаменовало окончание второй попытки В. Г. Федорова ввести на вооружение армии совершенные в баллистическом отношении образцы оружия и патрон уменьшенного калибра, но не заставило его отказаться от своих планов. Вновь к этому главному делу своей жизни он вернется в 1943 г., на следующей витке развития оружейной техники. При этом его помощник в деле проектирования 6,5-мм патрона уменьшенного калибра и мощности 1936 года Н. М. Елизаров в 1943 г. возглавит коллектив конструкторов ОКБ-44, разработавший 7,62-мм патрон промежуточной мощности, который в 1949 г. будет принят на вооружение Советской армии вместе с автоматом Калашникова АК-47, самозарядным карабином Симонова СКС-45 и ручным пулеметом Дегтярева РПД-44.

¹ Речь в данном случае идет речь о патроне промежуточной мощности, изначально спроектированном в данном качестве, а не об использовании винтовочного патрона малой мощности, по своим параметрам близкого к промежуточным патронам. Такой слабый винтовочный патрон (6,5-мм японский винтовочный) использовался в автомате Федорова и при стрельбе из его короткого ствола обладал параметрами внешней баллистики, близкими к 7,62-мм промежуточному патрону обр. 1943 года, но по факту к такой разновидности патронов не относился.

² Федоров В. Г. Оружейное дело на грани двух эпох: (Работы оружейника 1900–1935 гг.). Часть III. Оружейное дело после Октябрьской революции. М.: Издание Артиллерийской ордена Ленина академии РККА им. Дзержинского, 1939. С. 161.

³ АВИМАИВиВС. Ф. 45Р. Оп. 1. Д. 82. Л. 1.

⁴ Указание в этой части текста доклада В. Г. Федорова об «обилии пулеметов» содержится в другом документе за его авторством. АВИМАИВиВС. Ф. 45Р. Оп. 1. Д. 103. Л. 2.

⁵ АВИМАИВиВС. Ф. 45Р. Оп. 1. Д. 83. Л. 4.

⁶ ГАВО. Ф. Р-575. Оп. 1. Д. 539. Л. 23–23а.

⁷ Длина ствола принималась Федоровым как средняя между длиной ствола карабина и укороченной винтовки. АВИМАИВиВС. Ф. 45Р. Оп. 1. Д. 83. Л. 4.

⁸ С 1930 по 1935 г. работал в Научно-техническом комитете ГАУ, в 1935 г. уволен в запас и направлен на работу в промышленность // Болотин Д. Н. История советского стрелкового оружия и патронов. СПб.: Полигон, 1995. С. 230.

⁹ Приведенная формула расшифровывается следующим образом: 6,5 – калибр в миллиметрах, 3500 – максимальное давление пороховых газов в канале ствола в кг/см², 18 – поперечная нагрузка пули в г/см².

¹⁰ АВИМАИВиВС. Ф. 45Р. Оп. 1. Д. 82. Л. 2.

¹¹ Создано из реорганизованного бюро новых конструкций приказом по Главному управлению военной промышленности НКТП № 2 от 20 января 1936 г. ГАВО. Р-575. Оп. 1. Д. 498. Л. 1.

- ¹² ГАВО. Ф. Р-575. Оп. 1. Д. 539. Л. 22.
- ¹³ АВИМАИВиВС. Ф. 45Р. Оп. 3. Д. 103. Л. 4.
- ¹⁴ ГАВО. Ф. Р-575. Оп. 1. Д. 539. Л. 178.
- ¹⁵ Установить конструктора автомата-карабина не удалось, в заводской отчетной документации фамилия этого человека не указана.
- ¹⁶ ГАВО. Ф. Р-575. Оп. 1. Д. 563. Л. 40.
- ¹⁷ Там же. Л. 49.
- ¹⁸ Там же. Л. 52.
- ¹⁹ Общее количество изготовленных автоматов-карабинов авторами настоящей статьи пока не выяснено, но на частях подвижной системы сохранившегося в ЦМВОВ образца нанесена цифра «4», которая в подобных случаях обозначает порядковый номер образца в ряду ему подобных. Таким образом, нельзя исключать того, что таких образцов было изготовлено более изначально запланированных двух штук.
- ²⁰ АВИМАИВиВС. Ф. 45Р. Оп. 1. Д. 103. Л. 7.
- ²¹ ГАВО. Ф. Р-575. Оп. 1. Д. 563. Л. 158.
- ²² Там же. Л. 66.
- ²³ Там же. Д. 595. Л. 33.
- ²⁴ Там же. Л. 45 об.
- ²⁵ В настоящий момент автомат-карабин находится в собрании ФГБУК «Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» («Музей Победы», Москва). Образец поступил в музей из ЦКБ-2 (КБ «Арматура»), номер по КП (ГИК): ЦМВОВ ОФ-13634; инвентарный номер: СО-950.
- ²⁶ АВИМАИВиВС. Ф. 45Р. Оп. 4. Д. 39. Л. 3.
- ²⁷ Там же. Ф. 37Р. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.
- ²⁸ РГВА. Ф. 20. Оп. 38. Д. 1460. Л. 159.
- ²⁹ При изучении автомата-карабина авторам не удалось достоверно установить, имеется ли в его УСМ режим стрельбы очередями, поскольку данный механизм оружия не функционирует. Однако при внешнем осмотре органа управления УСМ (флажка переводчика-предохранителя) видно, что он может занимать два положения, что предполагает наличие в УСМ только одного режима стрельбы, очевидно, одиночными выстрелами. Если это предположение верно, то данный образец оружия следует считать не автоматом-карабином, как он назывался в заводской документации, а самозарядным карабином. Однако в данном случае авторы сочли необходимым оставить в статье то его название, под которым он проходит в заводской документации.
- ³⁰ В автомате-карабине 1936 г. имеется деталь, изготовленная из легкого алюминиевого сплава – кожух газоотводного двигателя. Но это вспомогательная деталь, не несущая существенной нагрузки, и ее исполнение из легкого сплава не влияет на полноту соответствия образца предъявляемым к нему ТТТ.

Приложение 1

Некоторые технические характеристики патронов стрелкового оружия калибра 5,45-7,62 мм в сравнении с соответствующими характеристиками 6,5-мм патрона Елизарова-Федорова 1936 года

Параметр патрона	6,5×48 Елизаров-Федоров СССР 1936 г.	7,62×53R обр. 1908 г СССР 1930 г.	7,62×51 НАТО обр. 1943 г СССР 1949 г.	7,62×39 обр. 1943 г СССР 1949 г.	5,45×39 7Н6 СССР 1974 г.	5,56×45 М193 США 1959 г.	5,8×42 DWP10 Китай 1987 г.	6,02×41 Россия 2023 г.	6,5×39 Grendel США 2003 г.	6,5×48 Creedmoor США 2007 г.	6,5×50 Арисака Япония 1897 г.	6,7×51 Алау Россия 2012 г.	6,8×43 RemSFC США 2002 г.
Калибр, мм	6,5	7,62	7,62	7,62	5,6	5,6	6,8	6	6,5	6,5	6,5	6,7	6,8
Вес пули, г	6,27	9,6	9,33	7,9	3,43	4	4,6	6,7	5,8	7,7	9	8,9	7,5
Начальная скорость пули, м/с	925	820	838	715	900	995	915	800	880	920	770	858	846
Дульная энергия, Дж	2682	3960	3275	2019	1377	1889	1926	2144	2441	3290	2668	3276	2667
Длина патрона, мм	67,8	77	69,9	55,5	57	57,4	58	61	57,5	71,8	75,7	71	57,4
Длина гильзы, мм	48	53,5	51,2	38,5	39,8	44,7	42,2	40,8	38,7	48,8	50,4	51,2	42,8
Диаметр дна гильзы, мм	12	14,4	11,9	11,35	10	9,58	10,4	10,8	11,2	11,9	11,8	12	10,7
Δ E0, %	0	+48	+22	-25	-49	-30	-28	-20	-9	+23	-0,5	+22	+6

Приложение 2

Главные конструктивные характеристики 6,5-мм автомата-карабина 1936 года (по ТТТ) в сравнении с аналогичными характеристиками современных автоматов и штурмовых винтовок

Конструктивные характеристики автомата-карабина 1936 года по ТТТ	Характеристики А-К 1936 г. (факт)	Характеристики современных автоматов и штурмовых винтовок			
		7,62-мм автомат АКМ СССР 1959 г.	7,62-мм АВ М14 США 1957 г.	5,56-мм АВ М16А1 США 1958 г.	5,45-мм автомат АК74 СССР 1974 г.
Вес без патронов не более 3,5 кг	4,89 кг без магазина	3,3 кг	5,1 кг	3,1 кг	3,5 кг
Заряжание из обоймы и вставными магазинами	-/+	-/+	+	-/+	-/+
Отъемные магазины на 10 и 25 патронов	+ магазин на 25 патр.	+ магазин на 30 патр.	+ магазин на 20 патр.	+ магазин на 20 патр.	+ магазин на 30 патр.
Боевая скорострельность: - при одиночном огне и зарядании из обоймы 25 выст./мин. - при зарядании вставными магазинами на 25 патронов до 60 выст./мин.	- ? ?	- 100	? 40-50	- 45-60	- 100
Темп стрельбы 600 выст./мин.	?	600	700-750	700-900	650
Начальная скорость пули не менее 900 м/с	925	715	850	990	910
Длина ствола 550 мм	615	415	559	508	415
Длина общая (ТТТ не устанавливалась)	1200	880	1120	1006	940
Наличие дульного тормоза	-	-	-	-	+
Прицел до 1500 м	1500	1000	800	450	1000
Ложа из двух частей со ствольной накладкой	+	+	-	+	+
Штык отъемный	+	+	+	+	+

II

КОЛЛЕКЦИИ

Н. И. Белогубцева

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА 1914–1918. ПЕРСИДСКИЙ УЧАСТОК КАВКАЗСКОГО ФРОНТА В ФОТОГРАФИЯХ ТРОФЕЙНОЙ КОМИССИИ

Первая мировая война 1914–1918 гг. в последние три десятилетия стала предметом пристального изучения российских историков. Архивные документы, мемуары, монографии, зарубежные публикации на эту тему составляют солидный массив литературы. Немаловажную роль среди исторических документов играют фотографии: репортажные, постановочные, любительские. «В период войны фотография оказалась востребованной и как сугубо техническое средство для сохранения и передачи информации»¹.

В 1915 г. был сформирован Военно-художественный отряд при Трофейной комиссии². Отряд состоял из студентов батального класса Академии художеств под руководством Н. С. Самокиша, а возглавляли его в разное время полковник В. К. Шенк и капитан М. В. Колобов. Снимки сделаны фотографами Альбертом Эглитом, А. А. Штюмером и другими³. В июне 1916 г. была образована «Комиссия для сбора, переписи и хранения трофеев настоящей войны и увековечения ее в памяти потомства», которая располагалась по адресу: Петроград, Фонтанка, 90. Через год (июнь 1917 г.) обе комиссии были объединены в одну, получившую название «Комиссия для сбора, переписи и хранения трофеев настоящей войны и увековечения ее в памяти народа». Комиссии организовали несколько экспедиций на фронты Первой мировой войны в течение 1915–1917 гг. Ими были сфотографированы и зарисованы группы солдат и офицеров, Георгиевские кавалеры, позиции русских войск, трофеи, пленные, захоронения, прифронтовые города и поселки, разрушения, лазареты и т. д. Фотографы

еще только начинали делать снимки объектов в движении, поэтому почти нет фотографий боевых действий.

Для России в течение всей войны главными оставались Северо-Западный и Юго-Западный фронты, Кавказская армия противостояла Турции. На персидском участке фронта к концу 1914 г. возникла сложная ситуация.

В период проведения Сарыкамышской операции Ф. Г. Чернотубов получил приказ от командующего Кавказской армией генерала Мышлаевского⁴ отходить к селению Джульфа. Сам Мышлаевский бросил войска и уехал в Тифлис. Федор Григорьевич пытался получить отмену этого приказа, но ответа не получил. Без боя были оставлены города Урмия, Тавриз и Хой.

В январе 1915 г. Н. Н. Юденич⁵ был назначен командующим Кавказской армией. Он провел перестановки среди командного состава. Вновь назначенный командующий в корне изменил положение, сложившееся в управлении вверенной ему армии. Были налажены связь, снабжение обмундированием и вооружением; строились новые военные объекты, которые позволили быстро доставлять войска и все необходимое для ведения боевых действий. Фотографии, сделанные Военно-художественным отрядом, запечатлели эти изменения в Шариф-Хане (Шареф-Хане) – станции Тавризской железной дороги, которая одновременно была пристанью на северном берегу Урмийского озера: «Глинобитные постройки и юрты, в которых размещались этапные⁶ части Русской армии»⁷ (ил. 1), «Катер Урмийско-Ванской флотилии⁸ у военной пристани»⁹ (ил. 2), «Военный госпиталь и канцелярия этапного коменданта»¹⁰ (ил. 3), «Военная пристань на озере Урмия»¹¹ (ил. 4).

Военные действия на Кавказском фронте значительно уступали по масштабам и потерям Западным фронтам. Однако на начальном этапе войны побед над германскими и австро-венгерскими войсками не было. Успешные операции русских войск: Сарыкамышская, Эрзерумская, Трапезундская, Эрзинджанская – усилили позиции России и других стран Антанты против Германии и ее союзников.

Победы русской армии на Кавказском фронте Первой мировой оказались забыты в массовом сознании, как и организаторы этих побед. Только военные историки пишут о них в своих монографиях, которые выходят небольшими тиражами.

Ил. 1. Первая мировая война. Кавказский фронт. Шариф-Хане. Глинобитные постройки и юрты, в которых размещались этапные части Русской армии. 1916 г. ВИМАИВиВС

Ил. 2. Первая мировая война. Кавказский фронт. Шариф-Хане. Катер Урмийско-Ванской флотилии у военной пристани. 1916 г. ВИМАИВиВС

Ил. 3. Первая мировая война. Кавказский фронт. Виды Шареф-Хане. Военный госпиталь и канцелярия этапного коменданта. 1916 г. ВИМАИВиВС

Ил. 4. Первая мировая война. Кавказский фронт. Шареф-Хане. Военная пристань на озере Урмия. 1916 г. ВИМАИВиВС

Ил. 5. Первая мировая война. Кавказский фронт. Генерал-лейтенант Чернозубов Федор Григорьевич (1863–1919). 1916 г. ВИМАИВиВС

К этим победам можно отнести действия Азербайджанского отряда генерала Чернозубова¹² (ил. 5) в январе 1915 г. в районе озера Урмия на территории Персии. Ф. Г. Чернозубов в январе получил задачу от нового командующего Кавказским фронтом Н. Н. Юденича восстановить положение в Северо-Западной Персии и прочно укрепить левый фланг Кавказской армии. Азербайджанский отряд в результате контрнаступления 17 января 1915 г. занял Тавриз, 21 февраля – Дильман. «Большая удача пришлось на долю ударного отряда генерала Чернозубова, имевшего прекрасную боевую репутацию. Имея 40 казачьих сотен, 8 дружин ополчения

и 20 артиллерийских орудий, Чернозубов сумел продвинуться на Ван-Азербайджанском направлении вглубь турецкой территории на 40 километров и занять подвижную оборону в горах, в полосе 400 км»¹³.

В октябре 1915 г. был образован Кавказский фронт (главнокомандующий великий князь Николай Николаевич).

Военные действия в этом районе в 1915–1916 гг. привели к укреплению границы и усилению позиций Русской армии на персидском участке Кавказского фронта. Участник Первой мировой войны на этом фронте историк Н. Г. Корсун¹⁴ писал: «<...>благодаря проявленной русскими активности на Персидском театре, план германо-турецкого командования о создании для России крупных военных затруднений на среднеазиатском театре потерпел неудачу»¹⁵.

В начале XX века у России сложились значительные экономические связи с Персией. К 1914 г. северная Персия находилась в зоне влияния России, южная – в зоне влияния Британии.

Ил. 6. Первая мировая война. Кавказский фронт. Урмия. Городская улица. 1916 г. ВИМАИВиВС

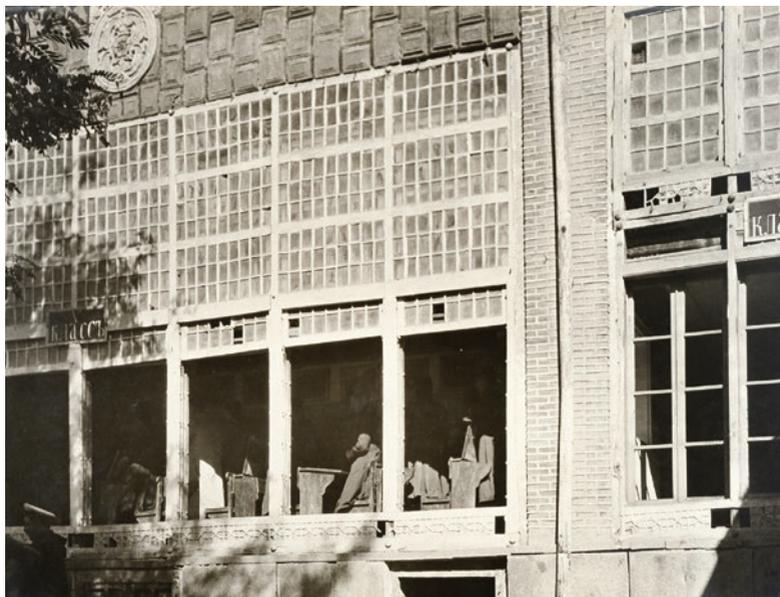

Ил. 7. Первая мировая война. Кавказский фронт. Персидская Джульфа. Здания на главной улице. 1916 г. ВИМАИВиВС

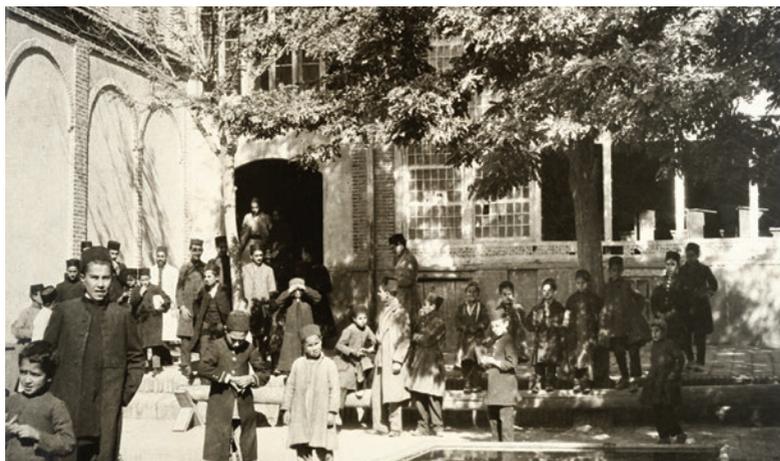

Ил. 8. Первая мировая война. Кавказский фронт. Город Тавриз. Главные ворота на двор казарм Персидской казачьей бригады. 1916 г. ВИМАИВиВС

«С сентября 1916 г. – март 1917 г. [Трофейной] комиссией были предприняты три поездки в действующую армию: первая на Кавказский фронт и в Персию (по маршруту Тифлис, Тебриз, Урмийский район, Батум, вновь занятое Черноморское побережье Турции и Трапезунд и обратно)»¹⁶. Фотографии были выполнены, когда активные военные действия в той части Персии, которая была занята русскими частями, уже закончились, и эти места стали прифронтовой зоной. Объектив фотографа запечатлел виды городов: «Урмия. Городская улица»¹⁷ (ил. 6), «Персидская Джульфа. Здания на главной улице»¹⁸ (ил. 7). Некоторые из представленных фотографий свидетельствуют о давних и прочных связях, существовавших между Россией и Персией к началу Первой мировой войны: «Город Тавриз»¹⁹. Главные ворота на двор казарм Персидской казачьей бригады»²⁰ (ил. 8); «Русская школа для персидских мальчиков»²¹ (ил. 9–10). Выбор точки съемки, расположение фигур и освещенность на фотографиях Трофейной комиссии говорят

Ил. 9. Первая мировая война. Тавриз. Пятый и шестой классы Русской школы. 1916 г. ВИМАИВиВС

Ил. 10. Первая мировая война. Тавриз. Дети персов, обучающиеся в Русской школе. 1916 г. ВИМАИВиВС

о профессионализме фотографа, возможно, имевшего художественное образование.

Снимки носят репортажный характер: фиксируют обстановку, передают настроение деловитости и сосредоточенности на лицах людей. Русские фотографы, начиная с XIX в., сопровождали как войска, так и мирные экспедиции разного назначения. Русские мастера фотоизображений всегда много внимания уделяли этнографическим типам, природе, памятникам архитектуры и старинным развалинам, строениям и многому другому, с чем они сталкивались на своем пути.

В архиве ВИМАИВиВС сохранилось дело: «Описи фотоснимкам и зарисовкам, произведенным на фронтах войны 1914–1918 гг.»²² В дело вшита копия списка, озаглавленная: «Фотографии, исполненные Высочайше утвержденной Комиссией для сбора, переписи и хранения Трофеев настоящей войны и увековечивания ее в памяти потомства», который был выполнен полковником Шенком²³ 8 января 1917 г. На полях списка карандашом сделана приписка «16 г.», уточняющая год съемки. Многие фотографии из списка хранятся сейчас в музее, как и снимки, которые по каким-то причинам Шенком не были указаны. Фотографии наклеены на паспарту и подписаны черной тушью.

Запечатленные городские пейзажи в прифронтовой зоне, постройки военного назначения, пленные турки, военные чины и гражданское население немало говорят об эпохе, делая ее зримой для следующих поколений.

¹ Литвин А. Фотография в годы Великой войны 1914–1918. Из истории российского военного репортажа // Великая война 1914–1918. Кинофотохроники. СПб., 2014. Т. I. С. 25.

² Комиссия по описанию боевых трофеев русского воинства и старых знамен была создана 5 марта 1911 г. при Военно-походной Его Императорского Величества канцелярии.

³ Подробнее о работе трофейных комиссий см.: Васильев А. А. Деятельность русских трофейных комиссий в период Первой мировой войны 1914–1918 годов (по материалам Российского государственного военно-исторического архива) // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998; Воскресенская И. А. К вопросу о карточном архиве Трофейной комиссии // Сборник исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Вып. VIII. СПб., 2006; Лазарев С. А. Герои Великой войны. Известные и неизвестные. СПб., 2007; Ильина Т. Н. 1) Материалы Трофейной комиссии в собрании ВИМАИВиВС // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды

Пятой Международной научно-практической конференции. СПб., 2014; 2) Герои Великой войны. 1914–1918. СПб., 1914.

⁴ Мышлаевский Александр Захарович (12.03.1856–1920) – генерал от инфантерии. В службу вступил 01.09.1874 г. Окончил 2-е военное Константиновское и Михайловское артиллерийского училища (1877). Выпущен прапорщиком (1877) в 15-ю артиллерийскую бригаду. Окончил Николаевскую академию Генерального Штаба. Офицер для особых поручений при штабе 13-го армейского корпуса (08.11.1884–16.01.1888). Штаб-офицер при управлении начальника 18-й местной бригады (1888). Штаб-офицер для поручений при штабе Киевского ВО (1888). Ст. адъютант штаба Киевского ВО (30.07–17.11.1888). Ст. адъютант штаба Московского ВО (1888–1891). Мл. делопроизводитель канцелярии Военно-ученого комитета Гл. штаба (1891–1897). Ст. делопроизводитель канцелярии военно-ученого комитета Гл. штаба (1897–1899). Одновременно служил в Николаевской академии Генштаба. Экстраординарный (1898), ординарный (1898–1905), заслуженный профессор Николаевской академии Генштаба (1905). Начальник военно-ученого архива Гл. штаба (1899–1903). Состоял в числе двух генералов при Гл. штабе (1903–1904). Начальник 1-го отделения управления дежурного генерала Гл. штаба (1904–1905). Дежурный генерал Гл. штаба (1905–1908). Начальник Гл. штаба (1908–1909). Начальник ГУГШ (14.03.–19.09.1909). Командир 2-го Кавказского арм. корпуса (1909–1913). С 24.12.1913 г. помощник по военной части наместника на Кавказе. С 30.08.1914 г. помощник командующего Кавказской армией. Фактически в руках М. сосредоточилось все оперативное руководство русскими вооруженными силами на Кавказе. 11.12.1914 г. Мышлаевский и генерал Н. Н. Юденич прибыли в действующую армию, и Мышлаевский принял командование над русскими войсками. С 31.03.1915 г. в отставке за болезнью с мундиром и пенсией. 23.07.1915 г. вновь определен на службу из отставки тем же чином с назначением в распоряжение военного министра. С 25.11.1915 г. одновременно председатель Комитета по делам металлургической промышленности Особого совещания по обороне государства. После Февральской революции 05.03.1917 г. назначен товарищем председателя комиссии по улучшению быта военных чинов. URL: <https://gia1914.info/index.php> (дата обращения: 18.04.2024).

⁵ Юденич Николай Николаевич (18.07.1862 – 05.10.1933) – генерал от инфантерии. Образование получил в Московском земледельческом училище (1879). В службу вступил 06.08.1879 г. Окончил 3-е военное Александровское училище (1881); Николаевскую академию генерального штаба по 1-му разряду (1887). Командир 18-го стрелкового полка (16.07.1902–19.06.1905), с которым принял участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг. За боевые отличия награжден золотым оружием. С началом Первой мировой войны – на Кавказе. 02.10.1914 г. назначен начальником штаба Кавказской армии (Главнокомандующий – генерал Воронцов-Дашков И. И.). Под руководством Юденича русские войска 09.12 – 25.12.1914 разбили турецкую армию, стремившуюся к окружению главных сил русских. За эти действия награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. (ВП 13.01.1915). Генерал от инфантерии (ст. 24.01.1915). 24.01.1915 г. назначен командующим Кавказской армией (при главнокомандующем Воронцове-Дашкове). За действия армии в ходе Алашкертской операции (1915) награжден орденом Св. Георгия 3-й ст. За взятие Эрзерума получил орден Св. Георгия 2-й ст. (15.02.1916). 03.04.1917 г. назначен главнокомандующим Кавказского фронта (образованного на базе отд. Кавказской армии). Несмотря на требования Временного правительства, отказался возобновить наступление. 31.05.1917 г. отстранен

от командования. 10.06.1919 г. назначен Колчаком главнокомандующим войсками на Северо-Западе. В конце октября 1919 г. советские войска перешли в наступление, и в конце ноября Юденич был вынужден отступить с армией в Эстонию, где она была разоружена. В эмиграции активной роли не играл. Умер в Каннах (Франция). URL: <https://gia1914.info/index.php> (дата обращения: 26.03.2024).

⁶ Пункт для ночлега, отдыха и питания, для перебойного обеспечения передвигающихся восковых частей во время проведения военных действий.

⁷ ВИМАИВиВС ФФ 7_433-80.

⁸ 31.01.1916 г. приказом 01 начальника штаба Верховного главнокомандующего на Кавказском фронте сформирована Урмийско-Ванская флотилия. Главное назначение флотилии на Урмийском озере – подвоз фуража и провианта частям русской армии, двигавшейся в Персию. В короткий срок были построены пристань, мастерские, склады, жилье и служебные помещения в землянках и войлочных юртах.

⁹ ВИМАИВиВС ФФ 7_437-4.

¹⁰ ВИМАИВиВС ФФ 7_437-5.

¹¹ ВИМАИВиВС ФФ 7_477-8.

¹² Чернозубов Федор Григорьевич (14 сент. 1863 – 14 ноября 1919) – генерал-лейтенант. В 1883 г. закончил Пажеский корпус, в 1889 г. – Николаевскую академию Генерального штаба. В 1910 г. возглавил Азербайджанский отряд на персидско-русской границе. 20.02.1915 г. за отличие произведен в генерал-лейтенанты, 1 апреля 1915 г. назначен начальником 4-й Кавказской казачьей дивизии, 4 июля 1916 г. – командир 2-го Кавказского кавалерийского корпуса.

¹³ Шишов А. В. Юденич. М., 2004. С. 209.

¹⁴ Корсун Николай Георгиевич (27.12.1876 – 01.12.1958) – генерал-лейтенант, доктор военных наук. Образование: Михайловский Воронежский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1897). В службу вступил 01.09.1895 г. Окончил Николаевскую академию Генерального Штаба по 1-му разряду (1905). Делопроизводитель Главного управления Генерального штаба (05.12.1914 – 04.1915). Полковник (1914). Штаб-офицер для делопроизводства и поручений управления генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем (02.05.1915 – 08.11.1916). Командир 1-го Кизляро-Гребенского полка Терского казачьего войска (с 08.11.1916 г. на Кавказском фронте). С 08.1917 г. исполняющий обязанности на время войны помощника дежурного генерала Главного управления Генерального Штаба. Делопроизводитель и обер-квартирмейстер Главного управления Генерального Штаба (14.02.1918). Генерал-майор (пр. 1917). Добровольно вступил в РККА. Начальник отделения оперативного отдела штаба 2-й армии на Восточном фронте. Начальник отчетного отдела Организации управления Всероссийского Главного штаба и сотрудник-составитель Военно-Исторической комиссии. С 01.09.1922 г. помощник начальника статистического отдела Управления делами Революционного военного совета. В 1922–1954 гг. преподаватель Военной академии РККА и Военной академии им. М. В. Фрунзе. Комбриг (1935). Профессор (1938). Комдив (1939). Начальник кафедры военного искусства Военной академии имени М. В. Фрунзе. С 1954 г. в отставке. Автор многочисленных военно-исторических исследований по ходу мировой войны (на Кавказском театре). URL: <https://gia1914.info/index.php> (дата обращения: 26.03.2024).

¹⁵ Корсун Н. Г. Кавказский фронт Первой мировой войны. М., 2004. С. 399.

¹⁶ Васильев А. А. Деятельность русских трофейных комиссий в период Первой мировой войны 1914–1918 годы // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998.

¹⁷ ВИМАИВиВС. ФФ 7_437-41.

¹⁸ ВИМАИВиВС. ФФ 7_437-77.

¹⁹ «Город Тавриз считается главным торговым центром не только в Северной Персии, а в политическом отношении имеет значение не меньше, чем Тегеран. <...> Вследствие этого Тавриз называется многими второй столицей Персии». Гурьев Б. М. Поездка в Тавриз // Исторический вестник. СПб., 1912. № 6. С. 972.

²⁰ ВИМАИВиВС. ФФ 7_437-57. «В 1879 г. русское влияние в Тегеране значительно возросло в результате создания Персидской казачьей бригады под командованием русских офицеров. Бригада, будучи единственным персидским воинским соединением <...>, являлась важной военной опорой шахского режима». (История дипломатии. М., 1963. Т. 2. С. 205.) Русские офицеры стояли во главе Персидской казачьей бригады. Она размещалась в Тегеране и Тавризе – втором по величине городе Персии.

²¹ ВИМАИВиВС. ФФ 7_437-87, 88.

²² АВМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/14. Д. 1. Л. 43.

²³ Шенк Владимир Константинович (21.10.1869 – 23.01.1947) – полковник. Образование: Александровский кадетский корпус (1887). В службу вступил 01.09.1887 г. Окончил 1-е военное Павловское училище (1888). Выпущен подпоручиком в 145-й пех. Новочеркасский полк. Окончил Николаевскую академию Ген. штаба (по 1-му разряду). Полковник (1908). Помощник делопроизводителя Военно-походной канцелярии Его Величества. Делопроизводитель Военно-походной канцелярии Его Величества (1908). С 1912 г. был председателем состоявшейся при канцелярии Комиссии по описанию боевых трофеев русского воинства и старых русских знамен. В 1920–1930-х гг. жил в Таллине. В 1939 г. уехал в Германию. В 1945 г. арестован и вывезен в СССР.

Н. А. Вревская

ФОТОГРАФИИ БАРОНА ИППОЛИТА БОРИСОВИЧА ВРЕВСКОГО В СОБРАНИИ ВИМАИВ_иВС

Род баронов Вревских происходит от внебрачных детей князя Александра Борисовича Куракина и Акулины Дмитриевны Самойловой. Борису, Степану и Марии дипломом от 9 марта 1806 г. австрийским императором Францем I

Ил. 1. Вид гостиной имения Голубово с портретами баронов Вревских. Семейный архив

было пожаловано «баронское Австрийской Империи достоинство»¹. Указом от 21 апреля 1808 г. правом пользоваться титулом было дозволено и в Российской империи. Аналогичными указами впоследствии баронское достоинство распространялось и на следующие поколения Вревских.

У Бориса Александровича, внука А. Б. Куракина, и Евпраксии Николаевны Вульф (Зизи, подруга А. С. Пушкина) было 13 детей. Среди них известен Александр Борисович (генерал-губернатор Туркестана²) и Софья Борисовна (последняя владелица сельца Тригорского Опочецкого уезда Псковской губернии). Среди них также был и Ипполит.

«В Голубове, на стене гостиной висит фотография красивого и приятного человека в военном мундире. «Кто это?» – «Это наш дорогой Ипполит...» – с грустью в голосе говорит Софья Борисовна... такой талантливый, так пел... все его любили... жалели... рано умер... Ваш Боря [Борис Михайлович Вревский, внучатый племянник Ипполита. – *Н. В.*] на него похож»³.

О нем сохранилось мало сведений в семейном архиве⁴, даже нет фотографии. Среди некоторых отпечатков, запечатлевших гостиную в Голубове (ил. 1), видно две стены, увешанные портретами семьи. На правой стороне можно различить большой портрет А. Б. Вревского (ил. 2) и его детей, С. Б. Вревской и др. Одна из фотографий отдаленно напоминает снимок, который хранится в музее и о котором упоминает в своем дневнике Наталья Павловна Вревская.

Ипполита Борисовича судьба не баловала ни в личной жизни, ни в служебной деятельности. Он родился 3 сентября 1847 г. в сельце Голубове Островского уезда Псковской

Ил. 2. Генерального штаба генерал-лейтенант А. Б. Вревский, фотография из семейного архива. Увеличенный оттиск висел в гостиной в имении Голубово

Ил. 3. Юнкер барон И. Б. Вревский.
ВИМАИВВС

Ил. 4. Офицер барон И. Б. Вревский.
ВИМАИВВС

губернии. Крещен 7 сентября в храме Св. Николая Чудотворца Вревского погоста. Первые годы жизни остаются неизвестными. Возможно, как и у его братьев, сначала у него была домашняя подготовка.

На его службу частично проливают свет три фотографии, хранящиеся в фондах музея. Первая фотография запечатлела юнкера И. Б. Вревского в альбоме «Кондукторы (юнкера) Главного (Николаевского) инженерного училища. Фотографии и биографии, собранные бывшим дежурным офицером и ротным командиром А. И. Савельевым» (ил. 3), который поступил в Николаевское инженерное училище примерно в 1863 г., в возрасте 16 лет.

В музее есть два оттиска второй фотографии Ипполита: первый входит в упомянутый альбом (ил. 4), второй находится в Альбоме бывших воспитанников Николаевской Инженерной Академии и Училища. На обороте второго имеется запись о фотоателе: «Фотографія Наполеона Кюи и А. Вармунда.

Ил. 5. Поручик по Гвардейской пехоте И. Б. Вревский. ВИМАИВиВС

Ил. 6. Эскибрис музея лейб-гвардии Саперного батальона. ВИМАИВиВС

Невский против Надеждинской дом Виліе № 61». По адресу Невский пр., 61 мастерская существовала с 1863 по 1867 г.⁵ Из этого можно сделать вывод, что фотография относится к году окончания училища, т. е. 1866, или году позже – 1867. Барону Вревскому на ней 19–20 лет.

После окончания училища он выходит в полк⁶. На 18 ноября 1871 г. является подпоручиком 1-го Кавказского Саперного Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича Старшего батальона. 31 марта 1874 г. произведен в поручики. 25 сентября того же года зачислен в Николаевскую академию Генерального штаба, которую впоследствии окончил. 5 декабря 1875 г. прикомандирован к Главному Штабу для письменных занятий⁷. На 1 сентября 1876 г. поручик И. Б. Вревский так же прикомандирован к Главному Штабу для письменных занятий⁸. 7 февраля 1877 г. зачислен по Гвардейской пехоте⁹.

К этому периоду относится последняя фотография в двух экземплярах в собрании ВИМАИВиВС. Первая находится в фонде¹⁰, вторая – в инженерно-документальном (ил. 5, 6), из музея лейб-гвардии Саперного батальона.

На втором портрете имеется надпись: «Левицкий. Наб. Мойки 30. С. Петербург». По этому адресу фотоателье располагалось с 1866 по 1877 г.¹¹ Ипполит изображен в звании поручика, которое он имел с 1874 по 1877 г. За это время он получил орден Св. Станислава 3-й степени, также запечатленный на фотографии. Здесь барону Вревскому 27–30 лет.

Ипполит Борисович жил в Петербурге, во флигеле дома Анастасии Сергеевны Вревской¹² на Гагаринской наб., постоянно бывая в семье брата Александра Борисовича и его жены Анны Матвеевны¹³.

«Однажды генерал Н. Н. Обручев¹⁴ поручил ему написать по какому-то военному вопросу. Увы: Военный Министр не обратил должного внимания на его труд, и оскорбленный этим Ипполит жалуется на это в письме к брату»¹⁵. Служебная карьера не шла. Он вышел в отставку в звании подполковника гвардейской пехоты в период 1881–1883 гг.

«Ведет светский образ жизни, занимается пением. Бывает постоянно в опере. Влюбляется безнадежно в Сашеньку Гратус – сводившую всех с ума, – вышедшую за иностранца и уехавшую за границу (Голландию)... Ездит за границу с Анной Матвеевной и сестрой Соней. Морские купанья в Динаре, Париж, Швейцария, Киссинген... «Воды в Киссингене помогли ему, а Анна Матвеевна как мать заботилась о нем»¹⁶. Целью трехмесячного путешествия было поправить здоровье Ипполита. «По возвращению из-за границы он возвращается к службе, и «начальство очень им довольно», по словам Анны Матвеевны к Б. Ал. [Борису Александровичу, отцу – Н. В.]»

Он много работает. В дни отдыха охотится с племянниками в им. Сенковицы. Анна Матвеевна выписала из Англии охотничьих собак и поощряет этот спорт.

В эти годы завязывается роман с Анной Матвеевной. Он ездит к ней в ее им. Сенковицы, проводит там отпуск; сопровождает ее за границей, на Кавказ – в Пятигорск, где надо лечить племянника Матвея... Муж Анны Матвеевны служил в это время в Крыму (в Севастополе и Симферополе)...»¹⁷.

Напомним, что мужем Анны Матвеевны был старший брат Александр Борисович, приютивший Ипполита в своем доме и всячески покровительствующий ему. Уже после смерти Ипполита Александр становится туркестанским генерал-губернатором (1889–1898). За девять лет жена ни разу не приехала его навестить¹⁸.

«Роман был мучительный по сложности обстановки. Анна Матвеевна при всем уме и энергии не могла или не хотела изменить своего положения в Свете. Раздражительная нервозность Анны Матвеевны удручала И. Б. [Ипполита Борисовича – *Н. В.*]. Он ищет приюта в Голубове. Но и там нет покоя. А. М. [Анна Матвеевна – *Н. В.*] зовет его в Сенковицы. И мать ее, Анастасия Сергеевна, пишет, как у них «пусто без него и что они надеются видеть его у себя».

В 1883 г. умирает мать – Евпраксия Николаевна. «И. Б. [Ипполит Борисович – *Н. В.*] снова в Голубове; проводит целые дни на могиле матери, руководит сооружением склепа и памятника», – с удовлетворением отмечает Б. А. [Борис Александрович – *Н. В.*].»

В 1887 г., несмотря на весь уют голубовской жизни, любовь и внимание ее обитателей, И. Б. уезжает с решением покончить со столичной жизнью. Выходит из полка и уезжает в Тверскую губернию, в с. Нивы – старается заняться сельским хозяйством, но, увы, начинает пить. К тому же жесткий ревматизм овладевает им. Анна Матвеевна приехала навестить его уже больного. «Он отвернулся к стене и ни слова не сказал ей». 20 ноября 1887 г. отец зовет его приехать в Голубово, где за ним будет хороший уход. И. Б. предпочитает затворничество в Малинниках, где он продолжает умышленно пить. Через год, 22 августа 1888 г. брат Степан с женой посетили его и привезли доктора. Он очень им обрадовался, хотя едва говорил и был очень плох. Вызвали еще 2-х врачей. К 31 августу стало лучше. Приехала сестра Фимочка [Евфимия Борисовна Вревская (1838–1917) – *Н. В.*]. Выписали из Москвы, по желанию И. Б., д-ра Экка. Он советует прожить эту зиму в Москве. «Ипполит ходит по комнате с помощью 2-х женщин, ухаживающих за ним все время; крестьяне толпятся в доме, осведомляясь о здоровье их барина», – пишет отцу Фимочка.

Брат Александр Борисович собирается заехать к нему [видимо, братские узы оказались важнее истории с Анной Матвеевной – *Н. В.*]. Но неумолимый рок приводит его к могиле, ранней могиле. Он умер в Малинниках 11 декабря 1889 г. Ему было 42 года.

Так неудачно прошла жизнь... так грустно делается, глядя на молодое, прелестное лицо – полное открытости и одухотворенности»¹⁹. Похоронен барон Вревский на погосте Вревском.

К сожалению, не сложилась судьба не только у Ипполита. Его сестра Евфимия умерла после продолжительной болезни. Брат Алексей кончает жизнь самоубийством. Степан умер «от недогляду». Софья Борисовна чудом спаслась, ее вытащили из окна горящего дома в Тригорском в 1918 г. и отправили в Ригу. Там она умерла с «родословным молитвенником в руках»²⁰.

Чудом сохранившиеся крупницы семейной истории передаются из поколения в поколение. Времена, когда происхождение скрывалось, а десятирублевые имперские монеты прятались в смоле, сменились на время поисков и открытий потерянного прошлого в собраниях музеев, библиотек и архивов.

¹ Бароны Вревские. Материалы к истории рода и фамилии. Псков, 2005. С. 7.

² Кулинский А. Н. Туркестанские генерал-администраторы и их коллекции (середина XIX века – 1917 год) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции, 15–17 мая 2013 года. СПб., 2013. Ч. 2. С. 454–455.

³ Дневники Натальи Павловны Вревской. Семейный архив.

⁴ Наталья Павловна Вревская собрала большой архив фотографий, воспоминаний и архивных справок по роду Вревских. Позже такую же работу она провела в отношении архива Бестужевских курсов.

⁵ Кюи Наполеон Антонович // Стереоскоп. URL: <https://stereoscop.ru/photograph/kyui-napoleon-antonovich/> (Дата доступа: 31.08.2023).

⁶ Дневники Н. П. Вревской.

⁷ История Лейб-Гвардии Саперного батальона 1812–1876 с кратким обзором участия Лейб-гвардии Саперного батальона в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. СПб., 1879. С. 96.

⁸ Там же. Приложение 10. С. 25.

⁹ Там же. Приложение 5. С. 166.

¹⁰ ВИМАИВиВС ФФ 7-4799/12.

¹¹ Левицкий Сергей Львович // Руниверс. URL: <https://runivers.ru/gallery/photogallery/authors/author18942/> (Дата доступа: 31.08.2023).

¹² А. С. Вревская – дочь князя Щербатова. Первый брак был с Матвеем Евграфовичем Храповицким, второй – с генерал-лейтенантом Павлом Александровичем Вревским.

¹³ Анна Матвеевна Спасская – воспитанница М. Е. Храповицкого и Анны Сергеевны.

¹⁴ Николай Николаевич Обручев – товарищ Александра Борисовича Вревского, брата Ипполита, по Академии Ген. Штаба.

¹⁵ Дневники Н. П. Вревской.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Федоров Г. П. Моя служба в Туркестанском крае (1870–1910 года) // Исторический вестник. 1913. СXXXIV. С. 454.

¹⁹ Дневники Н. П. Вревской.

²⁰ Бароны Вревские... С. 28, 30.

Т. Н. Ильина, А. Н. Митяев

**ПУШКИ В. С. БАРАНОВСКОГО
ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ.
КАТАЛОГ КОЛЛЕКЦИИ. ЧАСТЬ III
(продолжение)***

**Глава 2. Полевые и горные 2,5-дм пушки конструкции
В. С. Барановского**

1. Испытание и модернизация пушек Барановского. 1878–1879 гг.

12 апреля 1877 г. в Кишиневе император Александр II объявил о начале Русско-турецкой войны, окончившейся заключением перемирия 3 марта 1878 г. Обстановка была тревожная, боевые действия могли вспыхнуть вновь. Эта кровавая война подтвердила актуальность создания современных легких и скорострельных горных и полевых орудий, скорейшего обеспечения ими войск. Подводя итоги предвоенных испытаний, комиссия констатировала: «Хотя проведенные у нас опыты над отдельными экземплярами 2,5-дм скорострельных орудий системы г-на Барановского и обнаружили их хорошие баллистические свойства, а также легкость, поворотливость системы, но орудия эти настолько отличаются от существующих систем орудий, как в нашей, так и всех

* Первая и вторая части и начало третьей части материала опубликованы: Ч. I, гл. 1 и 2; Ч. II, гл. 1 – в сборнике «Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Десятой Международной научно-практической конференции 12–14 мая 2021 г.». СПб.: ВИМАИВиВС, 2021. Ч. 2. С. 109–136; Ч. II, гл. 2 и 3 – в «Сборнике исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи». Выпуск XII. С. 39–82; Ч. III, гл. 1 – в сборнике «Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Одиннадцатой Международной научно-практической конференции 17–19 мая 2023 г.». СПб.: ВИМАИВиВС, 2023. Ч. 2. С. 102–124. Номера иллюстраций во всех статьях продолжаются по единой нумерации.

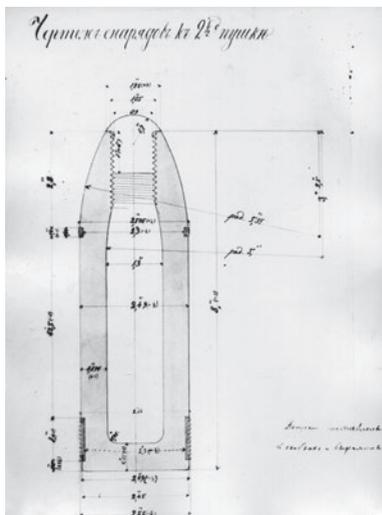
иностранных артиллерий, что для возможно более безошибочно-го решения вопроса о пользе введения орудий г-на Барановского в нашу полевую артиллерию, признано было необходимым испытать эти орудия на действительной службе, сформировав из имевшихся в готовности 2,5-дм орудий г-на Барановского одну опытную конную батарею 6-орудийного состава»¹.

К началу войны было изготовлено шесть полевых пушек Барановского. По высочайшему повелению от 24 сентября 1877 г. сформировали опытную конную батарею. Две пушки, из имевшихся шести, с лафетами и 540 снарядами на орудие (а по расчету должно быть по 1000 снарядов) отправили в конце 1877 г. в Действующую армию, изготовив для них лафеты, передки, снаряды, ударные трубки и прочее. Это были две полевые пушки из числа изготовленных в Карлсруэ. Из них составили конный взвод и ввели в состав 2-й батареи Гвардейской Конно-артиллерийской бригады. Из оставшихся четырех 2,5-дм орудий Барановского планировали сформировать батарею и направить в Юго-Западную армию. Два орудия на театре войны сделали поход до Сан-Стефано, не побывав ни разу в бою, так как ко времени их прибытия в Действующую армию уже было заключено перемирие.

Тем не менее, движение по дорогам войны выявило недостатки в материальной части. Артиллеристы докладывали, что «отпустить на службу материальную часть 2,5-дм конных скорострельных орудий г-на Барановского, в настоящем ее виде признается невозможным»². Работы над пушками Барановского продолжили.

26 марта 1878 г. Барановский предложил: «У меня есть одна 2,5-дм пушка дальнего боя моей системы. Ствол из английской стали, закаленной в масле с завода «Firth». Механизм покрыт никелем. Цена за орудие 2000 руб., за штатив с прицелом 160 руб., всего 2160 руб. Пушка подобна тем двум, которые были куплены правительством у меня в прошлом году»³.

На следующий день, 27 марта 1878 г., «заведующий ведением дела по скорострельным пушкам» подполковник Сигунов писал в ГАУ: «По формированию опытной конной батареи из шести имеющихся у нас 2,5-дм орудий Барановского на Волковом поле не останется ни одного полевого орудия этой системы. Одно орудие полезно было бы иметь на Волковом поле для точного определения давления пороховых газов (до сих пор сведения были приблизительными, т. к. определяли давление только

Ил. 86. Чертеж гранаты к 2,5-дм пушке Барановского. Надпись: «Копия для завода Нобеля. Допуски поставлены близ цифр размеров в скобках и выражены в точках. П-к Каминский». АВИМАИВиВС. Ф. 6р. Оп. 3. Акт 106. Д. 46. Л. 7

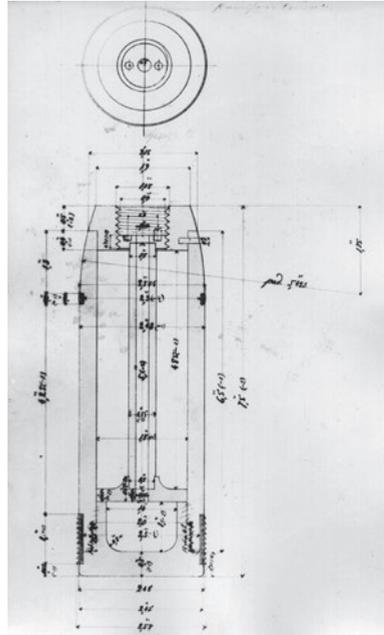
на 2,5-дм не нарезанной болванке) и для других опытов. Прошу ГАУ купить у Барановского за 2160 рублей пушку, изготовленную в Карлсруэ, а лафет можно взять из числа двух, изготовленных Обуховским заводом. Хорошо бы это орудие отдать в опытную батарею, а обуховские – на Волково поле, чтобы там было поровну: три, изготовленных в Карлсруэ, три – на Обуховском заводе»⁴.

Подполковник А. Н. Сигунов изучил пушки: «Первая 2,5-дм пушка, заказанная в Карлсруэ, была опытная, и на ней выработан образец настоящего 2,5-дм орудия. У первой пушки зарядная камера короче и шире настоящей, плотность заряда равна 1; снарядная камера тоже короче настоящей; нарезы вдвое глубже; ствол около

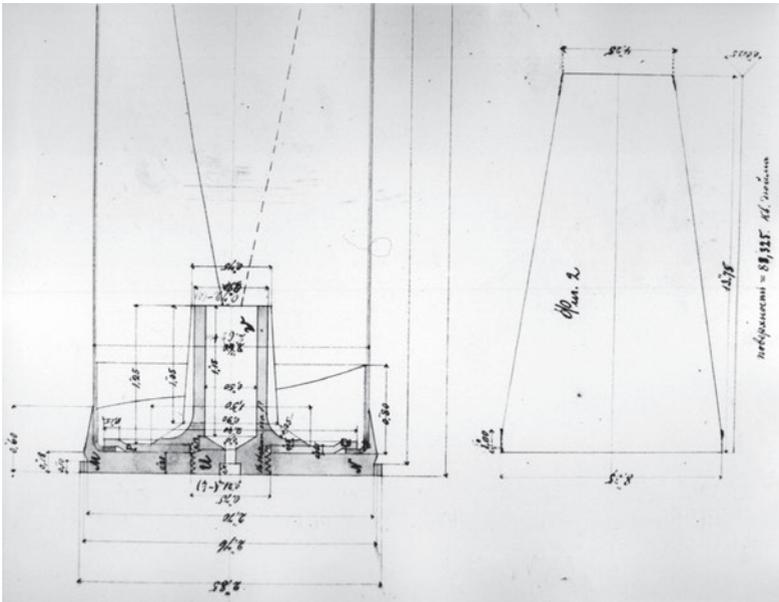
1,5 фута короче и механизм другого устройства». Пушка, предложенная 26 марта Барановским, совершенно одинакова с двумя из Карлсруэ, купленными в прошлом году и вошедшими в формируемую опытную конную батарею. Сигунов высказался за покупку предлагаемой Барановским пушки и отправку ее в опытную конную батарею, а на Волково поле отправить одну из пушек Обуховского завода. Так и сделали, пушку приняли на Волковом поле 12 апреля «в совершенно исправном виде»⁵.

Заведующий производством опытов на Волковом поле полковник Эрн Ф. К.⁶ 15 апреля 1878 г. рапортовал в ГАУ: «Доставленная заводчиком В. Барановским при накладной от 11 апреля с. г. одна стальная 2,5-дм скорострельная пушка **под № 11** с вполне собранным при ней запирающим механизмом, одним прицелом и одною прицельною зрительною трубою, на батарее Волкова поля принята на приход с означенными при ней предметами по книге

Ил. 87. Чертеж шрапнели к 2,5-дм пушке Барановского. Надпись: «Копия для завода Нобеля. Дно шрапнели составляет одно целое с ее телом. Капитан Беляев». «Допуски поставлены близ цифр размеров в скобках и выражены в точках. П-к Каминский». АВИМАИВиВС. Ф. бр. Оп. 3. Акт 106. Д. 46. Л. 7

Ил. 88. Чертеж крупным планом поддона жестяной гильзы к 2,5-дм пушке. Справа чертеж куска жести в форме трапеции. Из двух таких трапеций сворачивали цилиндр гильзы. АВИМАИВиВС. Ф. бр. Оп. 3. Акт 106. Д. 46. Л. 8

Ил. 89. Унитарный патрон с 2,5-дм чугунной двустенной гранатой. На корпусе гранаты два латунных пояска. Масса снаряженной гранаты 4,15 кг. Масса разрывного заряда 0,073 кг. Гильза конструкции С. К. Каминского. Состоит из двух кусков вылуженной жести в форме трапеций, свернутых в трубку. Масса гильзы ок. 0,41 кг. ВИМАИВиВС

дать стрелковым бригадам по одной батарее скорострельных 2,5-дм пушек системы господина Барановского. Чтобы иметь больше данных для безошибочного решения этого вопроса, предложили сформировать из уже заготовленной материальной части для опытной конной батареи один 4-орудийный дивизион, придав его на время лагерного сбора 1879 г. Учебной пешей батарее, придав эту батарею на время лагеря гвардейской стрелковой бригаде. Но для этого следует внести существенные переделки в 2,5-дм пушку Барановского, основываясь на результатах предшествующих испытаний и кампании 1877–1878 гг.

№ 2 имущества батареи. Пушка имеет при себе один поршневой запирающий механизм и один штатив для прицельной зрительной трубки. Принята сего 15 мая в имущество батареи Волкова поля»⁷.

Император Александр II живо интересовался новым оружием и его возможностями. Серьезное военное образование и подготовка, полученные им в бытность наследником-цесаревичем, присутствие на театре войны позволяли ему вникать в суть вопросов. Александр II предвидел выгоды использования в полевых войсках легких скорострельных пушек, которые могли сопровождать пехоту огнем и колесами. Он потребовал ответа на вопрос: «не было бы полезно стрелковым бригадам придать по одной батарее скорострельных орудий Барановского?»⁸.

Специалисты ГАУ 11 мая 1879 г. пришли к выводу, что на данном этапе невозможно при-

А. А. Баранцов поддержал предложение и получил согласие императора. Приказанием от 24 мая 1879 г. руководство подготовкой пушек Барановского к испытаниям совместно со стрелковой бригадой возложили на полковника Каминского.

Прежде всего, предстояло переделать затвор подобно «новому образцу, разработанному Барановским для пушек его системы, который представляет последнее слово в этом отношении, сделать прицел с делениями русской меры». Следовало изменить поддоны у гильз, внести существенные изменения в лафет и другую материальную часть. Зрительная прицельная труба, которую предложили устанавливать на стволах пушек, заинтересовала специалистов как «в высшей степени полезная часть орудия, должна быть исправлена так, чтобы ею можно было пользоваться, не прибегая к прицелу»⁹. (Ил. 86–90).

Запросили П. В. Барановского, сможет ли он быстро провести на заводе переделку, чтобы уже на время лагерного сбора 1879 г. передать их в Гвардейскую стрелковую бригаду. Петр Викторович ответил, что сможет сделать за 20 дней.

К концу июня 1879 г. переделка материальной части была завершена. Так, 16 июня П. В. Барановский от «Машино

Ил. 90. Унитарный патрон с 2,5-дм пулевой шрапнелью. Гильза свертной конструкции Каминского. Масса снаряженной шрапнели 4,15 кг. Пуля калибром 12,7 мм состоит из сплава четырех частей свинца и одной части сурьмы. Масса пули 11,95 г. Число пуль 88. Унитарные 2,5-дм патроны с гильзами конструкции Каминского были приняты на вооружение. Такими патронами пушки Барановского производили до 10 выстрелов в минуту, тогда как обычная скорострельность полевых орудий того времени составляла два выстрела в три минуты. ВИМАИВиВС

и пароходостроительного завода В. Барановского» уведомил, что «при изготовлении нового лафета к полевой 2,5-дм пушке есть упрощения в механизме бокового передвижения по прямой оси, то могу изготовить оный лафет на 10% дешевле, вместо 1000 руб. за 900 руб. за 6-недельный срок»¹⁰.

В июле 1879 г. на Волковом поле под руководством полковника Эрна проводили сравнительные испытания стрельбой из 2,5-дм полевой пушки Барановского и стальной конной пушки образца 1877 г.

Сравнительные весовые данные стальной 87-мм конной и стальной 2,5-дм полевой пушек.

	4-фн (87-мм) стальная конная пушка обр. 1877 (пуды, фунты)	Стальная 2,5-дм полевая пушка Барановского (пуды, фунты)
Орудие с затвором	22 п	17 п 20 фн
Лафет с колесами	30 п 20 фн	21 п 6 фн
Передок к орудию	33 п 20 фн	20 п 20 фн
Передок зарядного ящика	33 п 20 фн	20 п 20 фн
Задний ход (пустой)	33 п	16 п 34 фн
6 вкладных снарядных ящиков (на 5 снарядов)	2 п 8 фн	
6 кожаных сумм с папковыми футлярами и войлоками	1 п 1 фн	
16 деревянных вкладных снарядных ящиков		3 п 16 фн
Снаряд	163/4 фн	101/8 фн
Заряд	3 фн 40 зол	2 фн
Вес снарядов и зарядов в передке	15 п 4 фн	21 п 16 фн
Передок с укладкой	48 п 24 фн	45 п 12 фн
Задний ход с укладкой	71 п	41 п 26 фн
Лафет с орудием и передок нагруженный	101 п 4 фн	83 п 38 фн
Оба хода зарядного ящика (нагруженные)	125 п	86 п 38 фн

На каждую 2,5-дм пушку полагался один зарядный ящик, следовательно, число зарядов, возимых на одно орудие, составляло 192 (64 патрона в передке + 128 патронов в зарядном ящике); на каждую же конную пушку при одном зарядном ящике возили 120 зарядов.

	Полевая 2,5-дм стальная пушка системы Барановского	4-фн (87-мм) стальная конная пушка обр. 1877 г.
Начальная скорость снаряда	1430 фт/с (435,9 м/с)	1350 фт/с (411,5 м/с)
Вес гранаты	101/8	16¾
Заряд	2 фн	3 фн 40 зол
Число пуль в шрапнели	85	150
Среднее квадратическое от- клонение снарядов на даль- ность стрельбы 2500	26.-5	20.-7
Угол прицеливания	17°39'	19°14'

Сравнительные испытания показали: вес системы 2,5-дм пушки с лафетом и передком с 64 боевыми патронами составляет около 84 пудов (1375,9 г), т. е. почти одинаков с весом системы медной 4-фн пушки.

Вес снаряда 2,5-дм пушки составляет 101/8 фн. Боевой заряд в 2 фунта сообщает снаряду начальную скорость 1430 футов в секунду. Стальные легкие и конные пушки стреляли снарядами в 16¾ фн весом при начальных скоростях в 1450 футов в секунду для легкой и 1350 футов в секунду для конной пушки. Шрапнель 2,5-дм пушки содержала 85 пуль 5-линейного диаметра, а шрапнель легких и конных пушек – 150 таких же пуль.

Скорострельность 2,5-дм пушки превосходила скорострельность конной пушки в три раза. Но при этом результат сравнительной стрельбы на меткость («поражаемость») «оказался решительно в пользу конной пушки».

Специалисты по результатам стрельб отдали полное предпочтение 87-мм конной пушке 1877 г. Шрапнель для пушки Барановского вмещала 88 пуль, а шрапнель образца Медхерста для пушки обр. 1877 г. весила 16¾ фн и вмещала 175 пуль 5-линейного диаметра.

Сравнительная стрельба 18 июля 1879 г. из стальной конной пушки обр. 1877 г. и 2,5-дм пушки Барановского производилась на дальность 760 сажень двустенной гранатой по двум группам щитов, отстоящих друг от друга на 20 сажень. Обе пушки должны выпустить по 25 снарядов. Начали стрельбу одновременно, стреляли в течение 8 минут 30 секунд, за это время из конной пушки сделали 5 выстрелов, из пушки Барановского – 14. Затем, поскольку протравник засел в запале конной пушки, продолжали стрельбу только из 2,5-дм пушки, засекая время, сделали еще 11 выстрелов за 4 минуты 10 секунд. Затем из конной пушки произвели еще 6 выстрелов. Всего за 12 минут 40 секунд из 87-мм конной пушки произвели 11 выстрелов, из 2,5-дм – 25. При этом, четыре 2,5-дм гранаты из 25 разбились в канале ствола орудия, для оценки поражаемости снарядов были исключены. На это обстоятельство специалисты обратили особое внимание. При осмотре щитов оказались результаты:

		Число выстрелов	Число пробоин в щитах	На 1 выстрел
87-мм конная пушка	В 1-й и 2-й щиты	11	В 1-й щит – 520 Во 2-й щит – 61 Всего: 581	52,8
2,5-дм пушка Барановского	В 1-й и 2-й щиты	21	В 1-й щит – 293 Во 2-й щит – 148 Всего: 441	21,0

Щиты высотой 9 футов, шириной 58 футов (25 шагов).

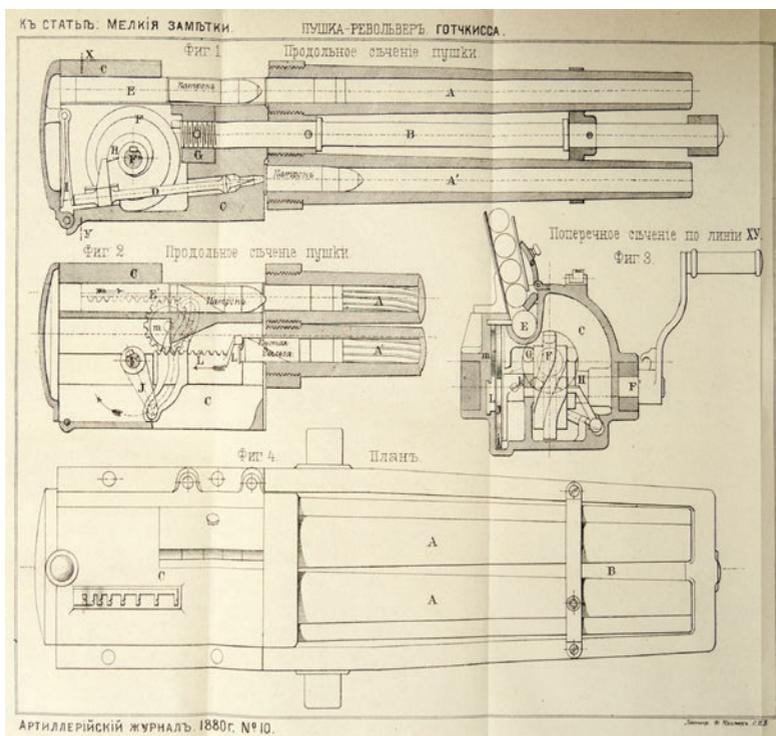
Стрельба 19 июля 1879 г. велась по щитам, отстоящим от орудий на дальность 900 сажень. Цель каждого орудия – два щита, стоящих друг от друга на расстоянии 20 сажень. Из 2,5-дм пушки произвели 25 выстрелов, из конной – 20.

Поражение щитов оказалось следующее:

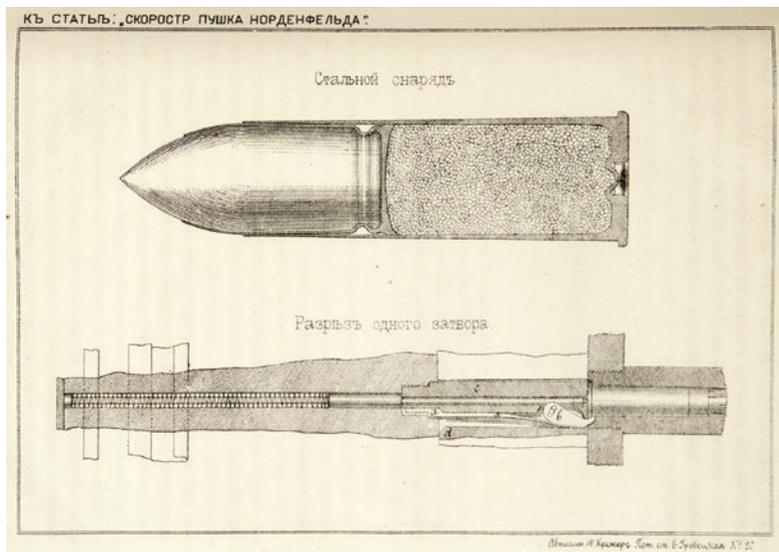
	1-й щит	2-й щит	Всего	На 1 выстрел	На 1 фунт снаряда
87-мм конная пушка	733	688	1421	71,0	4,2
2,5-дм пушка	112	146	258	10,3	1,0

Кроме того, провели еще и сравнительные испытания обоих орудий на скорострельность. Стреляли гранатами на дальность 520 сажень, стрельба продолжалась 7 минут 10 секунд. Результат таков:

	Число выстрелов	Число пробоин	На 1 выстрел	На 1 фунт снаряда
87-мм конная пушка	15	469	31,3	1,87
2,5-дм пушка	18	245	13,6	1,34

Ил. 91. Пушка-револьвер Готкиса. Чертеж к статье «Мелкие заметки». Артиллерийский журнал. 1880. № 10

Ил. 92. Стальной снаряд. Разрезь одного затвора. Чертеж к статье «Скорострельная пушка Норденфельда». Артиллерийский журнал. 1882. № 8

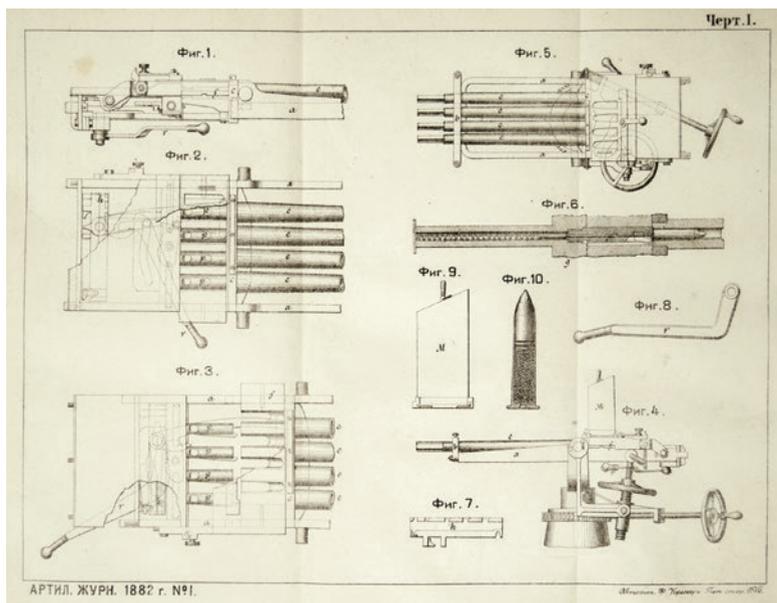
Из 2,5-дм пушки было сделано 19 выстрелов, но одна граната разбилась в канале ствола орудия. Кроме того, стрельба из 2,5-дм пушки замедлялась частыми осечками. Происходило это оттого, что стреляли из полевой пушки, но снарядов к ней на полигоне не было, поэтому применили снаряды от горных пушек. Снаряды разбивались в канале ствола потому, что полевая пушка имела большую начальную скорость снаряда, чем горная. «Горные снаряды для неё слабы». П. В. Барановскому сообщили: «Снаряды от горных 2,5-дм пушек не подошли к конным. Конструкция орудий одинакова, поэтому возможна переделка оставшихся на складе снарядов путем расточки желобков». П. В. Барановский выполнил задание, расточили 2748 гранат, 1050 шрапнелей¹¹.

По результатам испытаний стрельбой начались опыты по определению давления пороховых газов в каналах пушек Барановского.

23 июля 1879 г. генерал Костанде А. С. рапортовал о том, что указание приготовить один дивизион 2,5-дм пушек господина

Ил. 93. Стрельба из картечницы Норденфельда. Вес картечницы 0,4 пуда (6,6кг). Скорострельность до 160–180 выстрелов в минуту. Иллюстрация из книги В. Г. Федорова «Исследование о пулеметах»

Ил. 94. Картечница Норденфельда. Чертеж к статье А. фон-дер Ховена «Скорострельные пушки. Их употребление во флоте и для обороны крепостных рвов». Артиллерийский журнал. 1882. № 1

Ил. 95. Картечица Тейлора. Состояла из прочного медного цилиндра, в который было вставлено 24 ствола. Лафет пушечный. Вес картечицы 100 фн (более 400 кг). Иллюстрация из книги В. Г. Федорова «Исследование о пулеметах»

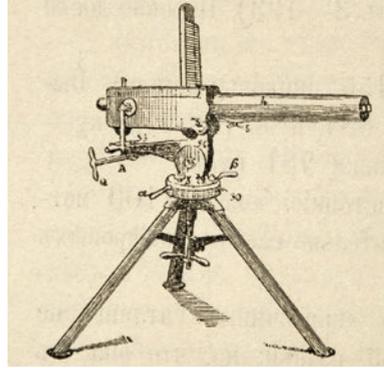
Барановского с одним зарядным ящиком и соответствующим числом холостых патронов выполнено. В ответ получил указание военного министра Д. А. Милютина: «Высочайше разрешено не приводить в исполнение означенное предписание, пока опыты стрельбы из 2,5-дм пушки не приведут к окончательному результату»¹².

По результатам проведенных исследований и испытаний, весьма затратных для военного ведомства, **основное внимание сосредоточили на горных пушках В. С. Барановского.**

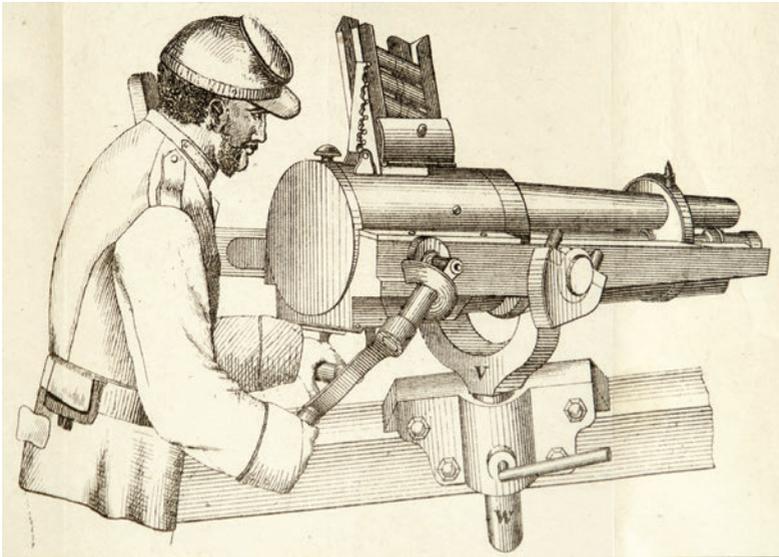
2. Орудия Барановского – одно из направлений работы Арткома

Прежде чем продолжать утомлять Вас, уважаемый читатель, рассказом о дальнейшей работе над пушками В. С. Барановского, необходимо отметить важнейшее обстоятельство. Созданием скорострельных орудий конструкции В. С. Барановского деятельность Арткома как научного центра по

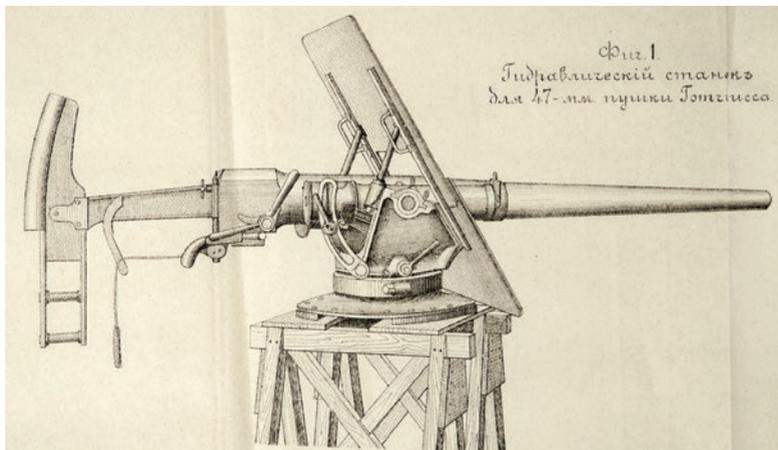
разработке новейших образцов вооружения, безусловно, не ограничивалась. Над созданием скорострельных систем работали во многих странах. Специалисты Арктома были информированы о достижениях в этой области. К работе были подключены военные атташе, которые доставляли сведения о разработках за рубежом и контактировали с иностранными конструкторами и заводчиками. Конструкторы Европы и Америки наперебой предлагали России свои изобретения. Было принято за правило

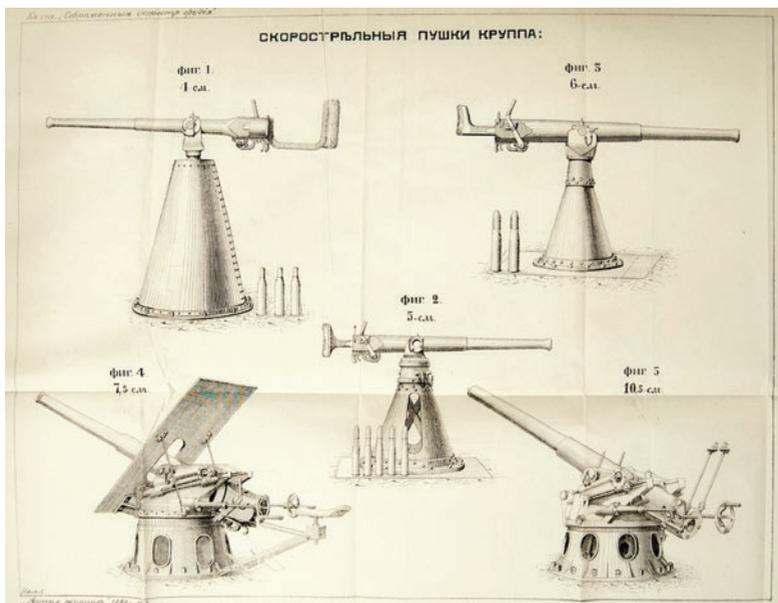
Ил. 96. Картечьница Пратта и Уитнея. Два неподвижных ствола, каждый имеет свой замок. Патроны помещены в обойму, укрепленную сверху картечьницы. Расчет три человека. Иллюстрация из книги В. Г. Федорова «Исследование о пулеметах»

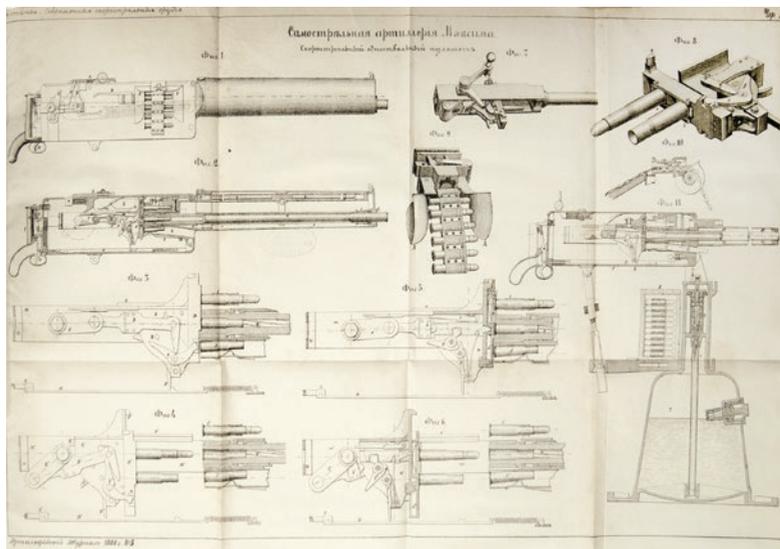
Ил. 97. Стрельба из револьверной пушки Гочкиса. Иллюстрация из книги В. Г. Федорова «Исследование о пулеметах»

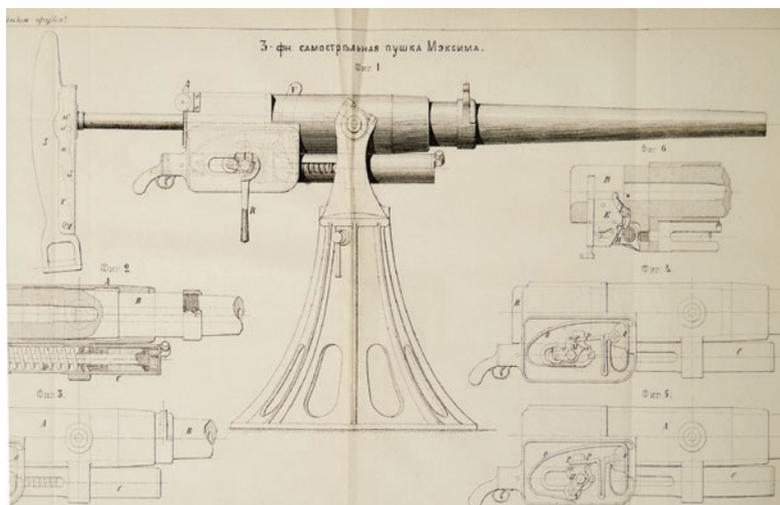
Ил. 98. Гидравлический станок для 47-мм пушки Готкисса.
Иллюстрация из книги В. Г. Федорова «Исследование о пулеметах»

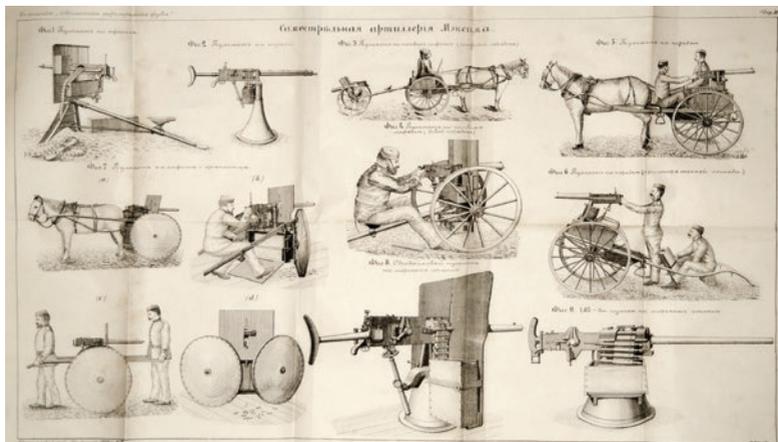
Ил. 99. Скорострельные пушки Круппа. Калибры 4, 6, 7,5, 5 и 10,5 см. К статье
«Современные скорострельные орудия». Артиллерийский журнал. 1888. № 3

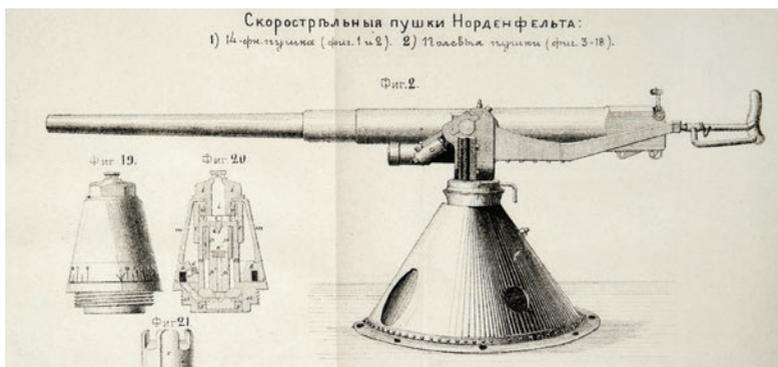
Ил. 100. Скорострельные пушки Максима. К статье «Современные скорострельные орудия». Артиллерийский журнал. 1888. № 3

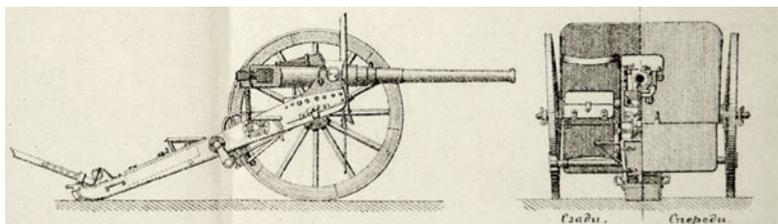
Ил. 101. 3-фн самострельная пушка Максима. Артиллерийский журнал. 1888. № 3

Ил. 102. Скорострельная артиллерия Максима. Артиллерийский журнал. 1888. № 3

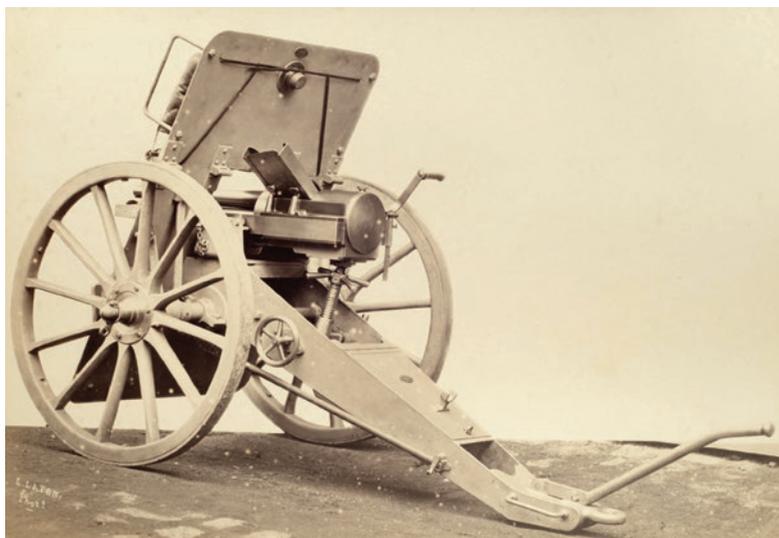
Ил. 103. Скорострельные пушки Норденфельда. Артиллерийский журнал. 1888. № 3

Ил. 104. Современные полевые скорострельные орудия. Артиллерийский журнал. 1888. № 3

Ил. 105. Револьверная пушка Гочкиса в походном положении. Фотография Л. Лапона. Париж. 1870-е гг. ВИМАИВиВС

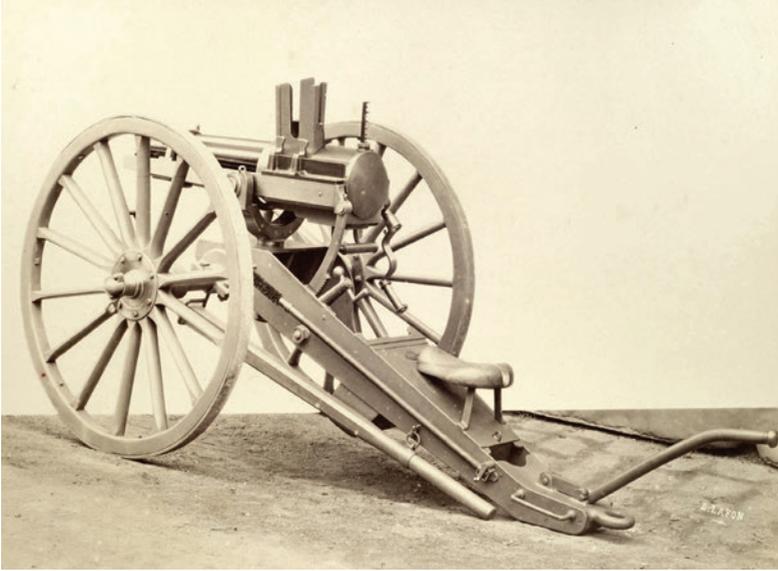
Ил. 106. Револьверная пушка Гочкиса с поднятым стальным щитом. Фотография Л. Лапона. Париж. 1870-е гг. ВИМАИВиВС

Ил. 107. Лафет горной пушки системы Гочкиса в походном положении. Фотография Л. Лапона. Париж. 1870-е гг. ВИМАИВиВС

Ил. 108. Горная пушка системы Гочкиса в походном положении. Фотография Л. Лапона. Париж. 1870-е гг. ВИМАИВиВС

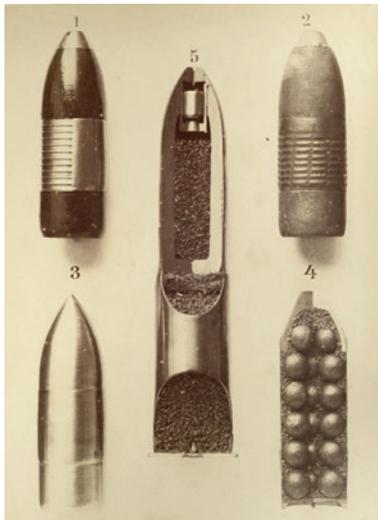
Ил. 109. Револьверная пушка системы Гочкиса. Легкое военно-морское орудие на десантном лафете. Фотография Л. Лапона. Париж. 1870-е гг. ВИМАИВиВС

командировать офицеров для работы на зарубежных заводах для изучения на практике технологии изготовления оружия. Активно работали конструкторы и изобретатели в самой России, как профессионалы конструкторы и технологи, так и самоучки, яркий пример тому – В. С. Барановский.

Для отработки перспективного изобретения немедленно создавались специальные комиссии, состоящие из профессионалов по данному конкретному вопросу. Ни одно сколько-нибудь перспективное новшество не оставалось без изучения и, если надо, испытания. Для подтверждения приведем несколько иллюстраций из «Артиллерийских журналов» тех лет, где офицеры Арткома публиковали результаты изучения новейшего вооружения, несколько иллюстраций из книги учителя всех оружейников В. Г. Федорова «Исследование о пулеметах», а также фото из альбома, бывшего в коллекции Арткома. Это только малая часть того, что было изучено Арткомом. (Ил. 91-112).

Ил. 110. 47-мм револьверная пушка системы Гочкиса. Фотография Л. Лапона. Париж. 1870-е гг. ВИМАИВиВС

Ил. 111. Боеприпасы к револьверной пушке системы Гочкиса:

1. Снаряд с желобками над пояском.
2. Стреляный снаряд.
3. Стальной выстрел.
4. Картечь.
5. Унитарный патрон с разрывной гранатой. Фотография Л. Лапона. Париж. 1870-е гг. ВИМАИВиВС

Ил. 112. 37-мм револьверная пушка системы Гочкиса. Фотография Л. Лапона. Париж. 1870-е гг. ВИМАИВиВС

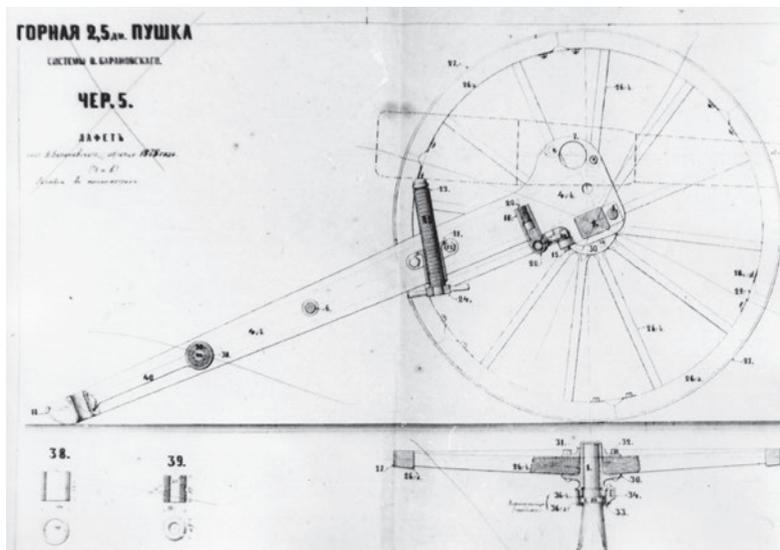
Глава 3. Создание лафета для горных 2,5-дм пушек Барановского

17 января 1879 г. в Артком потупило требование: количество горных батарей при пеших артиллерийских бригадах Кавказского военного округа предстоит увеличить с 4 до 12. Предстоит заготовить новую материальную часть.

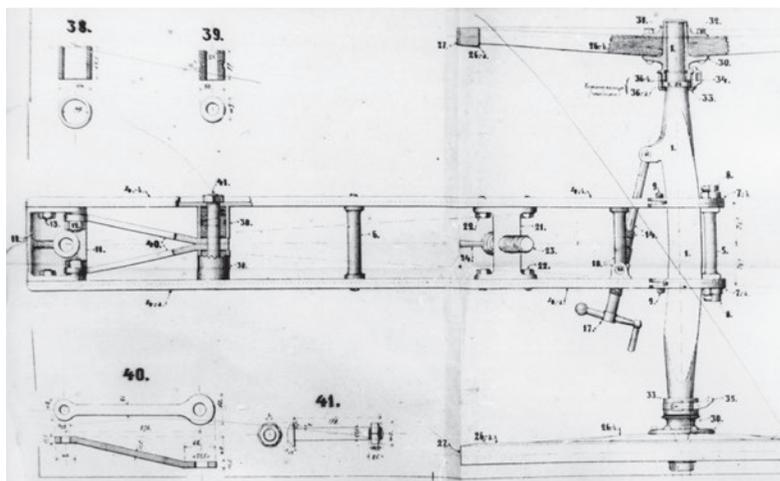
В январе 1879 г. Арткому было поручено спроектировать новый лафет для 2,5-дм пушек системы господина Барановского. Тактико-технические требования (ТТТ) к новому лафету следующие:

- должен быть прочен и удобен при стрельбе;
 - обеспечивать максимально возможные углы возвышения и склонения;
 - иметь умеренный откат при употреблении веревочных тормозов;
 - позволять стрельбу при ограниченной длине отдачи от 7 до 8 футов при тормозах с остановкою после того лафета ударом его хобота в какой-либо неподвижный предмет: скалу, камень и т. п. с тем, чтобы можно было стрелять при небольших пространствах для отдачи, когда сзади имеются подобные предметы (чтобы не опрокидывался);
 - должен быть приспособлен для возки по местности на своих колесах с горным оглобельным передком;
 - должен быть приспособлен для возки во вьюках.
- (Ил. 113-115).

Существующий в это время горный лафет конструкции генерал-майора Фишера А. А. вполне удовлетворял требованиям к бронзовой 3-фн горной пушке образца 1867 г., за исключением недостаточных углов вертикального обстрела: от 7° склонения до 15° возвышения. Опыты с пушками Барановского показали, что «горный лафет пушки постоянно перепрокидывается назад при стрельбе в упор, вообще неустойчив и имеет весьма малые колеса»¹³. Для исправления ситуации решили для столь сильного орудия обратиться к составному лафету. Чтобы удлинить лафет Барановского, генерал Энгельгардт предложил ввести железную прикладку в виде коробки. Накладка соединялась с хоботовой частью лафета, во-первых, вилками, упирающимися

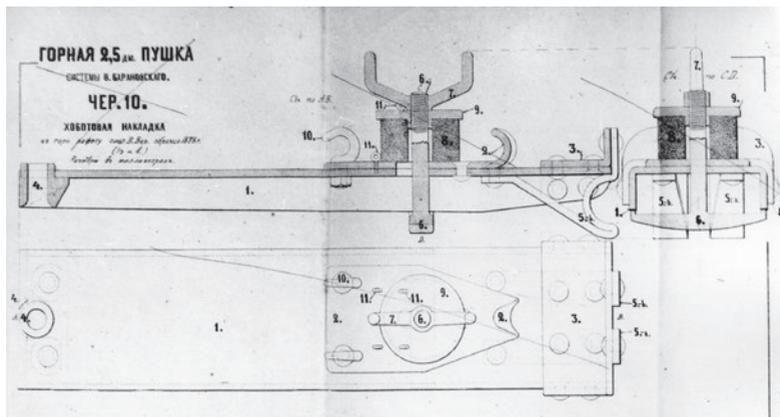
Ил. 113. Лафет системы В. Барановского образца 1878 г. 1/5 натуральной величины. Вид сбоку. 15.06.1880 г. АВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/1-а. Д. 114. Л. 10

Ил. 114. Лафет системы В. Барановского образца 1878 г. 1/5 натуральной величины. Вид сверху. 15.06.1880 г. АВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/1-а. Д. 114. Л. 11

Ил. 115. Модели перевозки горной пушки обр. 1867 г. на трех вьюках. Перевозка ствола, колес и принадлежности, лафета. Мастер Швабе. ВИМАИВиВС

Ил. 116. Хоботовая накладка к горному лафету системы В. Барановского обр. 1878 г. 1/3 натуральной величины. 10.06.1880г. АВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/1-а. Д. 114. Л. 19

в связной хоботовый болт, и, во-вторых, болтами, пропущенными снизу через хоботовую воронку. На конец болта, сверху приставной коробки, надевался каучуковый буфер. Это приспособление генерала Энгельгардта было испытано 400 выстрелами, откат ограничивался 8 футами. Лафет оказался вполне прочным. В результате хобот лафета Барановского посредством накладной коробки был удлинен и не «перепрокидывался назад», при стрельбе «вовсе не давал отката с упором хобота при самом начале сдвигания его назад»¹⁴. (Ил. 116).

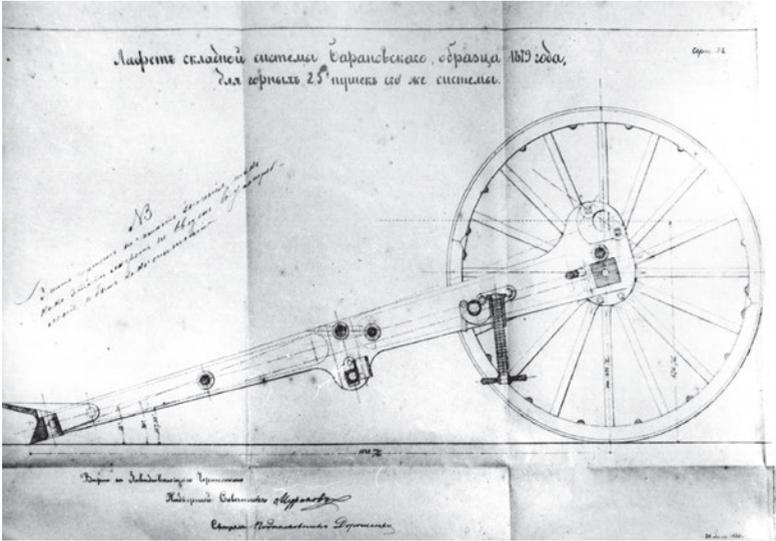
Но, оказалось, что принятие составного лафета повлечет за собой необходимость еще одной вьючной лошади на каждое орудие, поскольку перевозить накладку невозможно ни в лафетном, ни в колесном вьюке. При этом имелись в виду уже существующие прочные колеса, а не слабые, предложенные г. Барановским. Мало того, оказалось, что прибавится по две вьючные лошади на каждое орудие: одна – на составной лафет, вторая – на свинтовую пушку. Решили продолжить поиски другого несоставного лафета.

Еще 18 июня 1879 г. заводу заказали два новых зарядных ящика на 8 патронов каждый, чтобы отправить на Кавказ для испытания параллельно со старыми, и один складной горный лафет с вьючными седлами для 2,5-дм пушки, чтобы испытать его на Волковом поле.

В декабре 1879 г. П. В. Барановский получил складной лафет с Волкова поля после испытаний. Лафет был рассчитан на стрельбу при углах возвышения до 20° и склонения до 11°. Его испытали 50 выстрелами, по результатам заводу предложили довести угол возвышения до 30°. Через два месяца Петр Викторович представил чертеж «нового складного лафета с нужным углом возвышения и несколько возвышенной линией прицеливания»¹⁵. (Ил. 117).

Артком поручил капитану В. А. Дюшену (1847–1916) спроектировать несоставной железный лафет для 2,5-дм пушки Барановского при следующих тактико-технических требованиях (ТТТ):

- сохранить существующие горные колеса;
- сохранить высоту, как у прежнего лафета (27 дм), у лафета Барановского высота 24,5 дм, это недостаточно для обеспечения нужного угла возвышения;

Ил. 117. Лафет складной системы Барановского образца 1879 г. для горных 2,5-дм пушек его же системы. 30.07.1880. Надпись на чертеже: «Этот череж не имеет значения, так как этот лафет не введен в употребление и был как опытный». АВИМАИВИВС. Ф. 4. Оп. 39/1-а. Д. 114. Л. 39

- увеличить вертикальный угол обстрела: от 10° склонения до 20° и более возвышения;
- увеличить длину, но сделать ее не более 5 футов;
- сохранить по возможности давление хобота на землю таким же, как у существующего железного лафета к 3-фн пушке;
- можно допустить увеличение веса, но не превышать 6,5 пудов.

В марте 1880 г. Артком рассматривал результат работы. «В новом лафете, рассчитанном на начальную скорость в 1000 фт/с, для того чтобы сохранить ту же устойчивость, какую обладает существующий лафет к 3-фн горной пушке, необходимо было увеличить длину станин примерно на 6 дюймов, так что вся длина станин в новом лафете выходит в 60 дюймов. Положение оси цапф орудия относительно колес почти не изменено, а для уменьшения отката хоботу придана такая форма, что он опирается на местность не закруглением большого радиуса, а углом хоботовой клёпани с малым закруглением. Ось сохранена прежняя.

Ил. 118. Металлический завод. СПб. 1880 г.

Интернет ресурс <https://museum.power-m.ru/plants/lmz/history/beginning>

Станины штампованные, соединяются лобовой связью, хоботовой клёпанью и листом, приклепанным к верхним краинам станин. Подъемный механизм состоит из вилы, внутреннего и наружного подъемных винтов, матки с цапфами, вращающейся в подшипниках, прикрепляемых снаружи станин, двух зубчатых шестерен и рукоятки, выходящей наружу с правой стороны лафета. Зубчатые шестерни служат для передачи вращения от рукоятки наружному подъемному винту; одна шестерня и рукоятка насаживаются на цапфу матки и сцепляются между собой выступами на их ступицах, а другая шестерня насаживается на наружный подъемный винт, причем шпонка, вставленная в ступицу этой шестерни, помещается в паз, сделанный в винте. Таким образом, шестерня, сообщая вращение винту, позволяет ему двигаться вверх и вниз. Для воспрепятствования шестерне подыматься вместе с винтом служат захваты, прикрепленные к матке подъемных винтов. Это устройство подъемного механизма имеет целью облегчить и ускорить придание орудию углов возвышения. Лафет для других, проектированных Комитетом, горных пушек, ничем

существенным от этого лафета отличаться не будет, и испытание лафета для пушки Барановского дает возможность сделать окончательное заключение вообще об несоставном лафете для несвинтных пушек»¹⁶.

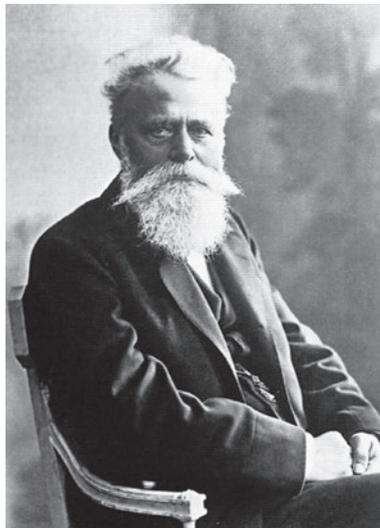
Проблема выбора конструкции лафета для горных 2,5-дм пушек оставалась острой. Все варианты конструкций были испытаны самым тщательным образом. Лафеты с накладками Энгельгардта испытывали в войсках на Кавказе.

С конца 1879 г. испытывали стрельбой лафеты конструкций Барановского и Креля. (Ил. 118). Директор С.-Петербургского металлического завода Отто Крель (Ил. 119)

представил на испытания буферный лафет для 2,5-дм горной пушки. Если лафет окажется годным, завод согласен поставить 50 лафетов по 350 рублей, за исключением стоимости колес. Лафет состоял из лобовой части, которая могла вращаться вокруг круглой боевой оси, и двух станин. Снабжен между лобовой клепанью станин и лобовой частью лафета горизонтальным каучуковым буфером, предназначенным для смягчения удара лобовой части о станину при выстреле. Для смягчения обратного удара служил контр-буфер. Наибольший угол возвышения при стрельбе 30°, наибольший угол склонения – 12°.

Весовые данные лафета: лобовая часть лафета с осью и колесами – ок. 6 пудов 10 фунтов (лобовая часть - 4п 13 фн, два колеса – 3п 7 фн, две станины – 3п 37 фн, колесные шайбы и чеки – 6 фн). Обе станины – ок. 5 пудов. В лафете Креля, примененного к пушке Барановского, расстояние между лодыгами 57/8 дм, расстояние по оси цапф до оси подъемного винта 161/16 дм¹⁷.

Запряжка две лошади: одна лошадь для лобовой части с осью и колесами, вторая – для возки станин.

Ил. 119. Директор Металлического завода Отто Крель. Интернет ресурс https://ru.ruwiki.ru/wiki/Крель,_Отто

Комиссия, рассмотрев проект, сразу указала на недостаток – длина станин 6 футов чрезмерна, затрудняет выючку. Заводу следовало уравновесить станины, укрепить цепочки с чеками и др.

Лафет Барановского выдержал 500 выстрелов без всяких повреждений. Лафет Креля испытали под руководством генерал-майора Энгельгардта, сделав при сравнительных испытаниях 354 выстрела без особых повреждений. Но до этого с него тоже стреляли. Всего с него сделали 517 выстрелов. Недостатки у обоих лафетов примерно одинаковы, но у лафета Креля угол возвышения до 34° , а у лафета Барановского 19° . Тогда П. В. Барановский предложил построить другой лафет, допускающий стрельбу с наибольшим углом возвышения 30° . Петра Викторовича пригласили на заседание комиссии, обсудили представленный им чертеж. Ему разъяснили ТТТ к новому лафету. Важнейшие из ТТТ: углы возвышения и склонения должны быть, соответственно, не менее 25° и 15° ; вес передней части лафета с осью не должен превышать 6 пудов.

С лафета О. Креля решили сделать еще 146 выстрелов, затем подвергнуть переделкам. Кроме того, рассматривали лафет, проектированный Арткомом. 23 января 1879 г. Комиссия по вопросу 2,5-дм горных пушек Барановского вновь обсуждала результаты испытаний лафетов. Пригласили таких выдающихся специалистов, как генерал-майор Семенов и генерал-лейтенант Гадолин А. В.

Вывод был таков: у лафета Барановского слишком большие колеса. Чтобы были прочными, следует сделать их цельными и не из существующего в России дерева. П. В. Барановский заказывает лафеты за границей, их изготавливают из литой стали с осью в виде трубы, с особой формы станинами. Все это затруднительно для производства в России. Таким образом, лафет Барановского можно принять в случае «крайней необходимости». У лафета Креля некоторые веские преимущества: большие углы возвышения и склонения (max 38° и 15° против 19° и 11° у лафета Барановского).

30 января 1880 г. Комиссия по вопросу 2,5-дм горных пушек Барановского обсуждала вопрос: можно ли, ввиду скорейшего снабжения горной артиллерии 2,5-дм пушками, ограничиться лафетом, предложенным Барановским? Ответ однозначный: не можем.

Причины: с лафетом последней конструкции недостаточно знакомы, прежний лафет Барановского дорог, новый, очевидно, будет еще дороже. Кроме того, П. В. Барановский представил лафет новой модификации одновременно с лафетами Креля (без буфера) и Артиллерийского комитета (нескладного). Нет никаких оснований полагать, что проект г-на Барановского будет выполнен скорее других проектов.

Обсудили предложение: в качестве временной меры для скорейшего снабжения горной артиллерии 2,5-дм пушками воспользоваться уже имевшимися 50 короткими лафетами Барановского, приделав к ним предварительно накладки по образцу лафета, испытанного на Кавказе. Изготовление накладок быстрее и дешевле, чем изготовление новых лафетов.

Опыт на Кавказе показал, что в лафетах прежней конструкции нет других недостатков, кроме малых углов возвышения и склона и недостаточно прочных колес. Выгоды такого предложения: можно использовать уже изготовленные и оплаченные 50 лафетов Барановского, достигается скорейшее перевооружение горных батарей, пусть и временное, возможность неспешно и основательно изучить и испытать все представленные проекты лафетов.

Александр Алексеевич Баранцов утвердил предложения комиссии, кроме одного: срочно заказывать накладку к лафетам не стоит, всегда можно это быстро сделать в случае войны. Запланировали продолжение параллельных испытаний лафетов Креля, Барановского и складного лафета, проектированного Арткомом. Отто Крель обязался изготовить новый лафет без буфера за четыре недели.

Кроме того, П. В. Барановскому заказали переделать один образец выючного зарядного ящика так, чтобы можно было вынимать патроны, не снимая ящика с выюка.

Всего в декабре 1880 г. на Главном артиллерийском полигоне находились для испытаний следующие лафеты: 1. к медной горной пушке (так продолжали называть бронзовую 3-фн пушку образца 1867 г.); 2. к пушке Барановского; 3. складной лафет к 6,5-см несвинтной пушке Круппа; 4. складной лафет к 7,5-см несвинтной пушке Круппа; 5. складной лафет к 6,5-см свинтной пушке Круппа; 6. складной лафет к 6,5-см свинтной пушке Круппа, построенный на Металлическом заводе (складной лафет

Креля)¹⁸. Испытав их все, Артком решил заказать Металлическому заводу один горный лафет той же системы, что и лафет к пушкам Барановского, чтобы пушка получила на нем такие же углы возвышения и склонения. В результате всех усовершенствований был принят лафет системы Креля.

¹ АВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/3. Д. 170. Л. 49–52.

² Там же.

³ Там же. Д. 146. Л. 672.

⁴ Там же. Л. 671.

⁵ Там же. Л. 675, 676, 683. Чертеж (синька).

⁶ Эрн Федор Касперович (1827–1881). Окончил Финляндский кадетский корпус (1845), Офицерские классы Михайловского артиллерийского училища (1848). 1865 – полковник, 1878 – генерал-майор. С 1856 – помощник командира Ижевского оружейного завода, с 1858 – командир Выборгской крепостной артиллерии, с 1874 – член Арткома ГАУ // Волков С. В. Генералитет Российской империи. Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М.: Центрполиграф, 2009. Т. 2. С. 802.

⁷ АВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/3. Д. 146. Л. 690, 698. Позднее, в 1883 г., на Волково поле доставили из Петербургского окружного склада хранящуюся там 3-дм стальную пушку Барановского, изготовленную на Обуховском заводе в 1875 г.

⁸ Там же. Д. 170. Л. 1.

⁹ Там же. Л. 4–11.

¹⁰ Там же. Л. 66.

¹¹ Там же. Д. 168. Л. 52.

¹² Там же. Д. 170. Л. 77–78.

¹³ Там же. Д. 165. Л. 24.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Д. 169. Л. 569.

¹⁶ Там же. Д. 165. Л. 72–74.

¹⁷ Там же. Л. 100 об.

¹⁸ Там же. Оп. 39/19-5. Д. 3342. Л. 1.

Н. Ю. Иноземцева, Р. Н. Чумак

РУССКИЕ ИЗДАНИЯ, ВОЗВРАЩЕННЫЕ ИЗ ГЕРМАНИИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ, И НЕМЕЦКИЕ ТРОФЕЙНЫЕ БРОШЮРЫ ИЗ КНИЖНОГО ФОНДА ВИМАИВиВС

Как известно, потери советских учреждений культуры за годы Великой Отечественной войны огромны. Восстановить во всей полноте картину утраченных культурных ценностей очень непросто. Разоряя наши музеи, библиотеки, архивы, оккупанты с немецкой педантичностью изымали и порой уничтожали учетную документацию. В библиотеках – это каталоги, инвентарные книги. Вывоз культурных ценностей с захваченной территории происходил организованно и масштабно. На примере книг, прошедших через соответствующие зондеркоманды, можно сделать вывод, что отбор книг происходил со знанием дела. Возможно, во главе этих групп стояли бывшие наши соотечественники, представители первой послереволюционной волны эмиграции. А это, безусловно, были люди образованные, имеющие понятие о значимости культурного наследия России.

Формирования, занимавшиеся поиском и вывозом культурных ценностей на захваченных территориях, представляли собой вполне боеспособные подразделения армии. В их состав входили не только специалисты, но и солдаты, военная техника, врачи и т. д., все необходимое для автономного существования. Продвигались они с войсками, но на месте выполняли свои, поставленные им задачи. Так называемые зондеркоманды являлись частью айнзатцгрупп. Айнзатцгруппа «Потсдам» работала на территории Украины. Во Львове объектом ее работы стала библиотека Львовского университета. В Житомире было изъято огромное количество книг из библиотек, музейные предметы. Сбор трофеев «Потсдамом» продолжился в Киеве. Среди них оказались подготовленные к эвакуации материалы

Академии наук УССР и Географического института. В библиотеке украинской Академии наук (насчитывала около 3 миллионов изданий) хранились редчайшие рукописи персидской, абиссинской, китайской письменности, русские и украинские летописи, первые книги Ивана Федорова, а также редкие издания произведений украинских классиков. Подверглись грабежу и другие киевские библиотеки и музеи. В музеях еще оставались коллекции русской, западной и восточной живописи и другие произведения искусства.

В октябре 1941 г. айнзатцгруппа «Потсдам» приступила к расширению Киево-Печерской Лавры. В Лавре в 1926 г. был создан музей-заповедник, богатство и уникальность которого составляли сокровища русской культуры, собиравшиеся столетиями. Лаврская библиотека, в том числе библиотека митрополита Флавиана, хранили книжные фолианты не только церковной направленности, но и по русской истории и искусству. Библиотеку, располагавшуюся во Владимирском соборе, составляли книги, начиная с эпохи Петра Великого. Книжный фонд насчитывал от 4 до 5 миллионов единиц.

Отдельные группы «Потсдама» были отправлены в Одессу, Харьков и Крым. В Харькове из картинной галереи было вывезено несколько сотен картин русских художников, скульптура, научные архивы других музеев. В харьковской библиотеке имени Короленко было отобрано в Берлин несколько тысяч ценных книг. В Крыму, в Симферополе, в районе Севастополя и Херсонеса и в других местах, также происходил захват библиотек, архивов, музеев. Во Владимирском соборе Севастополя были изъяты подготовленные к эвакуации археологические ценности Херсонеса. Деятельность «Потсдама» закончилась в Крыму в марте 1942 г. Тогда зондеркомандой были вывезены в Германию более ста ящиков с книгами из библиотеки института исследований Черного моря при Морском биологическом институте Академии наук.

Возвращение из Германии основного объема украденных во время войны в СССР культурных ценностей происходило со второй половины 1940-х до 1970-х гг. Если говорить о книгах, то их возврат не был осуществлен на прежнее место. Распределение книжных потоков порой было стихийное, и книжные издания поступали учтенные только количественно. Не всегда эти издания ставились на учет, а сразу передавались в библиотеки других учреждений или списывались. Причины этому были разные: непрофильность изданий, отсутствие помещений для хранения.

Часть таких репатриированных книжных изданий после войны поступила в Артиллерийский исторический музей, причем в составе этого поступления имелись книги, которые до вывоза их в Германию находились в библиотеках Киева и Киево-Печерской Лавры.

По результатам работы в историческом архиве АИМ с документами, касающимися возврата книг из Германии в наш музей, можно сказать следующее. Были изучены материалы Фонда ЗР. Опись 10. Отдел новых поступлений. Акты и ведомости на материальную часть артиллерии, стрелкового вооружения, артприборы, обмундирование и другие предметы, прибывшие в АИМ в 1945–1948 гг. транспортом из Германии. В ряде ведомостей и актов можно увидеть поступление книг и брошюр как единичными экземплярами, так и большими партиями. Первые упоминания книг есть в ведомости № 5 от 9 ноября 1945 г. и в ведомости № 12 от 12 декабря 1945 г.¹ Общее количество книг – 39, немецких брошюр – 14. Далее в акте № 7 от 15 марта 1946 г. в перечне имущества, доставленного из Дрездена транспортом № 152/8178, в п. 20 – место с библиотечными фондами, шифр «Б», 185 предметов².

Согласно записи в акте № 17 от 3 июня 1947 г.³ комиссией было принято 38 ящиков из библиотеки Граве.

В приемно-сдаточной ведомости № 33/36 от 21 ноября 1947 г. есть 16 книг на немецком языке, немецкие открытки⁴.

В течение 1948 г. в музее были запланированы работы по разбору ящиков с имуществом, поступившим из Германии в 1947 г. В служебной записке указываются, в том числе, 417 ящиков с книгами⁵. Акт № 12 от 6 февраля 1948 г. указывает на 50 военных книг, поступивших транспортом 3200 из Германии в 1948 г.⁶ В акте № 45 от 15 сентября 1948 г. говорится о вскрытии 419 ящиков с книгами трофейных библиотек, под шифрами «ЗОЙ», «Б», «ЦАБ», прибывших транспортом 32001. Общее количество – 78 007 экземпляров книг, брошюр, комплектов газет⁷.

В приемно-сдаточных ведомостях № 1–3⁸ на передачу предметов, прибывших из Германии, виден большой перечень разнообразной печатной продукции: это книги, брошюры, газеты, листовки, плакаты, боевые листки, карты, открытки, письма, документы, фотографии, солдатские книжки, молитвенники и Евангелия, в том числе и немецкие. Среди трофеев были бумажники с документами, письмами, открытками, фотографиями, денежными купюрами, записками немецких офицеров и солдат, послужные книжки.

Поступавшие материалы рассматривались и сортировались. Часть поврежденных предметов откладывалась на реставрацию, часть назначалась для передачи в фонды других учреждений. Впоследствии большой массив книг был передан в Ленинградский филиал Государственного литературного фонда. Имеется запись о том, что 6370 книг на немецком, французском и английском языках были переданы в Академию артиллерийских наук⁹. В акте от 9 октября 1948 г. сообщается о том, что листовки, плакаты и картины с фашистской агитацией были уничтожены путем сожжения. Количество сожженных плакатов и листовок составило 498 экземпляров¹⁰.

В конце 1958 г. состоялась передача книг на иностранных языках из Артиллерийского исторического музея в ГДР. По имеющимся в архиве документам было передано 5710 экземпляров книг. Это литература военно-исторического и военно-технического характера XIX и начала XX века. Немецкие книги представляли собой истории полков, дивизий, батальонов немецкой армии, книги по Первой мировой войне¹¹.

Обратимся теперь непосредственно к репатрированным изданиям, хранящимся в книжном фонде ВИМАИВиВС, на которых можно увидеть печати зондеркоманд, которые занимались их вывозом из СССР в Германию в период Великой Отечественной войны. Все выявленные в книжном фонде издания имеют печать одной зондеркоманды, а именно – Sonderkommando AA Berlin W9.

– Блаватский В. Д. Греческая скульптура (учебное пособие к курсу античного искусства для художественных учебных заведений). М.-Л.: Госиздат «Искусство, 1939 г. 214 с. (в пер.). На титуле печать Исторической библиотеки в Киеве на украинском языке (НКО УРСР, Державна Исторична Бібліотека, Київ)¹². Другая печать на немецком языке – Sonderkommando AA Berlin W9. Перед этой надписью характерные две вертикальные молнии.

– Бычков А. Ф. (сост.) Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников Императорской публичной библиотеки. Ч. 1. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1882. Разд. паг. (в пер.). Имеются печати: Sonderkommando AA Berlin W9, НКО УРСР, Державна Исторична Бібліотека, Київ; Центральный исторический музей, Киев. Эклибрис: Из книг П. А. Кулаковского.

– Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии Наук. Т. 1. 1294–1598. Дополнены и изданы Высочайше учрежденной

Комиссией. СПб.: Тип. 2-го Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1836. Разд. паг. Имеются печати: Sonderkommando AA Berlin W9, Библиотека Императорского Университета Св. Владимира в Киеве, НКО УРСР, Державна Історична Бібліотека, Київ.

– Опись документов и дел, хранящихся в Сенатском Архиве. Отд. 3. Т. 1. СПб.: Сенат. Тип., 1910. 359 с. Имеются печати: Sonderkommando AA Berlin W9, Библиотека митрополита Флавиана.

– Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени / Археографическая комиссия. СПб., 1891. 982 с. (в пер.). (Русская историческая библиотека, т. 13). Имеются печати: Sonderkommando AA Berlin W9, Библиотека митрополита Флавиана.

– Древности восточные. Труды Восточной комиссии Императорского Московского Археологического Общества. Т. 2. Вып. 1. / под ред. М. В. Никольского. М., 1896. Разд. паг. (в пер.). Имеются печати: Sonderkommando AA Berlin W9, Библиотека митрополита Флавиана.

Яркой особенностью этого издания является сквозное отверстие диаметром около 1 см. Книга в достаточно твердом переплете, который с книжным блоком имеет толщину 18 мм.

Обращает на себя внимание удивительная сохранность книжных блоков и переплетов книг, прошедших долгий путь из нашей страны в Германию и обратно.

Библиотека киевского митрополита Флавиана (печать которой встречается на нескольких вышеописанных изданиях), епископа Русской православной церкви, митрополита Киевского и Галицкого¹³, была основана в 1909 г. и открыта в 1910 г. в Киеве. Книжный фонд представляет собой собрание литературы по истории, литературе, музыке и другим гуманитарным отраслям. После революции 1917 г. библиотека располагалась в историческом здании, в одном из корпусов Киево-Печерской Лавры (в советское время – Национальный Киево-Печерский историко-культурный заповедник).

Отдельно следует сказать о немецких трофейных брошюрах в книжном фонде ВИМАИВиВС. Путь этих брошюр можно проследить по штампам на их обложках. Это Штаб Инженерных войск, Научно-техническая библиотека Инженерного Комитета Сухопутных Войск, библиотека Инженерного музея.

На выявленных брошюрах сохранились следы их бытования – круглые печати с орлом и свастикой, печати специальных немецких военных школ: Войсковая школа для командиров батальона

и Регенсбургский учебный курс фанен-юнкеров, Германская военная миссия в Румынии; печати отдельных подразделений: Инженерного испытательного и учебного батальона № 68; 1-го батальона 595-го пехотного полка. Тематика брошюр следующая: противотанковое оружие ближнего действия, подрывные и зажигательные устройства, мины и взрыватели, минные заграждения зимой, инженерная служба зимой, подледные мины, инструкции о применении мин, строительство заграждений из колючей проволоки, инженерное снаряжение, шанцевый и другой инструмент.

Брошюры карманного формата, в мягких обложках, прошедшие немалый путь, имеют прекрасную сохранность, не порваны и не загрязнены. На некоторых из них имеется рукописная пометка «Уничтожить» с датой 1960 г. По неизвестным причинам небольшая часть немецких трофейных брошюр осталась не уничтоженной, что ценно для сохранения истории Второй мировой войны – самой большой и кровавой войны в истории человечества. К сожалению, история имеет свойство повторяться, и происходящие в настоящее время на Украине военно-политические события подтверждают этот тезис. Киево-Печерская Лавра разграблена, уничтожаются носители (книги) русской культуры и духовности, русского языка, русско-украинской истории. С учетом указанных обстоятельств, со временем может оказаться, что сохранившиеся в книжном фонде ВИМАИВиВС издания из библиотеки митрополита Флавиана приобретут уникальный статус.

¹ АВИМАИВиВС. Ф. ЗР. Оп. 10. Ед. хр. 1. С. 18, 29.

² Там же. Ед. хр. 4. Оп. 2, 3. С. 1, 4–6, пп. 17, 18, 20.

³ Там же. Ед. хр. 8. С. 36.

⁴ Там же. Ед. хр. 9. С. 61–64.

⁵ Там же. С. 31.

⁶ Там же. Ед. хр. 10. С. 44–45.

⁷ Там же. Ед. хр. 11. С. 76–78.

⁸ Там же. Ед. хр. 6.

⁹ Там же. Оп. 14. Ед. хр. 27. С. 28–30.

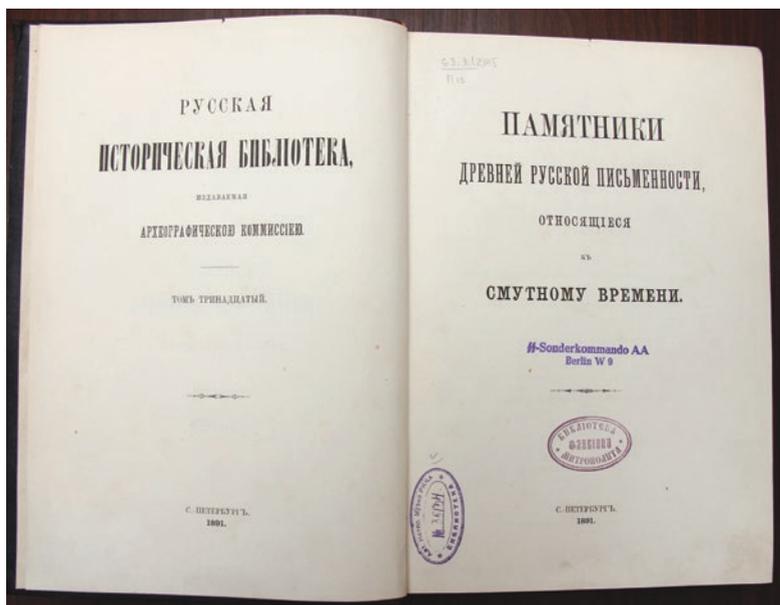
¹⁰ Там же. Оп. 10. Ед. хр. 11. С. 53.

¹¹ Там же. Оп. 9. Ед. хр. 235. Список № 1 «Б» книг на немецком, английском и французском языках, передаваемых ГДР из Артиллерийского исторического музея, г. Ленинград, к Акту от 17 ноября 1958 г.

¹² НКО УРСР – это Народный комиссариат обороны Украинской Советской Социалистической Республики (УРСР – Українська Радянська Соц ал стічна Республ ка). Державна Історична Бібліотека, Київ – это Национальная историческая библиотека

Украины в Киеве. Образовалась в 1939 г. на базе книжных фондов киевских музеев, а также личной библиотеки киевского митрополита Флавиана. Во время гитлеровской оккупации Киева здание библиотеки было разрушено.

¹³ Митрополит Киевский и Галицкий Флавиан (в миру Николай Николаевич Городецкий), представитель старинной дворянской фамилии, родился в г. Орле в 1840 г. По окончании Орловской гимназии в 1857 г. он поступает на юридический факультет Московского университета, где проучится четыре года. На этом заканчивается его мирская стезя и начинается духовный путь, от послушника Николо-Песношского монастыря до митрополита Киевского. География его службы весьма разнообразна: Москва, Казань, Симферополь, Крым. В 1873 г. Флавиан назначен членом Пекинской миссии. Изучив китайский язык, он переводит на китайский ряд богословских трудов и составляет богослужение на китайском языке, увеличивая тем самым православную китайскую паству. В 1884 г. он возвращается в Россию. С 1903 г. Флавиан – митрополит Киевский и Галицкий и священноархимандрит Киево-Печерской Успенской лавры. Скончался в 1915 г. Митрополит Флавиан (Городецкий) был одной из ключевых фигур русской церковной и гражданской истории дореволюционной России. Известен как общественный деятель, просветитель, благотворитель и миссионер. За свои труды он был награжден высшей наградой – орденом Святого Апостола Андрея Первозванного, а также орденами Св. Владимира 2 ст., Св. Александра Невского. Митрополит Флавиан собрал огромную библиотеку при Киевской лавре и завещал ей свое книжное собрание.

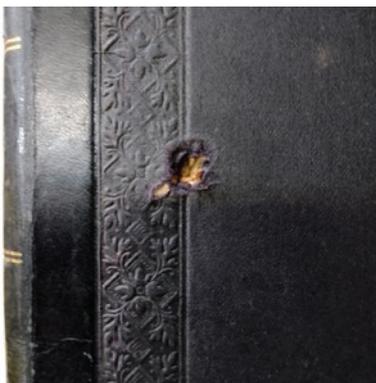
Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. СПб., 1891. Книга из Библиотеки митрополита Флавиана с немецкой печатью. ВИМАИВиВС

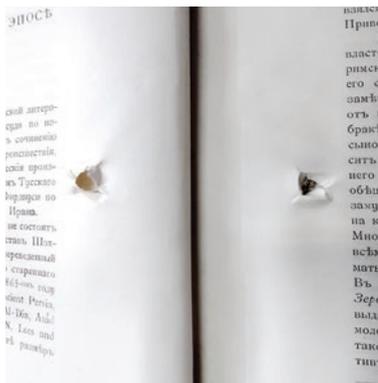
Блаватский В. Д. Греческая скульптура (учебное пособие к курсу античного искусства для художественных учебных заведений). М.-Л., 1939 г. Книга из Киевской исторической библиотеки с немецкой печатью. ВИМАИВиВС

Древности восточные. М., 1896. Штамп зондеркоманды. ВИМАИВиВС

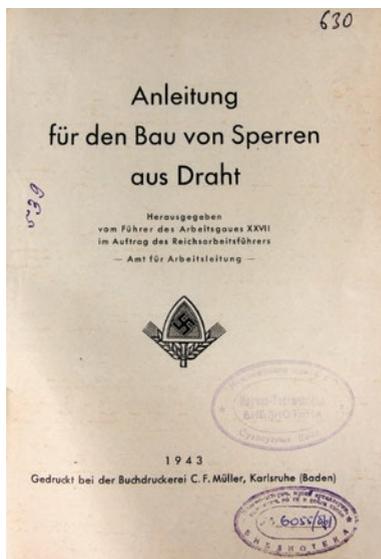
Древности восточные. М., 1896. Сквозное отверстие от сильного удара холодным оружием. ВИМАИВиВС

Древности восточные. М., 1896.

Митрополит Киевский Флавиан (Городецкий). <https://avna.spb.ru>

Трофейные немецкие брошюры . ВИМАИВиВС

В. В. Незговорова

ОФИЦЕРСКОЕ СОБРАНИЕ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ САПЕРНОГО БАТАЛЬОНА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В повседневной жизни офицеров русской императорской армии значительную роль играли офицерские собрания. Военные клубы как способ организации досуга офицеров известны в России с конца 70-х гг. XVIII в. В начале XIX в. стали появляться полковые библиотеки, а с середины века – полковые столовые или буфеты, тогда же массовой становится организация вечернего досуга офицеров. Практика показывала, «что основные мероприятия популярных внеслужебных форм работы с офицерами русской армии проходили в офицерских клубах (собраниях), деятельность которых не регламентировалась военным ведомством»¹.

Первый «Устав военных собраний» был принят 4 ноября 1874 г. (приказ по военному ведомству № 289). Почти десять лет спустя, 5 сентября 1884 г. было высочайше утверждено «Положение об офицерских собраниях в отдельных частях войск» (приказ по военному ведомству № 279). Положение стало основным документом «для руководства всем офицерским собраниям, как уже учрежденным при разных частях войск, так и впредь открываемым»². Положением были определены цели офицерских собраний: доставить офицерскому обществу средства для взаимного сближения, поддержки товарищеских отношений и развлечения в свободное от службы время, содействовать развитию военного образования и удешевить жизнь офицеров³.

Офицерские собрания, в зависимости от помещения и средств, могли располагать библиотекой, столовой, фехтовальным и гимнастическим залами, бильярдом, стрельбищем и т. п.⁴ Собрание было подчинено начальнику части, который являлся его председателем, а офицеры обязательно состояли членами собрания. Средства

офицерского собрания складывались «из суммы, отпускаемой из казны на улучшение быта офицеров, из взносов членов собрания, из денег, поступающих за игры, и других возможных источников»⁵. Для ведения хозяйственных и имущественных дел общее собрание офицеров избирало членов Распорядительного комитета, а также заведующего столовой (хозяина собрания) и библиотекаря⁶.

Статья посвящена основным направлениям деятельности офицерского собрания лейб-гвардии Саперного батальона в начале XX вв. и основана на документах из фондов и архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС). При подготовке статьи использовались фотографии из собрания музея лейб-гвардии Саперного батальона.

Лейб-гвардии Саперный батальон, основанный указом императора Александра I от 27 декабря⁷ 1812 г., занимал часть комплекса казарм лейб-гвардии Преображенского полка, располагавшихся по адресу: Преображенская⁸ улица, 35, 37, 39. Строительство зданий велось в 1802–1804 гг. по проекту архитектора Ф. И. Волкова (1755–1803), после его смерти работы были поручены Ф. И. Демерцову (1762–1823).

Несмотря на сохранившуюся обширную переписку по офицерскому собранию, связанную, прежде всего, с подготовкой к столетнему юбилею батальона, в абсолютном большинстве случаев адрес собрания в письмах не уточнялся, достаточно было указать: «В офицерское собрание лейб-гвардии Саперного батальона». Тем не менее, в архиве обнаружен документ с указанием адреса: счет Арнольда Бертольдовича Липгардта, «представителя для всей России» французской фирмы «Les Parfums Godet», на оплату одеколona, отправленного в двух ящиках по железной дороге 10 марта 1912 г. из Москвы «в офицерское собрание лейб-гвардии Саперного батальона, Санкт-Петербург, Преображенская, 37»⁹. Указанный адрес вызывает вопросы. Дом № 37 по улице Радищева (бывшей Преображенской) фасадом выходит на улицу, однако известно, что собрание располагалось в отдельно стоящем здании во дворе казарм. Сведения об этом имеются в «Дневнике лейб-гвардии Саперного батальона за 1902 г.»¹⁰. Запись от 20 декабря посвящена посещению императором Николаем II батальонного офицерского собрания, где «состоялся завтрак по случаю исполнения 25-летия перехода батальона через Балканы в 1877 году»¹¹. Император прибыл «ровно в 1 час дня», командир и офицеры батальона «ожидали

высоких гостей *на батальонном дворе у подъезда собрания* (курсив мой. – В. Н.)... вдоль всего двора, тылом к казармам, начиная от ворот с Кирочной улицы, были выстроены нижние чины, с которыми Государь Император при проходе изволил здороваться... *Поднявшись по лестнице* (курсив мой – В. Н.), в сопровождении... командира и офицеров батальона, государь император и государь наследник¹² вошли в зал собрания»¹³.

Во дворе Преображенских казарм до наших дней сохранилось здание, соответствующее этому описанию, его современный адрес: улица Радищева, д. 39, лит. В. Согласно данным КГИОП, 11 декабря 2018 г. здание включено в единый государственный реестр в качестве объекта культурного наследия регионального значения, в составе «Комплекса казарм лейб-гвардии Преображенского полка», под названием: «Флигель для музыкантов и мастеровых Саперного батальона». В исторической справке указано, что флигель был построен в 1863 г.¹⁴

Современному состоянию и истории этого «флигеля» посвящена статья журналиста Игоря Теплова, опубликованная на сайте интернет-журнала «Родина на Неве» 12 декабря 2021 г. под названием: «На музыкальный дом лейб-саперов спроса нет»¹⁵. Автор отмечает, что «флигель» – это четырехэтажный особняк площадью 2488 квадратных метров с участком; кроме того, «сохранившаяся парадная лестница и весьма импозантные залы (курсив мой. – В. Н.) плохо вяжутся с представлением о помещениях для военных музыкантов и мастеровых (какой-то сапожно-мундирный пошив). Здание больше напоминает офицерский клуб Саперного батальона, где, конечно же, были и вспомогательные помещения для оркестрантов»¹⁶. С этим утверждением трудно не согласиться. Однако попасть в здание непросто, у входа во двор – охрана в будке и шлагбаум. В настоящее время в интернете можно найти объявления об аренде и продаже офисов по этому адресу.

Согласно упомянутому выше «Положению об офицерских собраниях», членство в собрании могло быть трех видов: действительными членами собрания обязательно состояли все штаб-и обер-офицеры, служащие в части. Врачи и чиновники военного ведомства, занимавшие штатные места в части, не состоя членами, могли посещать собрание на правах временных членов¹⁷. Временными членами могли быть и ушедшие в запас офицеры. Бывшие командиры становились почетными членами собрания.

По данным «Списка действительным, почетным и временным членам офицерского собрания лейб-гвардии Саперного батальона» к 1 января 1897 г. действительными членами собрания батальона состояли 37 офицеров, ежемесячный взнос составлял по 2 рубля с каждого офицера; временными членами собрания состояли 5 человек, их взносы составляли по 50 копеек в месяц; на библиотеку каждый действительный и временный член собрания отдавал 3 рубля в год¹⁸.

В 1911 г. был издан «Систематический каталог офицерской библиотеки Лейб-гвардии Саперного батальона». Согласно предваряющим каталог «Частным правилам офицерской библиотеки Лейб-гвардии Саперного батальона», взносы временных членов составляли «по рублю в треть», действительные члены отдавали на библиотеку 1% годового жалования. Кроме того, военное ведомство выделяло на батальонную библиотеку 100 рублей ежегодно¹⁹.

В каталоге пять отделов; внутри каждого отдела книги собраны в тематические разделы, на русском и иностранных языках.

Первый отдел – «военный», самый обширный, состоял из 14 разделов, объединял книги по военно-инженерному искусству, военной истории, тактике и стратегии, артиллерии и топографии; военной администрации и статистике. К этому же отделу относились инструкции, наставления, положения, уставы; географические карты, планы, атласы; памятки, справочники, словари, пособия и учебники для солдат; военно-энциклопедические и военно-периодические издания. Следующий отдел, «Общий», состоял из 15 разделов и включал книги по различным отраслям знаний, технических и гуманитарных, таких как словесность, история, география, искусство, естественные науки, математика и механика, религия, философия, право, политика, народное образование, финансы, строительное искусство. Третий отдел был посвящен иностранным армиям, включал 16 пунктов, по названию стран. Следующий – отдел книг, поднесенных в дар генералом от инфантерии Н. Е. Нидермиллером²⁰. Переданное им в батальонную библиотеку обширное собрание составляли книги по военному искусству и военной истории, естественным наукам и праву, политической экономике и народному хозяйству, значительную часть собрания составляли иностранные издания. Последний, пятый

отдел, составляли книги, находившиеся в музее лейб-гвардии Саперного батальона.

Офицеры батальона могли оставлять свои пожелания о пополнении библиотеки в «Книге заявлений по библиотеке офицеров Лейб-гвардии Саперного батальона»²¹. В сохранившейся «Книге» за 1906–1914 г. содержится 60 записей. Большинство заявлений групповые (фамилии заявителей обязательно указывались); одно заявление, как правило, составлялось на несколько изданий. Против каждого заявления делалась отметка о решении Распорядительного комитета собрания по данному вопросу; обычно принималось положительное решение. Большое количество заявлений посвящено приобретению военных периодических изданий, словарей, энциклопедий. Особый интерес проявляли офицеры к работам, посвященным итогам Русско-японской войны. Так, в записи от 25 августа 1910 г. значится: «Теперь же следует купить издание Военно-исторической комиссии “Русско-Японская война” в 16 томах с 9 большими атласами. До выхода всего издания цена 20 руб., потом цена будет повышена. Пока вышло 8 томов и 4 атласа»²².

В заявлении от 3 июля 1911 г. перечислены «книги исторического содержания, которые, являясь библиотечной ценностью, будут служить... пособиями для г.г. офицеров, обучающихся в Императорском С.-Петербургском Археологическом институте»²³; всего упомянуто 16 работ по исторической географии, палеографии, нумизматике, дипломатике, архивоведению.

Среди записей – пожелания о пополнении собраний сочинений А. П. Чехова, А. Ф. Писемского, А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого²⁴, заявки на приобретение трилогии Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист», сочинений В. М. Дорошевича в трех томах, «Декамерона» Бокаччо и других²⁵.

Батальонная офицерская библиотека, в целом, имела техническую направленность: в ее составе преобладала литература по различным областям военно-инженерного искусства, военной истории, специальных и естественных наук. В то же время, состав библиотеки свидетельствует о разносторонних интересах офицеров. Отличительной чертой библиотеки лейб-гвардии Саперного батальона, как и других войсковых офицерских библиотек, была ее недоступность для широкой публики: пользоваться библиотекой могли только члены офицерского собрания.

Ил. 1. Столовая офицерского собрания лейб-гвардии Саперного батальона. Фотография К. Фишера. 1912 г. ВИМАИВиВС

Батальонная библиотека не сохранилась до наших дней. В 1922 г., сотрудникам военной секции Музейного отдела Главнауки пришлось делить имущество бывшего музея Лейб-гвардии Саперного батальона и его библиотеку с представителями Петроградского отдела ГПУ²⁶. В сохранившихся описях книги посчитаны «ящиками». Так, в ГПУ было вывезено 66 ящиков «книг разных»²⁷, а в Суворовский музей, использовавшийся как хранилище военного имущества Государственного Музейного фонда Ленинградского отделения Главнауки Наркомпроса РСФСР, – 112 ящиков «книг военных исторических»²⁸.

Дальнейшая судьба книжного собрания библиотеки лейб-гвардии Саперного батальона требует дополнительного изучения.

Важным документом о деятельности офицерского собрания является «Журнал постановлений общих собраний г.г. офицеров Л. Гв. Саперного батальона»²⁹. «Журнал» включает записи с марта 1907 по май 1914 г. На общих собраниях офицеры батальона обсуждали вопросы службы и быта, материальные возможности решения конкретных задач. В начале года проходили выборы в Распорядительный комитет и суд чести³⁰. Постановления

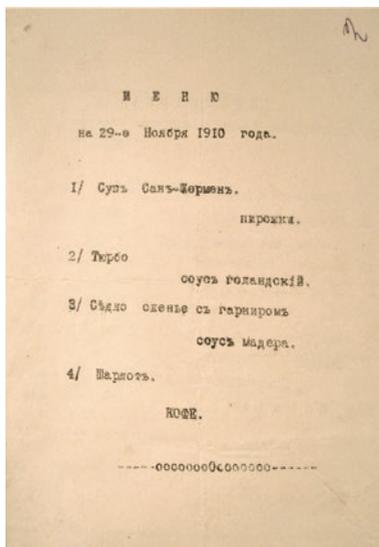
по каждому вопросу принимались большинством голосов присутствовавших офицеров и утверждались командиром части. Все утвержденные постановления отдавались приказами по батальону.

Ежегодно весной, перед тем, как батальон отправлялся на лето в лагерь, на собрании решался насущный вопрос о довольствии в лагере офицеров, «за исключением семейных, проживающих на дачах»³¹. В 1908 г. сумма за завтрак из двух блюд и обед из трех блюд, с чаем и кофе, составляла 30 руб. с офицера в месяц³², с 1909 – 33 руб.³³

Для укрепления товарищеских отношений между офицерами в свободное от службы время в столовой офицерского собрания организовывали так называемые «товарищеские обеды» (ил. 1).

Впервые такой обед упоминается в «Дневнике Лейб-гвардии Саперного батальона», в записи от 23 декабря 1881 г.: «Сегодня был первый ежемесячный обед в собрании батальона, устроенный по желанию офицеров. Участие в обеде принимают все офицеры, служащие в строю и носящие форму батальона. Решено обществом такие обеды делать раз в месяц»³⁴. В последующем, эта традиция неизменно поддерживалась. Представление о товарищеских обедах дают распечатанные на карточках меню (ил. 2).

Вопрос о стоимости «куверта» на таких обедах решался общим собранием. Так, 19 марта 1907 г. было решено «установить стоимость куверта с вином в Зр. 75 к.»³⁵. В 1913 г. цена была увеличена до 5 рублей³⁶. Напитки сверх установленной суммы оплачивались по отдельным счетам. Расходы за 1911–1913 гг. на напитки, приглашенных музыкантов и чаевые учтены в специальном журнале под названием «Ежемесячные обеды, приемы гостей и прочее»³⁷.

Ил. 2. Меню товарищеского обеда лейб-гвардии Саперного батальона. 29 ноября 1910 г. АВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2А. Д. 104. Л. 2

Ил. 3. Меню обеда в день батальонного праздника лейб-гвардии Саперного батальона. 2 июня 1886 г. Типо-литорафия Р. Голике. ВИМАИВиВС

Из записей следует, что офицеры отдавали предпочтение шампанскому «Абрау-Дюрсо» и различным французским винам. Впрочем, коньяки, ликеры, водка также присутствовали на столах ежемесячных обедов и приемов.

Суммы для праздничных приемов также определялись на общих собраниях и значительно отличались от сумм «товарищеских обедов». Например, в 1907 г. для устройства завтрака в день батальонного праздника, приходившегося на день святой Троицы, с приглашением «высшего начальства» и состоявших в списках батальона великих князей, а также организации «увеселений для нижних чинов», удерживалось по 25 рублей с каждого действительного члена собрания.

Традиционно в день батальонного праздника посылались букеты «высочайшим особам»³⁸. В собрании батальонного музея сохранилось более десятка меню званных обедов и завтраков, с программами «хора музыки», состоявшими, как правило, из маршей, вальсов, популярных оперных арий и романсов. Меню званных обедов, зачастую, были художественно оформлены, иногда написаны на французском языке (ил. 3).

В повестку офицерских собраний регулярно включались вопросы разовых отчислений и пожертвований на различные нужды. Так, 10 июня 1908 г. собрание постановило внести от имени всего офицерского состава батальона 100 рублей на создание в Москве музея 1812 года; столько же было внесено на «образование капитала имени генерал-лейтенанта Кондратенко и офицеров корпуса военных инженеров инженерных войск, защитников Порт-Артура»³⁹. 31 декабря 1908 г. было постановлено «сделать

подарок» подпрапорщику Ларионову по случаю 35-летия службы, «с вычетом не более 3 р. с каждого из г.г. офицеров»⁴⁰; 21 января 1909 г. – «оказать пособие» классному фельдшеру Соколову, «произведя для этого вычет с г.г. офицеров в размере 3 р. с каждого»⁴¹. Ввиду многочисленных просьб о пожертвованиях по случаю различных памятных дат, в 1911 г. собранием было решено ежемесячно удерживать с каждого офицера по 50 копеек «для образования отдельного капитала, из которого производить взносы по разным просьбам о пожертвованиях»⁴². Это решение оказалось вполне удачным: уже в феврале 1912 г. по постановлению собрания из этого капитала было пожертвовано «100 рублей на храм-памятник в память трехсотлетия Дома Романовых»⁴³; праздновавшим «100-летие своего зачисления в гвардию» лейб-гвардии Гренадерскому, Павловскому и Кирасирскому его величества полкам были преподнесены адреса в бюварах «ценой каждый в 40 рублей»⁴⁴.

Стоит отметить, что вопросы верности традициям воинской части, сохранения исторической памяти занимали значительное место в деятельности офицерского собрания батальона. Среди постановлений общих собраний офицеров можно отметить приобретение лампы для возложения на гробницы императора Александра I и великого князя Николая Николаевича Старшего⁴⁵, восстановление на Смоленском кладбище разрушившейся могилы офицера лейб-гвардии Саперного батальона первого состава Завалиевского⁴⁶. В 1911 г. по инициативе офицеров батальона было организовано перевезение праха первого боевого командира лейб-гвардии Саперного батальона, прославленного инженера-изобретателя генерал-адъютанта Карла Андреевича Шильдера (1785–1854) из румынского города Калараша в Санкт-Петербург для захоронения в батальонной церкви во имя святых великомучеников Космы и Дамиана, располагавшейся на Кирочной улице⁴⁷.

В 1907 г. началась подготовка к столетнему юбилею лейб-гвардии Саперного батальона, который праздновался 27 декабря 1912 г. В марте общим собранием офицеров было рассмотрено и принято «Положение о Юбилейном музейно-историческом комитете», избраны члены комитета. Источниками пополнения юбилейного капитала являлись «вычеты с офицеров, перечисления из других сумм батальона (запасного фонда офицерского заемного капитала и др.), пожертвования и специальные ассигнования»⁴⁸.

Ил. 4. Музей лейб-гвардии саперного батальона. 1912 г.
Фотография К. Фишера. 1912 г. ВИМАИВиВС

Были определены ежемесячные вычеты «с гг. офицеров... в юбилейный капитал в размере трех рублей с каждого»⁴⁹. «Положением» предусматривалось создание музея и составление истории батальона. Первый отчет Юбилейного комитета был заслушан 2 июня 1910 г. Членам комитета была выражена благодарность «за ревностное отношение их к порученному делу и за отчетливое и правильное ведение прихода и расхода как по денежным суммам, так и по различным предметам, касающимся до юбилея»⁵⁰. Но ввиду умножившихся расходов по предложению Юбилейного комитета было постановлено взносы увеличить и вычитать 10% из жалования офицеров на подготовку к празднованию юбилея батальона⁵¹. Из данных «Ведомости взносов г.г. офицеров в Юбилейный капитал»⁵² следует, что с этого времени и до конца декабря 1912 г. с генерала, командира батальона, взимали 12 р., полковники отдавали по 10 р., капитаны – по 9 р., штабс-капитаны – по 7р. 50 к.; поручики – по 6 р. 50 к., подпоручики по 6 р.⁵³

Расходы Юбилейного комитета учитывали в специальной «Расходной книге Юбилейного комитета Лейб-гвардии саперного батальона»⁵⁴ по графам: «на историю», «на музей»,

«общий». При этом кратко указывалось, кому и за какую работу выплачивались деньги, проставлялся номер счета: нумерация счетов единая за все годы по порядку поступления, с марта 1907 г. по декабрь 1912 г. Счета расходам также нумеровали и подклеивали в отдельную папку⁵⁵. Для музея приобретали литографии, рисунки, гравюры с изображением образцов формы одежды гвардейских саперов разного времени, портреты «державных шефов», великих князей, командиров, участников военных кампаний, скульптура и прочее⁵⁶.

Для хранения музейных предметов были куплены дубовые шкафы и витрины⁵⁷, приобретены «шторы зеленые» на окна⁵⁸, проведено электричество в помещение музея⁵⁹ (ил. 4).

Музей располагался в здании офицерского собрания. В ноябре 1912 г. офицеры батальона рассматривали на собрании вопрос об оборудовании решетки между помещением музея и гостиной. В итоге заказ стоимостью 1000 р. оплатило инженерное ведомство⁶⁰. Решетку украшало вырезанное из дерева скульптурное изображение двуглавого орла с топорами в лапах. Скульптура соответствовала киверному гербу лейб-гвардии Саперного батальона 1812 г., но была покрыта позолотой, тогда как киверный герб и весь приборный металл гвардейских сапер был цвета серебра (ил. 5).

В помещениях офицерского собрания находились живописные произведения, скульптура, графика, декоративные предметы, в том числе дары батальону от представителей правящей династии. Так, по завещанию великого князя Николая Николаевича Старшего⁶¹ в офицерское собрание была передана картина художника А. И. Гебенса 1856 г. «Великий князь Николай Николаевич Старший осматривает работы гвардейских сапер в устье Невы»⁶². Генерал-адъютант П. А. Витовтов (1797–1876), бывший командир гвардейских саперов, завещал батальону картину художника князя В. Н. Максудова «Император Николай I передает

Ил. 5. Скульптурное изображение двуглавого орла по образцу киверного герба лейб-гвардии Саперного батальона 1812 г. Украшение решетки, отделявшей помещение батальонного музея от гостиной офицерского собрания. 1912 г. ВИМАИВиВС

Ил. 6. Гостиная офицерского собрания лейб-гвардии Саперного батальона. Фотография Левицкого. 1890-е гг. ВИМАИВиВС

великого князя Александра Николаевича на руки гвардейским саперам. 14 декабря 1825 года»⁶³. Эти картины можно видеть на фотографии гостиной офицерского собрания 1890-х гг.⁶⁴ (ил. 6). Представлявшие интерес для музея предметы, оставаясь на своих местах, также находились в ведении батальонного музея⁶⁵.

Как и многие другие воинские части, лейб-гвардии Саперный батальон стремился получить к юбилею нагрудный знак. 2 декабря 1910 г. постановлением общего собрания офицеров батальона Юбилейному комитету было поручено «выработать юбилейный знак»⁶⁶. Высочайшее соизволение на учреждение знака последовало 31 октября 1912 г.⁶⁷ Знак – копия знаменитого памятника гвардейским саперам 1853 г., верхней его части в виде двуглавого орла с распростертыми крыльями под короной, в лапах перуны и венка, на постаменте надпись: «Подвигам лейб-гвардии Саперного батальона». Знак темной бронзы, для офицеров «доска с надписью – цвета золота. Для нижних чинов знак того же рисунка, но без расцветки»⁶⁸ (ил. 7).

16 августа 1912 г. офицерами была единогласно одобрена представленная Распорядительным и Юбилейным комитетами смета

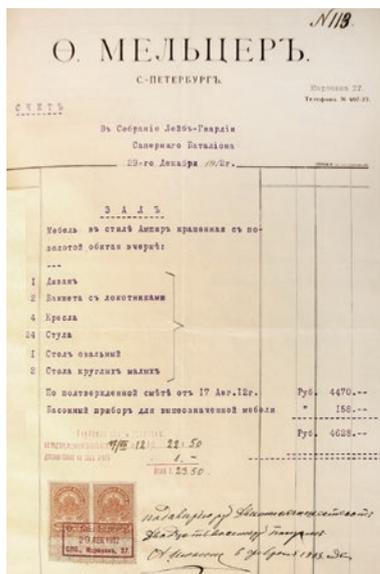
расходов по оборудованию собрания к празднованию столетия батальона⁶⁹. Расходы фиксировались в специальном журнале⁷⁰, опись приобретений и работ состоит из 134 пунктов с указанием уплаченной за каждый пункт суммы. Счета также подшиты в журнал. Итоговая запись гласит, что с сентября 1912 г. по февраль 1913 г. получено от батальонного казначея и истрчено 21036 р. 27 к., «к 20 февраля 1913 года остатка не состоит»⁷¹.

Во всех помещениях собрания была заменена электрическая проводка, куплены новые люстры и лампы; для вестибюля привезены три дубовые вешалки, зеркало с подзеркальником и два кресла красного дерева, за 260 р.⁷²; для зала заказана на фабрике Ф. Мельцера «мебель в стиле ампир крашенная с позолотой», всего 34 предмета (диван, банкетки, кресла, стулья, овальный стол и два малых круглых стола) общей стоимостью 4628 р.⁷³ Был куплен концертный рояль Blüthner за 1200 р.⁷⁴ Для гостей приобретены семь дюжин венских стульев на фабрике сплошногнутых деревянных изделий «Братья Тонет»⁷⁵, для музыкантов – 30 табуреток⁷⁶ (ил. 8).

На заводе братьев Корниловых были заказаны

Ил. 7. Нагрудный знак лейб-гвардии Саперного батальона (для нижних чинов). Высочайше утвержден 31 октября 1912 г. ВИМАИВиВС

Ил. 8. Счет фабрики Ф. Мельцера за мебель для зала офицерского собрания лейб-гвардии Саперного батальона. 12 декабря 1912 г. АВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2А. Д. 33. Л. 125

Ил. 9. Тарелка столовая из офицерского собрания лейб-гвардии Саперного батальона. Завод братьев Корниловых в Петербурге. 1912 г. ВИМАИВиВС

фарфоровые тарелки и чашки с рисунком нагрудного знака лейб-гвардии Саперного батальона, по счету было уплачено 926 р. 40 к.⁷⁷ (ил. 9).

Фирмой «М. Н. Ерыкалов» был проведен ремонт бильярдного стола и починка 16 киев, изготовлена дубовая киевница и 16 шаров слоновой кости⁷⁸. Большой объем работ по перетяжке мебели, пошиву штор и занавесей был выполнен обойщиками мебельно-обойной мастерской И. С. Титова⁷⁹. Для установки на батальонном дворе была куплена одна большая елка, 25 маленьких и елочные украшения⁸⁰.

28 декабря 1912 г. в обновленном собрании офицеры принимали императора Николая II и числившихся в батальоне великих князей Петра Николаевича⁸¹ и Бориса Владимировича⁸². Меню юбилейного обеда и программу «хора музыки» украшало тисненое изображение батальонного знака. В музее лейб-гвардии Саперного батальона хранилась фотография с этого торжества: император и великие князья в группе офицеров батальона и приглашенных лиц в зале Офицерского собрания (ил. 10). Согласно счету из фотоателье «А. Рентц и Ф. Шрадер», за «снимок 1 группы 28 декабря 1912 г.» уплачено 30 р.⁸³

Последняя запись в «Журнале постановлений общих собраний», от 16 мая 1914 г. посвящена устройству в Усть-Ижорском лагере, в день батальонного праздника, «увеселений для нижних чинов». Было решено вычесть «с каждого действительного члена собрания 5 рублей». Столько же вычесть на букеты императрице, великим княжнам и великим княгиням, приглашенным на богослужение в высочайшем присутствии. Кроме того, «на церковное богослужение и последующий за сим завтрак пригласить всех преждеслуживших, а также командиров отдельных частей,

Ил. 10. Император Николай II, великие князья Борис Владимирович и Петр Николаевич в группе офицеров лейб-гвардии Саперного батальона. 28 декабря 1912 г. Фотоателье «А. Рентц и Ф. Шрадер» («А. Rentz & F. Schrader»). ВИМАИВиВС

расположенных в лагере. Вычесть 15 рублей с каждого действительного члена собрания»⁸⁴.

Размеренная повседневная жизнь лейб-гвардии Саперного батальона была прервана Первой мировой войны. Как и другие столичные гвардейские части, батальон в начале августа 1914 г. был отправлен на фронт, в действующую армию. Революционные события 1917 г. стали настоящей трагедией русского офицерства, привели к разложению старой армии и окончательному ее расформированию весной 1918 г. Ушли в прошлое офицерские собрания с их кастовой обособленностью, духом любви и преданности «родному полку». В новой армии воспитание командиров проходило под лозунгами верности пролетарскому государству, большевистской партии и народу.

¹ Тихомиров А. В. История возникновения и развития основных форм деятельности офицерских собраний русской армии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 106. С. 25.

² Положение об офицерских собраниях в отдельных частях войск. СПб., 1903. С. 1.

³ Там же. С. 3.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 12.

⁶ Там же. С. 7–8.

⁷ Дата указана по старому стилю.

⁸ С 1935 г. – улица Радищева.

⁹ АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/27. Д. 85. С. 27.

¹⁰ Там же. Ф. 51. Оп. 96/2А. Д. 26/1. Л. 194–205.

¹¹ Там же. Л. 203 об.

¹² Михаил Александрович (1878–1918) – великий князь, наследник престола (1899–1904). Командир кавалерийских частей, командующий Кавказской туземной конной дивизией (с 1914), генерал-адъютант (1916), генерал-инспектор кавалерии (1917). Зачислен в списки лейб-гвардии Саперного батальона 27 мая 1900 г. (зачисление состоялось в день батальонного праздника).

¹³ АВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2А. Д. 26/1. Л. 203 об.–204.

¹⁴ Данные размещены на официальном сайте КГИОП: https://kgiop.gov.spb.ru/press-centr/news/46475/?page=39&querystring_key=page

¹⁵ Теплов И. «На музыкальный дом лейб-саперов спроса нет» <https://rodinanavev.ru/na-muzykalnyj-dom-lejb-sapurov-sprosa-net/>

¹⁶ Там же.

¹⁷ Положение об офицерских собраниях... С. 4.

¹⁸ АВИМАИВиВС. ИДФ НВФ 1018. Л. 15–16, 27.

¹⁹ Частные правила офицерской библиотеки л.-гв. Саперного батальона // Систематический каталог офицерской библиотеки лейб-гвардии Саперного батальона. СПб., 1911. С. 3.

²⁰ Николай Егорович Нидермиллер (1849 – после 1917) – военный инженер, окончил Николаевское инженерное училище (1869), Николаевскую академию Генерального штаба (1878); офицер лейб-гвардии Саперного батальона (1874–1878); участник Русско-турецкой (1877–1878) и Русско-японской (1904–1905) войн, генерал от инфантерии (1906).

²¹ ВИМАИВиВС ИДФ НВФ 1017.

²² Там же. Л. 8. Издание «Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа Военно-исторической комиссии по описанию Русско-Японской войны», Т. I–IX, вышло в Санкт-Петербурге в 1910 г.

²³ Там же. Л. 18.

²⁴ Там же. Л. 6 об.

²⁵ Там же. Л. 5.

²⁶ См.: Незговорова В. В. Музей лейб-гвардии Саперного батальона: история после 1917 года // Сборник исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Выпуск X. СПб.: ВИМАИВиВС, 2015. С. 444–457.

²⁷ ОР РНБ. Ф. 1001. Д. 57. Л. 28 об.

²⁸ Там же. Л. 27 об.

²⁹ ВИМАИВиВС КП ИДФ 1249 ИДФ 22-10.

³⁰ Сведения о выборах в суд чести в журнале имеются только за 1912–1914 гг. // ВИМАИВиВС КП ИДФ 1249 ИДФ 22-10. Л. 32, 39, 46 об.

³¹ Там же. Л. 6 об.

³² Там же.

³³ Там же. Л. 13 об.

- ³⁴ АВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2А. Д. 26-1. Л. 171.
- ³⁵ ВИМАИВиВС. КП ИДФ 1249 ИДФ 22-10. Л. 2.
- ³⁶ Там же. Л. 43 об.
- ³⁷ АВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2А. Д. 104.
- ³⁸ ВИМАИВиВС КП ИДФ 1249 ИДФ 22-10. Л. 3 об.–4 об.
- ³⁹ Там же. Л. 9.
- ⁴⁰ Там же. Л. 11 об.
- ⁴¹ Там же. Л. 12.
- ⁴² Там же. Л. 25 об.
- ⁴³ Там же. Л. 31.
- ⁴⁴ Там же. Л. 40 об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 33, 38.
- ⁴⁶ Там же. Л. 42 об.
- ⁴⁷ См.: Незговорова В. В. Карл Андреевич Шильдер. Возвращение в Россию // Консервация, реставрация и экспонирование памятников военной истории. Выпуск десятилетия. Материалы секции «Сохранение, реставрация и экспонирование памятников военной истории» Пятой международной научно-практической конференции «Война и оружие. Новые исследования и материалы». СПб., 2014. С. 81–98.
- ⁴⁸ АВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 26/2А. Д. 26, 27. Л. 302 об.
- ⁴⁹ ВИМАИВиВС КП ИДФ 1249 ИДФ 22-10. Л. 3.
- ⁵⁰ Там же. Л. 21.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² АВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2А. Д. 178.
- ⁵³ Там же. Л. 34 об. – 35.
- ⁵⁴ ВИМАИВиВС КП ИДФ 1253 ИДФ 22/13.
- ⁵⁵ Счета Юбилейного комитета Лейб-Гвардии Саперного батальона за 1907, 1908, 1909, 1910 и 1911 // АВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2А. Д. 48.
- ⁵⁶ О создании музея лейб-гвардии Саперного батальона см.: Незговорова В. В., Кириленко Е. Ю. «Составитель истории капитан Габаев». Формирование коллекции первой отдельной инженерной части русской гвардии // Военно-исторический журнал. 2015. № 4. С. 63–68.
- ⁵⁷ АВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2А. Ед. хр. 48. Л. 129, 186.
- ⁵⁸ ВИМАИВиВС ИДФ 22/13. Л. 9.
- ⁵⁹ Там же. Л. 10.
- ⁶⁰ ВИМАИВиВС ИДФ 22/10. Л. 36–37.
- ⁶¹ Николай Николаевич Старший (1831–1891) – великий князь, третий сын императора Николая I, генерал-фельдмаршал (1878), генерал-инспектор по инженерной части (с 1852, в обязанности вступил с 1856 г.), командующий (с 1867 – главнокомандующий) войсками гвардии и Петербургского военного округа (1864–1880). Зачислен в списки роты его величества лейб-гвардии Саперного батальона при рождении (27 июля 1831 г.). Зачислен в списки 2-й минерной (с 1844 г. – 3-й саперной) роты батальона 5 мая 1832 г. Назначен шефом 3-й саперной роты имени его высочества 25 января 1856 г.
- ⁶² ВИМАИВиВС ИДФ 1285/1 25-130.
- ⁶³ Картина была выдана в 1937 г. в Петергофский музей во временное пользование и не была возвращена к началу Великой Отечественной войны, утрачена в период оккупации Петергофа. О судьбе картины см.: Незговорова В. В. Картина В. Н. Максудова в собрании музея лейб-гвардии Саперного батальона. В поисках

утраченного // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Выпуск 27. Исследования и материалы. СПб., 2017. С. 22–34.

⁶⁴ ВИМАИВиВС ИДФ НВФ 1022-29.

⁶⁵ АВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2А. Д. 26-7. Л. 31.

⁶⁶ ВИМАИВиВС ИДФ 22/10. Л. 24.

⁶⁷ Дело Главного Штаба «Об утверждении нагрудных знаков, жетонов и медалей» // АВИМАИВиВС. Ф. 54. Оп. 1. Д. 16. Л. 107.

⁶⁸ Там же. Л. 108.

⁶⁹ ВИМАИВиВС ИДФ 22/10. Л. 33 об.

⁷⁰ Расход на обстановку офицерского собрания Лейб-Гвардии Саперного батальона 1912–1913 гг. // АВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2А. Д. 33.

⁷¹ Там же. Л. 1.

⁷² Там же. Л. 29–30.

⁷³ Там же. Л. 125.

⁷⁴ Там же. Л. 134–135.

⁷⁵ Там же. Л. 118–120.

⁷⁶ Там же. Л. 3 об.

⁷⁷ Там же. Л. 137.

⁷⁸ Там же. Л. 122.

⁷⁹ Там же. Л. 94–95.

⁸ Там же. Л. 101–105.

⁸¹ Петр Николаевич (1864–1931) – великий князь, второй сын великого князя Николая Николаевича Старшего. Генерал-лейтенант, генерал-адъютант (1908); генерал-инспектор по инженерной части (1904–1909). Зачислен в списки лейб-гвардии Саперного батальона с 10 января 1864 г. (зачисление состоялось в день рождения).

⁸² Борис Владимирович (1877–1943) – великий князь, второй сын великого князя Владимира Александровича. Генерал-майор Свиты (1914), командир лейб-гвардии Атаманского полка (1914–1915), походный атаман при Верховном главнокомандующем (1915). Зачислен в списки лейб-гвардии Саперного батальона с 17 мая 1909 г. (зачисление состоялось в день батальонного праздника).

⁸³ АВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2А. Д. 33. Л. 100.

⁸⁴ ВИМАИВиВС ИДФ 22/10. Л. 47.

Н. А. Оводков

**ПАРА ДУЭЛЬНЫХ ПИСТОЛЕТОВ
БУДУЩЕГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
И. А. ВЕЛЬЯМИНОВА (1771–1837)
В СОБРАНИИ ВИМАИВ_иВС**

«Щит разделен перпендикулярно на две части, из коих в правой в золотом поле изображена половина Орла белого в золотой на главе Короне. В левой в красном поле означены крестообразно три Палицы, имеющие рукоятки и копыя золотые <...>»¹ – гласит описание герба дворянского рода Вельяминовых, изображение которого, хоть и в несколько грубоватом исполнении, мы видим на владельческих щитиках пары кремневых пистолетов, хранящихся в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее – ВИМАИВ_иВС) (ил. 1–3).

Пистолеты представляют собой крепкие, надежно собранные образцы, с минимальным количеством декоративных элементов (ил. 4). Исключением в их «спартанском» оформлении являются затыльники рукояток и наконечники цевья, выполненные из серебра 960-й пробы (в XIX в. – 88 проба. – *Н. О.*) и дарственная надпись, выполненная на стволах: «Л.Г. Семеновскаго Полка, От штаб и обер офицеров Декабря 12 дня 1807 года» (ил. 5 а, б). Исполнение, герб рода Вельяминовых и дарственная надпись опровергают теорию предыдущих исследователей о принадлежности этих образцов командиру лейб-гвардии Семеновского полка генерал-майору Л. И. Депрерадовичу и сменившему его в 1807 г. генерал-майору Н. И. Вердеревскому и, тем более, опровергает вероятность их принадлежности императору Александру I, шефу полка в 1800–1825 гг. Стоит отметить, что 18 лет назад одному из исследователей удалось определить владельца пистолетов,

Ил. 1. Изображение герба дворянского рода Вельяминовых в Общем гербовнике дворянских родов Российской империи, 1798 г.

Ил. 2, 3. Изображения герба дворянского рода Вельяминовых на металлических щитиках, смонтированных на шейках рукояток пистолетов. ВИМАИВиВС

Ил. 4. Пара дуэльных пистолетов, принадлежавших И. А. Вельяминову, Н. Носк, г. Лондон, Великобритания, первая половина 1800-х гг., общий вид. ВИМАИВиВС

Ил. 5 а, б. Дарственная надпись, нанесенная на стволы пистолетов. ВИМАИВиВС

однако в опубликованном тематическом материале не были приведены ни изображение герба рода, ни любопытные эпизоды биографии предков владельца оружия², кроме того, автором было выдвинуто ошибочное предположение о времени поступления предметов в собрание музея. И, что самое важное, автором статьи не было оставлено в учетно-фондовой документации музея

Ил. 6. Портрет генерала от инфантерии И. А. Вельяминава, литография Песецкого, 1840–1860-е гг. ВИМАИВиВС

ни одной пометки, ни какого-либо упоминания о сделанном им тогда открытии, в результате чего пистолеты так и остались обезличенными. Такими они попали и в витрину современной музейной выставки «Знают турки нас и шведы... К 340-летию создания лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков», открытой в 2023 г. В этой статье попытаемся исправить ряд ошибок автора первой статьи и представим новые данные исследования.

В 1807 г. единственным человеком из рода Вельяминовых в составе лейб-гвардии Семеновского полка, которо-

му штаб- и обер-офицеры могли вручить памятное оружие, был полковник Иван Александрович Вельяминов, командовавший батальоном полка в битве при Аустерлице 1805 г. (ил. 6).

Иван Александрович Вельяминов 1-й родился в 1771 г. в родовом имении с. Медведки Алексинского уезда Тульской губернии. Его род восходил к варягу Шимону Африкановичу, прибывшему с тремя тысячами людей в 1027 г. к князю Ярославу Владимировичу в Киев. Основателем рода стал Вельямин Андреевич, дед которого, Юрий Васильевич Грунка, был правнуком варяга Шимона, а в будущем Симона³.

В 1805 г. И. А. Вельяминов командовал батальоном полка в битве при Аустерлице, позже отличился в сражениях при Гуттштадте, Гейлсберге и Фридланде. 12 декабря 1807 г. он был произведен в генерал-майоры и покинул полк, будучи назначенным шефом Кексгольмского мушкетерского полка, сменив уже упомянутого генерал-майора Н. И. Вердеровского. В связи с этой датой и в память о совместной службе боевые товарищи преподнесли офицеру пару дуэльных (дуэльно-целевых) пистолетов, изготовленных в начале 1800-х гг. (до 1807 г.) в мастерской выдающегося

Ил. 7. Замочная доска с обозначением мастера. ВИМАИВиВС

оружейника Генри Нока (Henry Nock; г. Лондон, Великобритания)⁴. О принадлежности к мастерской Нока свидетельствует обозначение мастера «H. Nock» на замочных досках пистолетов (ил. 7). Благодаря двухсоставной дарственной надписи на стволах, выполненной в технике травления золотом, перечислим тех, кто был среди штаб- и обер-офицеров полка на момент указанной даты⁵: Валентин Егорович Анненков (1801–1809), Николай Яковлевич и Всеволод Яковлевич Аплечеевы (1799–1808, 1803–1809), Николай Иванович Бедрицкий (1806–1808), Павел Сергеевич Берников (1805–1811), Иван Павлович и Николай Павлович Бестужевы-Рюмины (1807–1808, 1807–1810), Павел Гаврилович Бибииков (1804–1809), Павел Дмитриевич Боборыкин (1800–1807), Христофор Александрович Бринкен (1806–1816), маркиз Николай Львович Бриере де Мортре (1807–1913), князь Альфонс-Гавриил-Октав де Броглио Ревель (1804–1816), Карл-Франциск-Владислав де Броглио Ревель (1807–1813), Андреян Федорович Белов (1798–1808), Николай Иванович Вердеревский (1807–1809), Александр Николаевич Верещагин (1807–1816), Аркадий Иванович Верховский (1806–1807), Степан Семенович Веселовский (1802–1809), Николай Степанович Виткович (1806–1811), Иван Григорьевич Герман (1800–1807), Авраам Иванович Гинц (1802–1808), князя Александр Сергеевич

и Павел Сергеевич Голицыны (1807–1815, 1807–1810), Александр Яковлевич Губерти (1800–1811), барон Максим Иванович де Дамас (1800–1812), Леонтий Иванович Депрерадович (1799–1807), барон Иван Иванович Дибич, граф Забалканский (1801–1810), Иван Александрович Дишин (1805–1816). Можно предположить, что среди этих 29 офицеров полка обязательно были те, которые вошли в группу дарителей.

Ошибка в начертании дарственной надписи (буква «щ» вместо «ц»), а также низкое качество исполнения уже упомянутых владельческих монограмм могут свидетельствовать о сильной спешке при их нанесении. Можно предположить, что о переводе Вельяминова на должность шефа Кексгольмского полка его боевые товарищи узнали сравнительно поздно и вынуждены были оперативно заняться приобретением пистолетов и их оформлением.

Судьба И. А. Вельяминова после перевода на новую должность была полна событий. Вместе с полком он участвовал в войне со Швецией 1808–1809 гг., совершил переход по льду через Кваркен (узкую часть Ботнического залива, соединяющую его северную и южную части). Согласно некоторым данным, он был предан военному суду за «неудовлетворительное командование полком»⁶. В период Отечественной войны 1812 года Вельяминов командовал 33-й пехотной дивизией, входившей в состав корпуса И. Н. Эссена 1-го в боях против маршала Жака Макдональда, затем командовал авангардом корпуса графа Ф. Ф. Штейнгеля, отличившись в ночных действиях около г. Мезоттена. В 1813 г. он продолжил службу в должности начальника штаба корпуса герцога А. Вюртембергского при осаде г. Данцига, получил ранение в грудь. За отличие Вельяминов был произведен в генерал-лейтенанты, в 1814 г. назначен командиром 1-го пехотного резервного корпуса, а позже начальником 25-й пехотной дивизии в составе корпуса Е. Вюртембергского. В 1818 г. он был назначен начальником 20-й пехотной дивизии в составе Грузинского корпуса, а позднее был направлен в Имеретию для подавления вспыхнувшего там восстания. В 1828 г. Вельяминов был назначен командующим отделением Сибирского корпуса, а через год – генерал-губернатором Западной Сибири и произведен в генералы от инфантерии. Иван Александрович Вельяминов ушел из жизни в 1837 г., оставив после себя в истории не только эпизоды воинской славы, но и переведенную им с французского трагедию

Шекспира «Отелло»⁷, которая в будущем неоднократно повторялась на русской сцене. Он был похоронен на кладбище Даниловского монастыря, некрополь которого был ликвидирован в 1930-е гг.

Материальное наследие Ивана Александровича, может быть, и невелико, но интересно. Известно, что в собрании Государственного Эрмитажа хранится его портрет кисти художника Джорджа Доу (George Dawe) (ил. 8). Портрет экспонируется в Военной галерее Зимнего дворца. Фотографический отпечаток живописного портрета был передан музеем Кексгольмского полка из офицерского собрания⁸, однако его дальнейшая судьба неизвестна. С этого произведения впоследствии также был выполнен литографированный портрет, который публиковался в ряде печатных изданий⁹. В результате этого исследования к сохранившемуся живописному портрету И. А. Вельяминова и его литографированной копии теперь добавилась пара дуэльных пистолетов, которые ныне хранятся в особо-ценном оружейном фонде музея по причине наличия в отделке элементов из драгоценного металла. Еще одно произведение декоративно-прикладного искусства

Ил. 8. Портрет И. А. Вельяминова, Дж. Доу, холст, масло, 1828 г., Великобритания. Государственный Эрмитаж, ГЭ-7959

Ил. 9. Портрет шефа Кексгольмского мушкетерского полка генерала И. А. Вельяминова; миниатюра; неизвестный художник; кость, акварель, гуашь; 1812–1819 гг. ВИМАИВиВС

Ил. 10. Надгробный памятник И. А. Вельяминову в некрополе Даниловского монастыря, желатино-серебряный отпечаток, бумага, начало XX в. ГИМ 21_12355

с изображением портрета Ивана Александровича было создано, когда он пребывал в должности шефа Кексгольмского полка – это миниатюра на кости (ил. 9). И, наконец, известно, что надгробие захоронения Вельяминова не сохранилось из-за ликвидации некрополя, однако еще в бытность его существования была произведена фотофиксация, в результате чего мы знаем, как оно выглядело (ил. 10).

История поступления дуэльной пары в собрание ВИМАИВиВС, с одной стороны, вполне ясна, с другой стороны, полностью документально не подтверждена. Высока вероятность, что первоначально пистолеты хранились в музее

Кексгольмского полка (полковом музее). После событий 1917 г. значительная часть коллекций полковых музеев, количество которых было около 300, пошла по трем основным путям: передана в Москву, выдана красноармейцам для бытовых нужд и передана в здание Кронверка на хранение в Артиллерийский музей. Вплоть до мая 1927 г. окончательно вопрос о судьбе полковых музеев не был решен, а чуть позже, в том же году, все военные музеи оказались в системе Народного комиссариата по военным и морским делам РСФСР. В марте 1930 г. военные музеи стали частью крупного подразделения, именованного Военно-историко-бытовым музеем (далее – ВИБМ), хранилище которого разместилось в здании Артиллерийского исторического музея.

С момента смерти И. А. Вельяминова в 1837 г. и вплоть до середины 1920-х гг. история бытования пистолетов остается неизвестной. Можно с уверенностью сказать, что в начале XX в., на момент публикации описи, пистолеты не входили в состав собрания музея Кексгольмского полка¹⁰, хотя предыдущий исследователь

в приведенной выше статье утверждал, что реликвии поступили в период 1918 – начала 1920-х гг. из полкового музея. Дуэльная пара Вельяминова неожиданно всплывает в описи Михайловского фонда¹¹, составленной в 1926 г., что означает, как минимум формально, что пистолеты ранее входили в состав Музея Великого Князя Михаила Николаевича в Ново-Михайловском дворце. Прямое отношение пистолетов к коллекции великого князя на данный момент не имеет документальных подтверждений¹², что обязывает отметить необходимость дальнейшего исследования истории бытования этой дуэльной пары как важной реликвии ушедшей эпохи.

¹ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской Империи, начатый в 1797 году. Ч. II. 1798. С. 22.

² Белинский А. Английская пара // Калашников. Оружие, боеприпасы, снаряжение. 2005. № 3. С. 18–21.

³ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской Империи, начатый в 1797 году. Ч. II. 1798. С. 23.

⁴ Stöckel J. F. Der Neue Stöckel. 1978–1982.

⁵ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2075. Алфавитный список офицеров лейб-гвардии Семеновского полка 1683-1916. Электронное обращение на портале gwar.mil.ru 07/08/2023 Л. 2–14. Автором перечислены лишь те офицеры, которые служили в полку в год перевода Вельяминова.

⁶ Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» И. Д. Сытина. СПб.: изд-во «Экополис и культура», 1995. С. 253.

⁷ Там же.

⁸ Описание музея Л.-Гв. Кексгольмского Императора Австрийского полка / Сост. Б. Адамович. Варшава, 1907. Отд. VIII. С. 196. № 23.

⁹ Михайловский-Данилевский А. И. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах: военная галерея Зимнего дворца, СПб., издание И. Песоцкого, 1845–1849; Портреты генералов – воспитанников шляхетского кадетского корпуса, издание И. Песоцкого, 1840–1860-е гг.

¹⁰ Описание музея Л.-гв. Кексгольмского Императора Австрийского полка / Сост. Б. Адамович. Варшава, 1907.

¹¹ АВИМАИВиВС. Ф. 1р. Оп. 1. Д. 4. Л. 243 об. № 19865–19866.

¹² Струков Д. Музей имени Великого Князя Михаила Николаевича. СПб., 1911.

А. Г. Панкратов

КОЛЧАН-КИВЕР ДЛЯ СТРЕЛ АРБАЛЕТА ИЗ ЗАЛА «ОРУЖИЕ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ XV–XVII ВВ.»

Футляры (колчаны) для ношения стрел («сквиреллов», «болтов»)¹ – часть вспомогательного снаряжения лучников и арбалетчиков. В развитом средневековье колчан-кивер (quiver – англ.) для арбалетных стрел неизменно входит в вооружение стрелка среди прочих предметов снаряжения: крюков, стационарных деревянных лебедок для натяжения тетивы мощных арбалетов, а в более позднее время – механических приспособлений для натяжения, прикрепляемых на ложе.

Дополнительное снаряжение арбалета в отечественной историографии практически не освещалось. Несколько страниц арбалету западноевропейского средневекового войска в своей монографии «Оружие»² посвятил П. П. фон Винклер; этот труд во многом опирался на энциклопедическое издание немецкого ученого В. Бейхма³. В работе были кратко представлены основные типы арбалета эпохи развитого средневековья, перечень дополнительного оружия и снаряжения стрелка. В 1966 г. было выпущено периодическое издание в рамках свода «Археологии СССР», где А. Ф. Медведев взялся осветить историю русского самострела-арбалета⁴; этот труд и в настоящее время остается значимой работой, хотя во многом уже подвержен уточнениям. А. Ф. Медведев пояснил общее устройство позднего арбалетного лука и фиксирующего тетиву приспособления, устроенного в ложе, предполагая, что самострелы более раннего периода имели сходное устройство; сообщил о находке «костяной детали» – «ореха» в Гродно; «стальной детали спускового механизма арбалета», обнаруженной в Великом Новгороде; дополнительное снаряжение, сопровождающее самострел, в работе не рассматривалось. Единственное упоминание в работе

А. Ф. Медведева, относящееся к снаряжению арбалета, – комментарий о находке крюка для натяжения тетивы, он был обнаружен на территории Шепетовского городища на Волини, как считалось тогда, летописного Изяславля⁵. В сборнике КСИА от 1971 г. А. Н. Кирпичников подробно описал шепетовский крюк, относящийся к времени не позднее 1241 г.⁶, позднее было указано на древность данного устройства по сравнению с арбалетным крюком из шведского замка Арена, разрушенного вскоре после 1305 г.⁷

В дальнейшем в отечественной историографии появились научные и научно-популярные работы, посвященные арбалету, сопроводительное снаряжение в них не рассматривалось или рассматривалось поверхностно.

Большое количество материала, связанного с арбалетом, дали прибалтийские археологические находки, зафиксированные еще в советскую эпоху⁸. Двойные поясные крюки для самострелов, например, найдены в Латвии в замках Вецдоле⁹, Тервете¹⁰, но в слоях более поздних, чем крюк из Шепетовского городища. Эти находки, безусловно, связаны с экспансией духовно-рыцарских орденов на прибалтийские земли.

По мнению Ю. Н. Бохана, исследовавшего арбалеты Великого княжества Литовского в XIV–XVI вв., опираясь на материал письменных источников, данное оружие составляло значительную конкуренцию луку¹¹. Он в рамках иллюстративного метода представил археологически обнаруженные на территории всего Великого княжества Литовского, включая земли современной Украины, элементы местного арбалета («баллисты», «самострела»): спусковые рычаги, «орехи» и механизмы для его натяжения. В частности, Ю. Н. Бохан предполагал, что «козья нога», английский и немецкий ворота употреблялись с тринадцатого столетия¹²; также в работе были отмечены находки поясных крюков для натяжения из Лидского замка¹³ и городища Зеленая Липа¹⁴.

Непосредственно материалом, связанным с арбалетом, происходящим с территории современной Литвы, занимался Г. Рацкявичюс¹⁵. В работе «Арбалет и лук в Литве в XIII–XVI вв.» он старается показать, что самострел чаще другого метательного оружия использовался во время войн Великого княжества Литовского и Ордена крестоносцев. В XIV–XV вв. именно самострелы были преобладающим метательным оружием крестоносцев. Однако, литовские стрелки, по мнению Г. Рацкявичюса, предпочитали аналогичное

вооружение. Автор опубликовал элементы арбалетного цевья, найденные на территории современной Литвы, – костяные фиксаторы стрел, «орехи», создал наглядные графически реконструкции арбалета, основанные на находках вильнюсских мастеровских¹⁶.

Арбалетное вооружение, происходящее с западных средневековых территорий Руси, исследовали В. А. Плавинский и Н. А. Плавинский¹⁷. Разнообразные военно-технические контакты населения современной Белоруссии на Западе белорусского Подвинья и Верхнего Понеманья, литовцы, которые беспрестанно противостояли крестоносцам, – все эти факторы обеспечили появление определенных особенностей в вооружении средневековых земель Белоруссии, вероятно, и в оснащении арбалетами. Маркеры присутствия в различных городах Белоруссии: городища Прудники, Масковичах, Волковыске, Бресте, Полоцке, Лукомле, Гродно, Новогрудке – наконечники стрел арбалета¹⁸. В Бресте при раскопках обнаружены два экземпляра спусковых механизмов типа «орех», они относятся к XV в.¹⁹; два «ореха» происходят из находок в Гродно (один из них упомянут у А. Ф. Медведева), помимо прочих находок присутствуют фиксаторы стрел, выполненные из роговых пластин²⁰. Выводы, сделанные В. А. Плавинским, – арбалет был распространен в основном на территории Верхнего Понеманья, на остальных территориях Белоруссии широко не применялся.

Схожие тенденции присутствуют в анализе вещевого материала Пскова. Периоды активного натиска орденских немцев на передовые укрепления Пскова – Изборскую крепость оставили следы ведения боя при помощи арбалета – наконечники болтов занимают значительную часть материала, относящегося к стрелам. В целом только по данным 1987 г. в Пскове в целом найдено около 200 наконечников стрел, причем 20% из них – арбалетные. В Изборске количество последних, по мнению А. Р. Артемьева, достигает 40% (от 130 экземпляров). Наконечники арбалетных стрел встречены также в Вороначе, Велье, Котельно и Гдове²¹. 33 ед. происходят с Изборского городища, в свое время они были опубликованы также А. Р. Артемьевым²². В раскопах Изборской крепости на Жеравьей горе наконечники лука составляют совершенно ничтожную часть – превалируют находки арбалетных болтов. Например, только с четырех раскопов Изборской крепости на Жеравьей горе происходят 40 наконечников арбалетных стрел²³. В настоящее время трудно оценить величину коллекции

стрел самострела, происходящих из земель Пскова, но, по-видимому, цифра может достигать в несколько сот экземпляров.

Обширные коллекции наконечников стрел арбалета, найденные на территории России, происходят также с территории крепости Орешек²⁴, Выборгского замка²⁵; при раскопках шведской крепости Ландскрона было найдено черешковых наконечников 26 экз., втульчатых – 5 экз.; втульчатыми являются 2 крупных наконечника от аркбаллисты. Установлено, что при штурме Ландскроны обстрел велся как осажденными шведами, так и осаждающими крепость новгородцами²⁶.

В зарубежной историографии наиболее актуальны по теме арбалетных стрел исследования Б. Циммерманна²⁷, базирующиеся на разборе 3872 единиц хранения, происходящих из 199 мест. Примерно половина материала, обработанного Б. Циммерманном, происходит из Швейцарии (2016 экз. из 96 мест), Франции (1114 экз. из 14 мест), Германии (549 экз. из 85 мест), Лихтенштейна (193 экз. из 4 мест). Таким образом, это наиболее выверенный типологически-хронологический массив, позволяющий достоверно вычленять ранние и поздние типы болтов, а также возможную их региональную привязку. Для сравнения: Г. Рацкявичюс заявляет о 2267 болтах самострела, известных по археологическим исследованиям на территории Литвы, а В. Н. Плавинский говорит о более чем 200 ед. находок наконечников с территории Белоруссии. По данным А. Ф. Медведева от 1959 г., в Новгороде Великом были найдены не менее полусотни наконечников от арбалетных болтов²⁸.

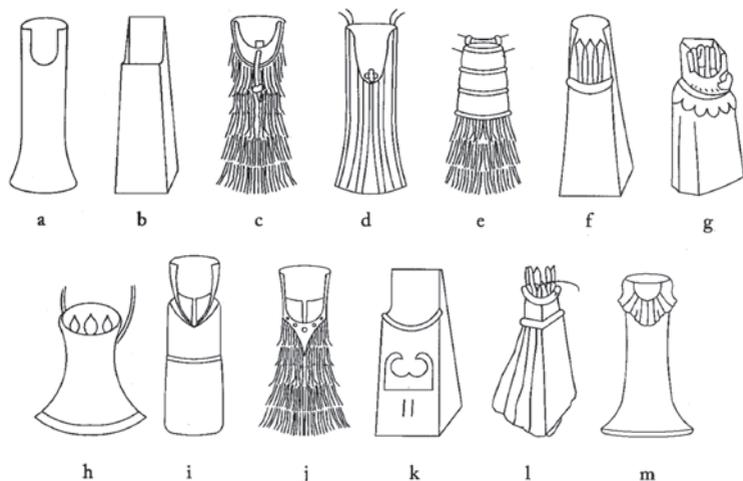
В процессе исследования историографии арбалетного вооружения становится понятно, что в отечественных работах пристальное внимание уделяется лишь массовому археологическому материалу, связанному с арбалетным вооружением – наконечникам стрел²⁹. Для данного вида оружия разработаны детальные классификации. Исследования советского периода, российская историография и исследователи ближнего зарубежья, пожалуй, кроме Г. Рацкявичюса, особо не касались развития и особенностей конструкции арбалета и уж тем более вспомогательного снаряжения. Из приведенного историографического обзора видно, что арбалет часто использовался в средневековом русском войске, но в отечественной историографии никогда не пытались строить предположений, как именно выглядело вместилище для стрел. Безусловно,

основанием для этого явилось отсутствие вещевого материала, связанного с данным типом снаряжения.

В целом, можно констатировать, что к арбалету в отечественной историографии сформировалось особое отношение: судя по всему, он являлся для Древней Руси, в начальном периоде своего существования, некой зарубежной, не очень популярной инновацией, скорее всего, пришедшей с иностранным военным контингентом; вместе с тем, в настоящее время применение его древнерусскими воинами можно охарактеризовать как близкое знакомство, использование, но не тотальная популярность³⁰. Особенности регионального развития военного дела, по-видимому, сразу корректируют количество арбалетов в русском войске: противостояние западным или северным крестоносцам сказывается на процентном соотношении находок наконечников стрел лука и наконечников болтов в сторону тотального увеличения количества болтов. В XIV–XV вв., как видится, арбалет – достаточно обыкновенное оружие для Новгорода, Пскова, Москвы и прочих русских городов, а в XVI столетии он выходит из употребления³¹.

Облик, типы, постепенное изменение арбалета как вида оружия для древнерусской территории остаются не освещенными, да и в целом, наверное, сложно выполнить данную работу. Существуют находки всего лишь двух фрагментов спускового механизма типа «орех» на территории Пскова, на Петровском и Васильевском раскопах³²; из Пскова происходит фрагмент деревянной дуги арбалетного лука и элемента, заявленный как фрагмент спускового «штырькового» механизма сбрасывания тетивы³³. Безусловным лидером по количеству находок элементов ложа арбалета являются западнорусские, белорусские земли³⁴, где обильный археологический материал, напитанный экспансивной оружейной паноплией духовно-рыцарских орденов, смыкается с западнорусским. Таким образом, для постижения и ознакомления с возможными типами и образцами арбалета и арбалетного снаряжения ничего не остается, кроме обращения к коллекциям западноевропейских музеев и работам зарубежных коллег, где линейка типов данного вида оружия очень представительна. Достаточно богата европейская археология арбалета, на основании которой можно строить предположения о самых ранних типах данного оружия.

Итак, как уже было упомянуто, развитие арбалета достаточно полно освещено в зарубежной историографии. Этому

Ил. 1. Типологический-иллюстративный ряд развития футляра для болтов по Я. Кручке: а. 1300 г.; б. 1346 г.; в. 1350–1353 г.; д. 1377 г.; е. XIV в.; ф. начало XV в.; г. 1440 г.; h. около 1450 г.; и. 1480 г.; j. 1470–1490 гг.; к. 1480 г.; л. XV в.; м. XV в.

традиционному боевому механизму европейского воина, практически одному из символов западноевропейского средневекового оружия, луку, мечущему стрелы, снабженному для удобства ложем – «вооруженной рукой», за рубежом изначально уделяется пристальное внимание. В конце XIX в. появляются исследования, представляющие собой подробные попытки осветить его эволюцию³⁵. Среди наиболее значимых работ, освещающих устройство арбалетного снаряжения в прошлом столетии, можно отметить монографию Д. Альма³⁶, современные труды Ф. Бреккера³⁷ и Х. Рихтера³⁸, статьи А. Бихлера³⁹. Среди прочей информации в работах зарубежных исследователей периодически приводится иконография, демонстрирующая футляры для стрел арбалета, фотографии сохранившихся позднесредневековых футляров, но стоит отметить, что их появление на страницах работ в большинстве носит иллюстративный характер⁴⁰.

Правда, некоторые зарубежные исследователи сделали попытки выделить типы колчанов, например, Я. Кручек, представивший в своей работе типологический-хронологический ряд развития футляра для болтов в период XIII–XV вв.⁴¹, опираясь на иконографические данные (ил. 1).

История развития арбалетного колчана вызывает значительный интерес, устройства для ношения стрел, как видится, можно разделить на две основные «эпохи». Древние футляры, по-видимому, отличались от более поздних «киверов». Отсутствуют сохранившиеся колчаны для арбалетных стрел «раннего периода» средних веков, ни один образец не дошел до наших дней – изменения в конструкции футляра можно представить, действительно, опираясь лишь на иконографические данные. История раннесредневековых колчанов достаточно туманна. Барельефы позднеримского времени демонстрируют ручные баллисты-арбалеты и вместе с ними – цилиндрические гориты, очевидно, предназначенные для хранения и переноски стрел⁴². Если говорить про время, следовавшее за «темными веками» – на многих западноевропейских миниатюрах в пылу сражения у арбалетчиков часто отсутствует колчан (ил. 2 а, б, с).

На сохранность данного вида снаряжения, конечно, повлияло качество материалов: кожи и дерева, но определенную роль могли сыграть и другие факторы, например, изначально, небольшая популярность данного приспособления. Однако на других изобразительных источниках у западноевропейских арбалетчиков XII столетия часто можно наблюдать довольно массивные прямоугольные предметы с закругленной нижней частью (ил. 3 а, б), некоторые из них можно связать с реконструкцией, выполненной по кожаным фрагментам колчана из Хедебю⁴³ (ил. 4 а, б, с). Такие вместилища для стрел можно воссоздать, в частности, как довольно узкие вытянутые футляры из кожи, отформованные и сшитые. В эпоху, когда арбалетный лук состоял чаще из одной части дерева и обладал солидными габаритами, стрелы достигали длины 60 см – т. е. длины стрел лука (знаменитые двухфутовые арбалетные болты). Таким образом, различие между арбалетными болтами и стрелами лука было небольшим, и для их переноски могли использовать однотипные колчаны.

В период с XI по XIII в. колчан мог иметь разнообразное устройство. Примерно с второй половины XIII в., или немногим раньше, с введением в массовый обиход арбалетов с компактными и мощными композитными дугами, появилась возможность метать стрелы с наконечниками все большего веса, что повлияло на конструкцию футляра для стрел. Болты становятся короче, древки приобретают мощное поперечное сечение, иногда даже конструкция древка снабжена плавным утолщением в центре – все ухищрения были направлены на то, чтобы предотвратить

Ил. 2 а, в, с. Стреляющие арбалетчики, фрагменты миниатюр библии Мацеевского (Моргана), около 1250 г.

Ил. 3 а, б. Арбалетчики с колчанами с миниатюр сицилийского манускрипта П. Эболи «Книга в честь Августа, или о сицилийских делах» (Pietro da Eboli. Liber ad honorem Augusti sive de rebus Siculis (1196–1197 гг.)): а – восшествие на престол императора Генриха VI; б – граф Ричард Ачеррский ранен стрелой

Ил. 4. Реконструкция колчана из Хедебю, XI в. (?):
а, б, с (вид сбоку) – материальные реконструкции
(кожа, шитье, вошение), мастер Ю. В. Цибульский

порчу стрелы при ударе. В связи с этим футляры приобретают иной, отличный от предыдущих образцов вид невысоких широких конструкций с раструбом-приемником для стрел, часто расширяющимся книзу. Колчан снабжается высоким тыльником, выполненным из тонкой доски, отделявшей стрелка от наконечников болтов, на изобразительных источниках видно, что они размещены острием кверху. Нельзя не отметить сходства подобных устройств с колчанами кочевников Евразии, от которых они вполне могли произойти⁴⁴. Именно такие футляры, как уже было замечено выше, во множестве сохранились в коллекциях европейских музеев. Выставлен подобный колчан и в зале «Оружие Западной Европы XV–XVIII вв.» ВИМАИВиВС.

В карточке первоначального поступления в музей, которое произошло не позже 1936 или 1937 гг., существует запись: «Колчан-кобур для арбалетных стрел, сделан из толстой серой кожи, устье обшито черной кожей со следами тиснения. В колчане имеется двенадцать (12) арбалетных стрел разных образцов.

Д-49 см, шир.-23,5 см». Осмотр от 20 апреля 1957 г. сообщает: «...Древки многих стрел разбиты. Кожа колчана местами порвана и пробита. Нет ремня для подвески...». Время происхождения футляра –XVI в., место изготовления и применения – Россия. Необходимо отметить, что разнообразные стрелы, отмеченные в комплекте с колчаном, по-видимому, не связаны с ним, являясь памятником отдельного происхождения.

Подробно рассмотрим конструктивные особенности колчана для стрел арбалета. ВИМАИВиВС 2ИОФ 0102/3.

Конструкция.

Геометрически предмет представляет собою сложную фигуру. Определяя форму, можно отметить, что он напоминает усеченный конус, поставленный на основание. Наименование основной части футляра подвержено уточнению: его необходимо определить как вогнутый конус, или конус с «седловидной» поверхностью, но, строго говоря, данная фигура им не является (ил. 5). При взгляде на колчан сбоку от конуса можно наблюдать лишь половину объема описанной фигуры, разделенную по вертикали, это разделение образовано плоским тыльником футляра (ил. 6 а, б), помимо этого, с лицевой части

Ил. 5. Колчан для стрел арбалета. Вид спереди. ВИМАИВиВС

Ил. 6 а, б. Колчан для стрел арбалета. Вид сбоку. ВИМАИВиВС

Ил. 7. Колчан для стрел арбалета.
Вид с тыльной стороны.
ВИМАИВиВС

Ил. 8. Колчан для стрел арбалета.
Вид сверху. ВИМАИВиВС

он немного уплощен (ил. 7). Высота предмета примерно 482 мм, ширина основания 900 мм, основная ширина – 75 мм, такая же ширина у горловины непосредственно под самим приемником для стрел. Высота горловины – 108 мм с отворотом, ширина – 145 мм. По краю раструб приемника для стрел снабжен кожаной аппликацией коричневого цвета, она воспринимается как некая аллегорическая пародия на человеческое лицо: перед отверстием приемника в центре расположен «нос»; под ним при помощи серии тисненых вертикальных черточек переданы «усы» и «борода». «Нос» является жесткой и объемной фигурой, его наполнение неизвестно, был ли он изготовлен вместе с передней деталью или наложен отдельно. Безусловно, «нос» служил своеобразной ручкой, позволяющей быстро извлечь стрелу, придерживав колчан в случае плотно сцепившегося набора стрел. Непосредственно сам край приемника укреплен бортиком, отогнутым наружу. «Нос» возвышается относительно поверхности на 20 мм, его ширина 62 мм, толщина кожи аппликации примерно 2,2 мм.

Футляр состоит из трех деревянных деталей. Основой является тонкая доска – тыльная часть, при подвесе она была обращена к носящему колчан (ил. 8). Очертания данной дощечки придают описанную выше форму футляру в фас, ее толщина около 7 мм, дощечка заклеена изнутри и снаружи тонким слоем пергамента, по-видимому, свиной кожи, судя по фактуре; про колчаны «из свиной кожи» в снаряжении стрелка из самострела писал ещё

П. фон Винклер⁴⁵. Изнутри фактура поверхности имеет слабые горизонтальные рельефные выступы, их наличие можно связать с процессом изготовлением доски – операцией пиления.

Толщина внешней деревянной детали достигает в некоторых местах 8,5 мм, особенно хорошо это видно на частях, прилегающих к донцу колчана, на участках, где кожа отклеилась.

Данная часть конструкции футляра искусно вытесана из мелковолокнутой древесины инструментом вроде ложкаря или стамески, следы которого видны на изнанке данной детали. Время не пощадило ее – она имеет серию мелких трещин, их можно обнаружить изнутри, но на лицевой части, обклеенной пергаментом, их невозможно заметить. Пергамент загнут на тыльную доску колчана, контуры которой мы определили как образующую форму колчана – в виде усеченного конуса, с надстроенным раструбом приемника. Напуск загнутой полосы пергаamenta неравномерный: колеблется от 25 до 50 мм, эти особенности обусловлены формой шкуры, из которой был изготовлен пергамент. Внешняя сторона доски, обращенная к носящему, была также обклеена очень тонким пергаментом. Он перегибается на доньшко колчана и подрезан по форме основания доньшка. Пергамент внешней части, подведенный к пергаменту доньшка, приклеен встык (ил. 9).

«Горло» колчана при взгляде сверху имеет околотреугольную форму и устроено с небольшим отгибом наружу.

Совершенно очевидно, что плавное расширение, устроенное в нижней части колчана, предназначено для размещения крыльев арбалетных болтов. В эпоху, когда стрельба из арбалета в основном производилась из-за укрытия, колчан мог отстегиваться с пояса и ставиться рядом со стрелком, тогда, возможно, расширенная книзу конструкция с плоским основанием обеспечивала дополнительную устойчивость на поверхности.

На внешней пергаментной обтяжке колчана утраты. На высоте около 30 см четыре отверстия в коже обтяжки, расположенных по диагонали. Возникает впечатление, что они проделаны

Ил. 9. Колчан для стрел арбалета. Вид со стороны донца. ВИМАИВиВС

Ил. 10. Колчан для стрел арбалета. Музей Метрополитен, галерея 375, США

тонким инструментом с квадратным острием, но дерево под пергаментом совершенно не повреждено. Таким образом, можно даже предположить, что они прожжены. С правого бока футляра загрязнен двумя подтеками неизвестной маслянистой жидкости желтого цвета (краски?). Чуть правее на коже колчана виднеется серия из трех похожих на описанные выше отверстий (проколов?) олоквадратной формы, самое первое отверстие в этой серии – наиболее крупное. Такое же отверстие в обтяжке располагается на высоте 13 см. В тыльной

дощечке снаружи виднеется горизонтальная трещина, фактически дощечка сломана и держится за счет оклейки пергаментом и соединения с другими деталями колчана, помимо этого имеется сквозное повреждение – отверстие на тыльнике. Это крупное отверстие, оно располагается на высоте 200 мм почти посередине и напоминает удар наконечника стрелы квадратного сечения.

Вдоль границы аппликации идут белесые следы плесени или некоего эссудата, возможно, выделившегося со временем из пергамента клея. При взгляде прямо на колчан рядом с левым отверстием аппликация отклеилась.

На внешней части футляра колчана виднеются симметричные вертикальные потертости кожи, они как бы делят ее на три равных сектора. Происхождение данных симметричных царапин неясно, возможно, колчан был оцарапан при каких-то операциях или просто в процессе бытования.

Области на тыльной части в местах наложения загнутой и приклеенной части шкуры внешней части загрязнены, в нижней части тыльника тонкий пергамент сильно поцарапан и местами утрачен.

Вес предмета в настоящее время составляет 677,94 г⁴⁶.

Примерно понятно, каким образом колчан присоединялся к поясу, однако сам подвес не сохранился. В поле аппликации

на расстоянии 20 мм от края горловины и 8 мм от края тыльной дощечки виднеются достаточно грубо проделанные отверстия. Отверстия не круглой формы, такое впечатление, что они проделаны квадратным в сечении инструментом, возможно, пробиты кованым четырехгранным предметом. В одном из отверстий застрял весь покрытый плесенью небольшой фрагмент кожи. Если внимательно изучить отверстия, можно отметить отсутствие следов серьезного износа, которые должны присутствовать при ношении футляра, подвешенного к поясу, заполненного стрелами. Таким образом, можно предположить, что в стандартный комплект входило совсем немного стрел,

Ил. 11. Снаряженный арбалетчик. Codex Manesse. Начало XIV в. Библиотека Гейдельбергского университета, Германия

и вес футляра, наполненного стрелами, был незначителен, или просто колчан мало носился. Похожие отверстия для ношения имеют образцы из европейских музеев, например, к ним относится колчан с одиннадцатью арбалетными болтами из Западной или Центральной Европы; возможно, немецкого стиля, экспонирующийся на Пятой авеню, в музее Метрополитен в галерее 375 (ил. 10). Позднесредневековые колчаны-кивера широко представлены в музеях Западной Европы: от вычурных образцов с «лицами», обрамляющими приемники для стрел, дополнительно обтянутые кабаньими шкурами, до простейших образчиков, не имеющих отворотов, «носов» и плавного расширения нижней части.

Возвращаясь к типологически-хронологическому ряду, представленному Я. Кручком, можно отметить первое изображение расширяющегося футляра с тыльником (ил. 1 а) – по-видимому, он взят из средневековой иллюминированной Гейдельбергской книги песен Codex Manesse (ил. 11). Рукопись Codex Manesse демонстрирует самое древнее изображение снаряженного колчаном-кивером

Ил. 12. Колчан из Королевского музея армии Нидерландов. Конец XV–XVI вв.

стрелка, изображенный футляр уже во многом аналогичен образцу из ВИМАИВиВС, правда, значительное расширение в нижней части футляра на изображении отсутствует. Образец из Codex Manesse также можно сопоставить ради любопытства с колчаном (quiver) из Королевского музея армии Нидерландов (ил. 12), где хранится образчик, представляющий слабо расширенный к низу ящичек для стрел, выполненный из дерева значительной толщины, в торцах приемника усиленный полосами меди⁴⁷.

Но наиболее близкой аналогией колчану из ВИМАИВиВС является футляр, опубликованный у Х. Рихтера, происходящий из Немецкого музея охоты и рыболовства в Мюнхене (инвентарный номер № 2267). Деревянный корпус у него так же был обтянут кожей, а внутренняя часть была покрыта красной бумагой или пергаментом (ил. 13). Х. Рихтер осторожно именует данный футляр принадлежащим «немецкому стилю»⁴⁸.

Таким образом, можно заключить, что группа наиболее архаичных образцов или подражающие им не имели значительного расширения внизу и верхних крышек. Напротив, футляр из ВИМАИВиВС обладает всеми признаками наиболее позднего колчана: значительным расширением понизу, образующим форму так называемых «песочных часов», дополнительным художественно оформленным элементом в виде лица. Образец из ВИМАИВиВС действительно мог быть изготовлен и в XV в., а в широком обиходе подобные конструкции, как мы предполагаем, опираясь на датировку некоторых образцов из западноевропейских музеев, можно зафиксировать для XIV столетия, в каких-то случаях такое снаряжение могло употребляться и в XVI в.

Место изготовления.

Безусловно, открытым вопросом остается место изготовления предмета. В работе С. В. Ефимова, С. С. Рымши «Оружие

Ил. 13. Колчан из Немецкого музея охоты и рыболовства в Мюнхене (инв. № 2267), по Х. Рихтеру

Западной Европы XV–XVII вв.» происхождение колчана для арбалетных стрел, инв. № 0102/3 определено как «Германия, XV в.»⁴⁹. Позволим себе несколько слов в защиту надписи в карточке, гласящей, что колчан был изготовлен и применялся в России XVI в. Известно, что на различных территориях русских государственных образований в XV–XVI вв. действовало значительное количество ремесленников-иностранцев, которых древние источники определяют как «немцев». Обладая знаниями в области работы с различными материалами, использовавшимися для изготовления воинских вещей и набором инструментов, переселенцы зачастую действуют как авангард ремесленно-технической элиты, производя, по сути, западноевропейскую продукцию за рубежом. Лучше всего иллюстрируют положение дел слова, записанные начальником тевтонских госпиталей графом Конрадом фон Кибургом, посетившим литовско-русское Вильно с посольской миссией в 1397 г.: «...Иностранные ремесленники пользуются здесь большими преимуществами и, скоро разбогатевав, возвращаются домой с хорошими деньгами, если только их не принудят совсем остаться в Литве...»⁵⁰.

Возможно, какие-то образцы европейской военной техники могли производиться на русских территориях в немецких факториях⁵¹. Во всяком случае, о значительном количестве немцев, проживающих на территории немецкой фактории Полоцка, известно уже в 1307 г.⁵². Вероятно, стоит вспомнить немца Андрея Тирмана, работавшего с Дмитрием Коноваловым, при изготовлении зеркального доспеха для царя Михаила Федоровича (1616 г.)⁵³.

Таким образом, учитывая первоначальный комментарий в карточке относительно места происхождения, кивер мог действительно быть произведен на территории России лицом иностранного происхождения – футляр изготовлен с большим знанием приемов выработки подобного рода вещей и военного дела. Мастер, изготовивший колчан, работал в западноевропейском стиле и использовал типичные материалы, использовавшиеся в Западной Европе при производстве неметаллических воинских вещей: мелковолоконистое дерево, скорее всего, липу, пергамент, клей и кожу.

¹ Арбалетные стрелы, имеющие название в современной отечественной терминологии – болты, изначально чаще назывались «скварелл» (фр. *saque*, англ. *quell*) – «квадратная стрела», стрела с квадратным наконечником, подразумеваемая повышенную нагрузку, которые несли наконечники стрел арбалета. Наиме-

нование болт, которое прижилось в отечественной историографии, встречающееся в оружейных списках, вероятно, происходит от английского «to bolt» – удар молнии, что соответствует резкому и мощному удару стрелой, выпущенной из самострела.

² Фон Винклер П., Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX в. СПб.: Типография И. А. Ефрона, 1894. Преиздание М., 1992. С. 109–113.

³ Бейхам В. Энциклопедия оужия / Пер. с нем.; предисл. А. Н. Кирпичникова; коммент. и прилож. С. Е. Еременко, В. М. Милованова, М. Ю. Некрасова. СПб.: АО «Санкт-Петербург оркестр», 1995.

⁴ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966. Вып. Е1–36. С. 90–96. Таблица 31.

⁵ Там же. С. 93.

⁶ Кирпичников А. Н. Крюк для натягивания самострела 1200–1240 гг. // КСИА, 1971, вып. 125. С. 100–102, рис. 36.

⁷ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1976. С. 69.
⁸ Mugarēvičs Ē. Oļiņkalna un Lokstenes pilsnovadi. 3–15 gs. arheoloģiskie pieminekļi. Rīga: Zinātne, 1977. Šnore E., Zariņa A. Senā Sēlpils. Rīga: Izdevniecība Zinatne, 1980; Graudonis J. Altene // Arheoloģija un etnografija. Apcerējumi par viduslaiku pili un pilsētām Latvijas teritorijā. T. XIV. Rīga: Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas izdevniecība, 1983. L. 40–85; Mācsalu, A. Otepāa linnuse ammuooleotsad. Muinasaja teadus I. Arheoloģiline Kogumik. Tallinn, 1991. S. 163–181.

⁹ Latvijas PSR arheoloģija. Rīga: Zinātne, 1974. 79 tabula 13.–17.gs. senlietas, 3 (VI 123: 186, 223).

¹⁰ Плав нск М. А. Узбраенне беларуск х земляў X–X стагоддзяў. Мінск: Гал я-фы, 2013. С. 69.

¹¹ Бохан Ю. М. Вайсковая справа ў Вял к м княстве Л тоўск м у другой палове XIV – канцы XVI ст. Мінск: Беларуская навука, 2008. С. 224.

¹² Там же. С. 223.

¹³ Там же. С. 224. Мал. 47.

¹⁴ Там же. Мал. 48.

¹⁵ Rackevicius G. Arbaletas ir lankas Lietuvoje XIII–XVI a. Vilnius, 2002.

¹⁶ Там же. Р. 2, 3, 8–10.

¹⁷ Плавинский В. А. 1) О времени появления арбалета на западе Белорусско-го Подвинья // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова: Материалы 57-го заседания. М.; Псков, 2011. С. 210–223; 2) Арбалет в комплексе вооружений XIII–XV вв. на территории Беларуси // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова: Материалы 59-го заседания. М.; Псков, 2014. С. 327–342; Плав нск М. А. 1) Узбраенне беларуск х земляў X–X стагоддзяў. С. 68–71; Плавинский Н. А., Кизюкевич Н. А., Плавинский В. А. Находки деталей арбалетов на территории Замковой Горы // Военная археология. Сборник материалов Проблемного совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. Вып. № 4. М.: ИА РАН, 2018. С. 77–89.

¹⁸ Плавинский В. А. Арбалет в комплексе вооружений XIII–XV вв. на территории Беларуси. С. 327–335.

¹⁹ Лысенко П. Ф. Берестье. Мінск, 1985. С. 283, рис. 194, 2–3.

²⁰ Плавинский Н. А., Кизюкевич Н. А., Плавинский В. А. Находки деталей арбалетов на территории Замковой Горы. С. 77–89.

- ²¹ Артемьев А. Р. Некоторые итоги изучения военного дела псковичей в XIII–XVI вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. М, 1987. С. 23–24.
- ²² Артемьев А. Р. Наконечники стрел из раскопок Изборска // Краткие сообщения института археологии. Вып. 155: Славяно-русская археология. С. 67–71.
- ²³ Раскопы П-07 Изб. Креп. (1 экз.), П-10 Изб. Креп. (5 экз.), П-11 Изб. Креп. (10 экз.), П-12 Изб. Креп. (24 экз.), раскопки Т. Ю. Закуриной и А. В. Степанова, информация предоставлена н. с. ГБУК ПО АЦПО А. В. Фисенко.
- ²⁴ Кильдюшевский В. И. Оружие XIV–XVI вв. из раскопок крепости Орешек // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб.: Вести, 1999. С. 70, 71. Рис. 2.1.
- ²⁵ Тюленев В. А. Изучение старого Выборга. СПб.: Институт истории материальной культуры, 1995. С. 16, 68, 73. Рис. 3, 8.
- ²⁶ Сорокин П. Е., Короткевич Б. С., Матвеев В. Н., Михайлов К. А. Штурм крепости Ландскрона по археологическим данным // *Stratum plus*. 2014. № 6. С. 166–173.
- ²⁷ Zimmermann, B. *Mittelalterliche Geschosspitzen: kulturhistorische, archäologische und archäometallurgische Untersuchungen*. Basel, 2000.
- ²⁸ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. С. 94–96.
- ²⁹ Там же. С. 90–96. Таблица 31; Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. С. 71. Рис. 30; Кильдюшевский В.И. Оружие XIV–XVI вв. из раскопок крепости Орешек. С. 64–68. Рис. 1.
- ³⁰ Сорокин П. Е., Короткевич Б. С., Матвеев В. Н., Михайлов К. А. Штурм крепости Ландскрона по археологическим данным. С. 172, 173.
- ³¹ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. С. 93.
- ³² Салмин С. А. Некоторые археологические реалии Окольного города Пскова в свете летописных данных о Псковско-Новгородском конфликте 1399/1394 гг. // «Новгород и Новгородская земля. История и археология», научная конференция, посвящая 1150-летию российской государственности. Новгород, 2012. Вып. 2. С. 266–268. Рис. 4; Фрагмент спускового механизма типа «орех» с Вас-3, архив ИА РАН; Степанов С. В. Отчет об археологических исследованиях в г. Пскове по ул. Советской, 42в (Васильевский № III раскоп) в 2004 г. Т. 1. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1, № 27962. 153 л. № 27963 – Приложения к отчету. Т. 2. № 27964 – Альбом иллюстраций к отчету. Рис. 1–249. Т. 3. № 27965 – Альбом иллюстраций к отчету. Рис. 250–500. Т. 4. № 27966 – Альбом иллюстраций к отчету. Рис. 501–741. Автор статьи глубоко признателен н. с. ГБУК ПО АЦПО А. В. Фисенко за помощь в ознакомлении с материалом.
- ³³ Салмин С.А. Некоторые археологические реалии Окольного города Пскова в свете летописных данных о Псковско-Новгородском конфликте 1399/1394 гг. С. 266, 268, 269. Рис. 5.1, 5.2.
- ³⁴ Плавинский М. А. Узбраенне беларуск х земляў X–X стагоддзяў. С. 68, 69; Плавинский Н. А., Кизюкевич Н. А., Плавинский В. А. Находки деталей арбалетов на территории Замковой Горы. С. 77–89; Лысенко П.Ф. Берестье. С. 283, рис. 194: 2–3.
- ³⁵ Köhler, G. *Die Entwicklung des Kriegswesens und der Kriegführung in der Ritterzeit*. Breslau 1887, S. 174; 182.
- ³⁶ Alm J. *European Crossbows: A Survey by Josef Alm (Royal Armouries Monograph) / Royal Armouries*, 1998.

- ³⁷ Brenker F., *Hölzerne Armbrustwinden im Hoch- und Spätmittelalter/ Jabrblatt der Interessengemeinschaft Historische Armbrust*, Jens Sensfelder, Herstellung and Verlag: BoD-Book on Demand, Norderstedt, 2016. S. 157–169.
- ³⁸ Richter H. *Die Hornbogenarmbrust-Geschichte and Technik*. Verlag Angelika Hörnig, 2016.
- ³⁹ Bichler A. *Eine Armbrust mit Zapfenschloss aus dem Landesmuseum Zürich Eine funktionsfähige Waffe? / Jahrbuch der Interessengemeinschaft Historische Armbrust*, 2014. S. 80–84.
- ⁴⁰ Alm J. *European Crossbows*. P. 36. Figure 22.
- ⁴¹ Kruczek J. *Kusze I ich twórcy*. Pszczyna, 2013. S. 75.
- ⁴² Шокарев Ю. В. Луки и арбалеты. М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство "Астрель"», 2002. С. 50, 51.
- ⁴³ Die Textilfunde aus dem Hafn von Haithabu; № 21, 1984, S. 38–40. Add. 22. Taf. 25, 26, 27.
- ⁴⁴ На это сходство обратил мое внимание А. Б. Лемешко, исследователь и глубокий знаток арбалетного вооружения. Автор глубоко признателен Александру Борисовичу за помощь при написании статьи.
- ⁴⁵ Винклер П фон. *Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX в.* СПб.: Типография И. А. Ефрона, 1894; Переиздание. М., 1992 / Под редакцией А. И. Устинова, Ю. В. Шокарева. С. 113.
- ⁴⁶ Взвешивание проводил ст. научный сотрудник ВИМАИВиВС Н. А. Оводков на электронных весах CAS.
- ⁴⁷ Sensfelder J., Stevens H. *Crossbows in the Royal Netherlands Army Museum*. Eburon, Delft, 2007. P. 276. Fig. 152. P. 294, 295.
- ⁴⁸ Richter H. *Die Hornbogenarmbrust-Geschichte and Technik*. Verlag Angelika Hörnig, 2016. S. 117. Add. 87.
- ⁴⁹ Ефимов С. В., Рымша С. С. *Оружие Западной Европы XV–XVII вв.* СПб.: Атлант, 2009. С. 8–11.
- ⁵⁰ Konrad Kiburg. *Dnevnik posol'stva glavnogo nachal'nika goshpitalej tevtonskogo ordena, grafa Konrada fon Kiburga s tovarishhi (ne nazvany) k velikomu knjazju litovskomu Vitovtu, v 1397g. Tekst vosproizveden po izdaniju: Jagello-Jakov-Vladislav i pervoe soedinenie Litvy s Pol'shej // Zapiski imperatorskogo Novorossijskogo universiteta, Tom 2. Vyp. 1–6. 1868. S. 25.*
- ⁵¹ Тугай В. В. *Немецкий этнос в Беларуси (в XIV – нач. XX вв.) // Европа: актуальные проблемы этнокультуры: материалы V междунар. науч.-теорет. конф., (г. Минск, 21 января 2013 г.). Минск: МППТК полиграфии, 2014.*
- ⁵² *История СССР с древнейших времен до наших дней / Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1975. С. 165.*
- ⁵³ Комаров И. А. *Государева Оружейная палата*. СПб.: Атлант, 2002. С. 320.

Е. Н. Шевелева, Е. Ю. Кириленко

НАГРАДЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ РУМЫНИЯ

Почти 50 лет Елизавета Николаевна Шевелева (1927–2000) работала хранителем самого крупного по численности и разнообразию предметов фонда музея. Она – автор большого числа научных публикаций, в том числе каталогов, по которым работают и будут работать новые поколения музейных работников, исследователей, коллекционеров: «Каталог отечественных орденов и медалей» (Л., 1960), «Нагрудные знаки русской армии» (СПб., 1993), «Ордена Александра I в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи» (СПб., 1993).

В середине 1980-х годов Елизавета Николаевна отчиталась на ученом совете музея о завершении очередной научно-исследовательской работы – каталога наград стран социалистического содружества. В дальнейшем эта работа продолжалась, поскольку коллекции музея пополнялись. Елизавета Николаевна щедро передавала свой опыт замечательной помощнице – Елене Юрьевне Кириленко (1971–2020). Вместе они продолжили работу над каталогом, дополняли главы новыми поступлениями, написали новую главу, посвященную наградам Республики Куба.

Рукопись каталога при передаче фонда новому хранителю оставлена не была, но среди бумаг обнаружилось несколько листов с машинописным текстом, это оказался фрагмент каталога – глава, посвященная наградам Социалистической Республики Румыния в собрании музея. Структура каталогов Е. Н. Шевелевой всегда была идеальной для работы. Так и в данном случае: вступление с краткой характеристикой наградной системы страны, каталожная часть орденов, каталожная часть медалей.

Сохраняем текст авторов. Дополнения к тексту оформлены следующим образом: награды, поступившие в музей после написания каталога, помещены с пометкой «дополнение», тексты и награды, дополняющие авторский материал, взяты в скобки.

*Материал подготовила к публикации
старший научный сотрудник Т. Н. Ильина*

По конституции Социалистической Республики Румынии право учреждения орденов и медалей и право награждать ими принадлежало Государственному Совету.

Еще в ходе военных действий в 1944 г. был учрежден орден «Защита Родины», которым награждались военные за умелое руководство военными операциями, а после войны и гражданские лица за плодотворную работу по укреплению обороны страны, успехи в политической и научной деятельности.

Учрежденным в 1948 г. высшим орденом государства «Звезда Социалистической Республики Румынии» награждались лица, которые своей деятельностью в политической, социальной, научной и культурной областях способствовали завоеванию демократических свобод и национальной независимости, установлению и развитию социалистического строя.

В 1951 г. было установлено звание «Герой Социалистического Труда Социалистической Республики Румынии», которое присваивали гражданам, особо отличившимся в деле построения социализма или добившимся выдающихся результатов в народно-хозяйственном строительстве, науке, культуре.

К 15-летию восстания румынского народа против фашизма 23 августа 1944 г. в 1959 г. был учрежден орден «23 августа». Им отмечались активные участники вооруженного восстания, борцы за установление и упрочение власти трудящихся, укрепление вооруженных сил страны, а также проявление храбрости и самоотверженности в бою с врагами родины.

В 1966 г. был учрежден один из самых любимых орденов, названный именем руководителя антифеодалного восстания в Валахии в 1821 г. – орден Тудора Владимиреску. Он имел пять степеней. Награждались им лица за участие в революционной борьбе, за заслуги в завоевании демократических свобод, установлении

и развитии социалистического строя. Более 100 советских военачальников удостоены разных степеней этого ордена.

6 мая 1971 г. в связи с 50-летием Румынской коммунистической партии была установлена высшая степень отличия – звание «Герой Социалистической Республики Румынии». Оно присваивалось за выдающиеся заслуги в проведении политики РКП, в защите государства и революционных завоеваний народа, в деле построения социализма. Героям Социалистической Республики Румынии вручались орден «Победа социализма» (учрежденный тоже 6 мая 1971 г.) и «Золотая медаль».

Орденами СРР награждались как отдельные лица, так и учреждения, государственные предприятия и организации, кооперативные объединения.

Наряду с орденами в СРР был учрежден и ряд медалей: «Военная доблесть», «За военные заслуги». В 1969 г. учреждена медаль «25 лет освобождения Румынии от фашистского ига» и в 1975 г. «30 лет освобождения Румынии от фашистского ига».

Многими орденами и медалями Румынии награждены советские граждане, участвовавшие в освобождении ее от фашистского ига и в послевоенные годы, оказавшие большую помощь в укреплении обороноспособности СРР и строительства социализма.

Ордена

Дополнение: Орден «23 августа»¹

Учрежден декретом № 398 от 3 июня 1959 г. Имел 5 классов.

Награда за заслуги во время Августовского восстания 1944 г., затем награждение производилось за военные заслуги, а также за выдающиеся заслуги в политической, государственной и хозяйственной деятельности. В виде десятиконечной звезды. Лицевая сторона: розетка и десять лучей ордена 1-й степени украшены ограненными фианитами. У ордена 2-й степени фианитами украшена только розетка. В центральной розетке изображение государственного герба в цветных эмалях: лесистые горы, над которыми поднимается солнце. Обрамлен венком из пшеничных колосьев. Вверху на соединении венка красная пятиконечная звезда. Внизу трехцветная лента с литерами «RSR» (REPUBLICA SOCIALISTA ROMANIA)². Пояс с фианитами накладной. Вокруг центральной розетки накладной золотистый

Ил. 1. Орден «23 августа» 1 класса.
ВИМАИВиВС 1ИФ 20-12309

Ил. 2. Орден «23 августа» 2 класса.
ВИМАИВиВС 1ИФ 20-12310

Ил. 3. Орден
«23 августа» 3 класса.
ВИМАИВиВС
1ИФ 20-12311

Ил. 4. Орден
«23 августа» 4 класса.
ВИМАИВиВС
1ИФ 20-12312

Ил. 5. Орден
«23 августа» 5 класса.
ВИМАИВиВС
1ИФ 20-12313

венки из дубовых листьев. Обратная сторона: на обороте в две строки вдавленная надпись «23 AUGUST». Ордена 3–5 степеней на колодках. Лента муаровая фиолетового цвета. По краям ленты узкие продольные полоски синего, желтого и красного цветов. На обратной стороне колодки крепление – булавка. Носили на правой стороне груди.

Орден «23 августа» 1 класса

1966–1989 гг. Диаметр 55 мм. Бронза (позолоченная), фианиты, эмаль. Крепление: булавка. Поступил в музей в 2024 г. через фондово-закупочную комиссию (закупка). ВИМАИВиВС 1ИФ 20-12309 (ил. 1).

Орден «23 августа» 2 класса

1966–1989 гг. Диаметр 55 мм. Бронза (позолоченная), фианиты, эмаль. Поступил в музей в 2024 г. через фондово-закупочную комиссию (закупка). ВИМАИВиВС 1ИФ 20-12310 (ил. 2).

Орден «23 августа» 3 класса

1966–1989 гг. Диаметр 44,9 мм, диаметр розетки 12,0 мм. Бронза (позолоченная), эмаль, лента шелковая. Поступил в музей в 2024 г. через фондово-закупочную комиссию (закупка). ВИМАИВиВС 1ИФ 20-12311 (ил. 3).

Орден «23 августа» 4 класса

1966–1989 гг. Диаметр 45 мм, диаметр розетки 12 мм. Бронза (посеребренная), эмаль, лента шелковая. Поступил в музей в 2024 г. через фондово-закупочную комиссию (закупка). ВИМАИВиВС 1ИФ 20-12312 (ил. 4).

Орден «23 августа» 5 класса

1966–1989 гг. Диаметр 44,5 мм, диаметр розетки 12 мм. Бронза, эмаль, лента шелковая. Поступил в музей в 2024 г. через фондово-закупочную комиссию (закупка). ВИМАИВиВС 1ИФ 20-12313 (ил. 5).

Орден Тудора Владимиреску

Учрежден 13 апреля 1966 г.³. Имел пять классов и медаль двух классов.

Награждение орденом производилось за активное участие в революционной борьбе, завоевании демократических свобод и построении социализма в Румынии. Носился на правой стороне груди.

Орден 1 класса представляет собой 10-лучевую золотую звезду. Лучи состоят из находящихся один на другой лучей. В центре в круге барельеф Тудора Владимиреску (погрудное, влево обращенное изображение). По окружности надпись: «1821 T8DOR VLADIMIREȘC8». Семь лучей, кроме верхних трех, обрамлены лавровыми ветвями, перевязанными внизу лентой. Венок

Ил. 6. Орден Тудора Владимиреску 1 класса. Принадлежал маршалу войск связи Алексею Н. Н. ВИМАИВиВС 1ИФ 20-7853/34

Ил. 7. Орден Тудора Владимиреску 1 класса. ВИМАИВиВС 1ИФ 20-12314

Ил. 8. Орден Тудора Владимиреску 2 класса. ВИМАИВиВС 1ИФ 20-12315

Ил. 9. Орден Тудора Владимиреску 3 класса. ВИМАИВиВС 1ИФ 20-12316

Ил. 10. Орден Тудора Владимиреску 4 класса. ВИМАИВиВС 1ИФ 20-12317

Ил. 11. Орден Тудора Владимиреску 5 класса. ВИМАИВиВС 1ИФ 20-12318

украшен белыми недорогими камнями (имитация под бриллианты). На оборотной стороне булавка для прикрепления к одежде.

Орден Тудора Владимиреску 1 класса

60 x 70 мм. Бронза. Принадлежал маршалу войск связи Алексееву Н. Н., награжденному 1 октября 1974 г. в связи с 30-летием освобождения Румынии от фашистского ига⁴. Поступил в музей в 1981 г. от семьи Н. Н. Алексеева. ВИМАИВиВС 1ИФ 20-7853/34 (ил. 6).

Дополнение: Орден Тудора Владимиреску 1 класса⁵

(Ordinul Lui Tudor Vladimirescu)

1966–1989 гг. 70,0 x 66,5 мм. Бронза, позолота, стекло ограниченное. Поступил в музей в 2024 г. через фондово-закупочную комиссию (закупка). ВИМАИВиВС 1ИФ 20-12314 (ил. 7).

Орден Тудора Владимиреску 2 класса

1966–1989 гг. 67 x 64,5 мм. Бронза. Поступил в музей в 2024 г. через фондово-закупочную комиссию (закупка). ВИМАИВиВС 1ИФ 20-12315 (ил. 8).

Орден Тудора Владимиреску 3 класса

1966–1989 гг. Диаметр по лучам 66–68 мм. Бронза, серебрение, эмаль. Поступил в музей в 2024 г. через фондово-закупочную комиссию (закупка). ВИМАИВиВС 1ИФ 20-12316 (ил. 9).

Орден Тудора Владимиреску 4 класса

1966–1989 гг. Диаметр по лучам 65,5–67,5 мм. Бронза, эмаль, серебрение. Поступил в музей в 2024 г. через фондово-закупочную комиссию (закупка). ВИМАИВиВС 1ИФ 20-12317 (ил. 10).

Орден Тудора Владимиреску 5 класса

1966–1989 гг. Диаметр по лучам 66–68 мм. Бронза, эмаль, патинирование. Поступил в музей в 2024 г. через фондово-закупочную комиссию (закупка). ВИМАИВиВС 1ИФ 20-12318 (ил. 11).

Орден «За военные заслуги»

Учрежден в 1954 г. Орден имел три класса⁶.

Награждение орденом производилось за выслугу лет в Вооруженных силах СРР, в войсках Совета государственной безопасности и Министерства внутренних дел СРР. Носился на левой стороне груди.

Знак ордена представляет собой пятиконечную звезду, помещенную в лавровый венок. Лучи звезды покрыты красной эмалью. По центру звезды выпуклый медальон. В центре медальона на голубом поле герб республики. По окружности на желтом фоне надпись: «HERITU MILITAR» («Военная заслуга») и три звездочки. Медальон и герб накладные. Обратная сторона гладкая.

Знак ордена при помощи ушка и соединительного кольца крепится к пятиугольной колодке, обтянутой муаровой лентой синего цвета с узкой красной полоской шириной 1 мм в центре и темно-синими полосками шириной 3 мм по краям. Ширина ленты 23 мм. На оборотной стороне булавка для прикрепления к одежде.

Орден «За военные заслуги» 2 класса (за 20 лет службы)

40 x 40 мм. Белый металл, муар.

Изготовлен после 1965 г. Поступил в музей в 1999 г. через фондово-закупочную комиссию по обмену. ВИМАИВиВС 1ИФ 20/9187 (ил. 12).

Дополнение: **Орден «За военные заслуги» 3 класса (за 15 лет службы)**⁷

Бронза, эмаль, шелк. Диаметр 39 мм. Изготовлен после 1965 г. Поступил в музей в 1999 г. через фондово-закупочную комиссию (закупка). ВИМАИВиВС 1ИФ 20-9595) (ил. 13).

Ил. 12. Орден «За военные заслуги» 2 класса (за 20 лет службы). ВИМАИВиВС 1ИФ 20/9187

Ил. 13. Орден «За военные заслуги» 3 класса (за 15 лет службы). ВИМАИВиВС 1ИФ 20-9595

Медали

Дополнение: **Медаль «За освобождение от фашистского ига»**⁸

Учреждена 28 июля 1959 г. постановлением Государственного совета Румынской Народной Республики № 309. Вручалась военнослужащим и гражданским лицам – участникам борьбы за освобождение Румынии от фашистского режима. Носилась на левой стороне груди. Круглой формы. Лицевая сторона: шейные профильные влево обращенные портретные изображения двух солдат в гимнастерках и касках. По окружности надпись: «ELIBERAREA DE SUB JUGUL FASCIST» («Освобождение от фашистского ига»). Обратная сторона: в центре в три строки надпись: «IN SLUJBA POPORULUI MUNCITOR» («На службе трудящихся»). Надпись обрамлена венком из лавровых листьев. Вверху на соединении венка литеры «RPR»⁹. 1959–1965 гг. Диаметр 32 мм. Латунь. Поступила в 2005 г. через фондово-закупочную комиссию (закупка). ВИМАИВиВС 1ИФ 20-9594 (ил. 14).

Ил. 14. Медаль «За освобождение от фашистского ига». ВИМАИВиВС 1ИФ 20-9594

Ил. 15. Медаль «25 лет освобождения Родины от фашистского ига». Принадлежала генерал-полковнику Фролову А. А. ВИМАИВиВС 1ИФ 20/7652-49

Медаль «25 лет освобождения Родины от фашистского ига»

Учреждена в 1969 г. Вручалась участникам борьбы за освобождение Румынии от фашистского ига и иностранным гражданам, имеющим заслуги в антифашистской борьбе и в послевоенном сотрудничестве с Социалистической Республикой Румынией. Носилась на левой стороне груди.

Медаль имеет форму 12-лучевой звезды. Лицевая сторона: в центре в круглом рельефном диске надпись: «REPUBLICA SOCIALISTA ROMANIA XXV ANIVERSARE A ELIBERARII PATRIEI» («25-я годовщина освобождения Родины»). На оборотной стороне в лавровом венке «1944–1969». Медаль носилась на шелковой ленте белого цвета с красно-белой полоской посредине шириной 10 мм и двумя узкими по краям шириной 3 мм. Ширина ленты 38 мм. Диаметр 40 мм. Серебро.

Медаль «25 лет освобождения Родины от фашистского ига»

Диаметр 40 мм. Белый металл. Принадлежала маршалу войск связи Леонову А. И., награжденному в 1969 г. Поступила в музей в 1973 г. от Главного управления войск связи Министерства обороны СССР. ВИМАИВиВС 1ИФ 20-7377/34.

Медаль «25 лет освобождения Родины от фашистского ига»

Диаметр 40 мм. Серебро. Принадлежала генерал-полковнику Фролову А. А., награжденному в 1969 г. Поступила в музей в 1977 г. от семьи А. А. Фролова. ВИМАИВиВС 1ИФ 20/7652-49 (ил. 15).

Медаль «30 лет освобождения Родины от фашистского ига»

Учреждена в 1974 г. Вручалась участникам борьбы за освобождение Румынии от фашистского ига и иностранным гражданам, имеющим заслуги в антифашистской борьбе и послевоенном сотрудничестве с Социалистической Республикой Румынией. Носилась на левой стороне груди.

Медаль имеет форму круглого диска. Лицевая сторона: изображение группы со знаменем – рабочего, крестьянина, ученого. Внизу на лавровых ветвях цифра «XXX». Обратная сторона: в центре на щите, обрамленном дубовыми ветвями, надпись «30 DE ANI», по окружности: «DE LA ELIBERAREA ROMANIE I DE SUB DOMINATIA FASCIST» («30 лет освобождения Румынии от фашистского угнетения»).

Медаль носилась на колодке, обтянутой шелковой муаровой лентой красного цвета с двумя белыми полосками шириной

3 мм, синей и желтой полосами шириной 5 мм. Ширина ленты 37 мм. На колодке фигурный щиток с надписью «23 AUGUST 1944–1974». Диаметр 34 мм. Белый металл.

Медаль «30 лет освобождения Родины от фашистского ига»

Диаметр 40 мм. Серебро. Принадлежала маршалу войск связи Алексеву Н. Н., награжденному в 1974 г. Поступила в музей в 1981 г. от семьи Н. Н. Алексева¹⁰. ВИМАИВиВС 1ИФ 20-7853/35.

Медаль «Военная доблесть»

Учреждена Указом Государственного Совета Социалистической Республики Румынии в 1985 г. Медаль имела три класса.

Награждение медалями производилось за военные отличия на поле боя, а также в мирное время за заслуги в защите родины.

Медаль имеет форму круглого диска. Лицевая сторона: в центре на фоне государственного герба изображение группы солдат трех родов войск – сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил республики. Внизу по окружности лавровые веточки, перевязанные лентой государственных цветов (сине-желто-красного). Обратная сторона: в обрамлении лент надпись по окружности: «VIRTUTEA OSTASEASCA» («Военная доблесть»), ниже – скрещенные мечи.

Медаль носилась на пятиугольной колодке, обтянутой шелковой муаровой лентой красного цвета с узкими полосками посередине синего и желтого цвета. Ширина полосок 1 мм. Ширина всей ленты 23 мм.

Ил. 16. Медаль «Военная доблесть» 1 класса. Принадлежала начальнику ГРАУ генерал-полковнику Андрианову Ю. М., награжденному в 1985 г. ВИМАИВиВС 1ИФ 20/8235-14

Медаль изготавливалась из латуни: 1 класса – цвета золота, 2 класса – цвета серебра, 3 класса – цвета бронзы. Диаметр 32 мм. Латунь.

Медаль «Военная доблесть» 1 класса

Принадлежала начальнику ГРАУ генерал-полковнику Андрианову Ю. М., награжденному в 1985 г. Поступила в 1987 г. от семьи Ю. М. Андрианова. ВИМАИВиВС 1ИФ 20/8235-14 (ил. 16).

Медаль «За военные заслуги»

Учреждена декретом № 211 1954 г. для награждения младшего офицерского состава армии, госбезопасности и милиции за выслугу: 1 степени – за 10 лет, 2 степени – за 5 лет службы. Медаль имела две степени («золото» и «серебро»). Награждение производилось за отличия в укреплении обороноспособности государства. Носилась медаль на левой стороне груди¹¹.

Лицевая сторона: по центру изображение двух перекрещенных мечей. По окружности две лавровые веточки, соединенные у основания пятиконечной звездой. Между верхними концами лавровых веточек помещалась аббревиатура «RSR» (Социалистическая Республика Румыния). До 1965 г. – «RPR» (Румынская Народная Республика). Обратная сторона: по центру надпись в две строки: «MERITU MILITAR» («Воинская заслуга»). Композиционное оформление надписи аналогично лицевой стороне. Изображения и надписи лицевой и оборотной сторон выпуклые. Медаль с лицевой и оборотной сторон обрамлена бортиком.

Медаль при помощи ушка и соединительного кольца прикреплена к пятиугольной колодке, обтянутой муаровой лентой голубого цвета с узкой белой полосой шириной 1 мм в центре и темносиними шириной 3 мм по краям.

Медаль «За военные заслуги» 2 класса

Диаметр 30 мм. Металл, муар. Изготовлена после 1965 г. Поступила в музей в 1999 г. через фондово-закупочную комиссию (в порядке обмена). ВИМАИВиВС 1ИФ 20/9188 (ил. 17).

Дополнение: Медаль «30 лет Вооруженным Силам Румынии». 1944–1974

Учреждена в 1974 г. в честь юбилея вооруженных сил страны. Круглой формы. Лицевая сторона: в центре изображен геральдический щит с мечом, расположенным клинком вверх.

Ил. 17. Медаль «За военные заслуги» 2 класса. ВИМАИВиВС 1ИФ 20/9188

Ил. 18. Медаль «30 лет Вооруженным Силам Румынии». 1944–1974. ВИМАИВиВС 1ИФ 20-9593

Щит покрыт эмалью цветов национального флага: синей, желтой, красной. В центре щита погрудные профильные влево обращенные изображения трех воинов – летчика, пехотинца, моряка. Изображение обрамлено снизу двумя лавровыми ветвями. На оборотной стороне надпись в четыре строки: «XXX /1944-1974 / 25 OKTOBRIE / ZIUA ARMATEI» («25 октября день армии»). Диаметр 35 мм. На шестиугольной колодке, обтянутой лентой белого цвета, по краям продольные полосы шириной 7 мм красного цвета. В центре три узкие полоски голубого, желтого и красного цветов по 2 мм каждая. Поступила в 2005 г. через фондово-закупочную комиссию (закупка). ВИМАИВиВС 1ИФ 20-9593 (ил. 18).

¹ Материал об ордена добавлен, при написании рукописи ордена «23 августа» в собрании музея еще не было. Пять степеней ордена приведены первыми согласно рангу награды // Orders and decorations of all nations. Ancient and modern civil and military / Second edition by Robert Werlich. Washigton, 1974. P. 354.

² Надпись на наградах «RPR» с 1966 г. заменена на «RSR».

³ Колесников Г. А., Рожков А. М. Ордена и медали СССР. М.: Воениздат, 1978. С. 305.

⁴ ВИМАИВиВС 1ИФ 20/7853-75. Грамота к ордену № 199 от 1 октября 1974 г.

⁵ Материал об орденах Тудора Владимиреску 1–5 степеней добавлен, при написании рукописи в собрании музея был только один орден 1-й степени. Орден назван в честь руководителя Валашского восстания 1821 г. Тудора Владимиреску (1780–1821). В августе 1944 года началась Ясско-Кишиневская операция, открывшая Красной армии дорогу на Балканы. Вместе с частями 2-го Украинского фронта действовала сформированная в СССР в 1943 г. из пленных румын 1-я румынская добровольческая дивизия имени Тудора Владимиреску. В конце августа 1944 г. Румыния стала первой страной в юго-восточной Европе, освобожденной от фашизма.

⁶ Колесников Г. А., Рожков А. М. Ордена и медали СССР. С. 295.

⁷ Материал об ордене добавлен, при написании рукописи данного ордена в коллекции еще не было // *Orders and decorations of all nations. Ancient and modern civil and military* / Second edition by Robert Werlich. P. 355.

⁸ Материал о медали добавлен, в период создания рукописи каталога медали в собрании музея не было.

⁹ Надпись на наградах RPR с 1966 г. заменена на RSR.

¹⁰ ВИМАИВиВС. 1ИФ 20/7853-76. Удостоверение к медали № 716 от 1974 г.

¹¹ Колесников Г. А., Рожков А. М. Ордена и медали СССР. С. 305.

Сведения об авторах

Белогубцева Надежда Ивановна – старший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее – ВИМАИВиВС)

Вревская Наталия Александровна – научный сотрудник ВИМАИВиВС (до 2024 г.), ныне – сотрудник Российской национальной библиотеки

Галюкевич Александра Павловна – научный сотрудник ВИМАИВиВС

Громов Андрей Владимирович – старший научный сотрудник ВИМАИВиВС

Ефимов Сергей Владимирович – заместитель директора ВИМАИВиВС, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации

Ильина Татьяна Николаевна – старший научный сотрудник ВИМАИВиВС, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации

Иноземцева Наталья Юрьевна – младший научный сотрудник ВИМАИВиВС

Кириленко Елена Юрьевна – начальник отдела ВИМАИВиВС (до 2020 г.)

Митяев Александр Николаевич – начальник отдела ВИМАИВиВС (до 2003 г.)

Незговорова Валерия Вадимовна – старший научный сотрудник ВИМАИВиВС

Низовский Андрей Юрьевич – писатель, историк, архивист, член Союза писателей России

Оводков Никита Алексеевич – старший научный сотрудник ВИМАИВиВС

Панкратов Александр Германович – младший научный сотрудник ВИМАИВиВС

Рудакова Людмила Петровна – научный сотрудник
ВИМАИВиВС

Строкин Сергей Иванович – начальник отдела ВИМАИВиВС,
кандидат военных наук

Тимофеева Римма Александровна – доцент Санкт-Петербург-
ского государственного университета промышленных технологий
и дизайна, кандидат искусствоведения

Тягур Михаил Игоревич – научный сотрудник ВИМАИВиВС,
кандидат исторических наук

Чумак Руслан Николаевич – начальник отдела ВИМАИВиВС,
кандидат технических наук

Шевелева Елизавета Николаевна – старший научный сотруд-
ник ВИМАИВиВС (до 2000 г.)

Содержание

I. Исследования

<i>Галюкевич А. П.</i> Сотрудничество партизанских врачей и местного населения в период Великой Отечественной войны	4
<i>Громов А. В.</i> О подражаниях «шуваловской» артиллерии в западноевропейских странах: реальность и мифология (обзор материальной части).....	13
<i>Ефимов С. В.</i> Посмертная память о Петре Великом.....	34
<i>Низовский А. Ю.</i> Памятники конным батареям Гвардейской артиллерийской бригады на Бородинском поле.....	65
<i>Рудакова Л. П.</i> Плавающая выставка трофеев Первой мировой	76
<i>Рудакова Л. П.</i> Польский плен 1920–1921 гг. и дальнейшая военная карьера полковника Георгия Тимофеевича Баранова	89
<i>Строкин С. И.</i> Табельные наплавные средства Красной армии в Великой Отечественной войне.....	101
<i>Тягур М. И.</i> Британская и германская ПВО в 1940–1941 гг. глазами советских военных	111
<i>Чумак Р. Н., Тимофеева Р. А.</i> Разработка 6,5-мм винтовочного патрона уменьшенной мощности и автомата-карабина 1936 года под него по тактико-техническим требованиям В. Г. Федорова.....	129

II. Коллекции

<i>Белозубцева Н. И.</i> Первая мировая война 1914–1918. Персидский участок Кавказского фронта в фотографиях Трофейной комиссии	150
<i>Вревская Н. А.</i> Фотографии барона Ипполита Борисовича Вревского в собрании ВИМАИВиВС	162
<i>Ильина Т. Н., Митяев А. Н.</i> Пушки В. С. Барановского история создания. Каталог коллекции. Часть III (продолжение)	170
<i>Иноземцева Н. Ю., Чумак Р. Н.</i> Русские издания, возвращенные из Германии после Второй мировой войны, и немецкие трофейные брошюры из книжного фонда ВИМАИВиВС	201
<i>Незговорова В. В.</i> Офицерское собрание лейб-гвардии Саперного батальона в начале XX века	210
<i>Оводков Н. А.</i> Пара дуэльных пистолетов будущего генерал- губернатора Западной Сибири И. А. Вельяминова (1771–1837) в собрании ВИМАИВиВС	228
<i>Панкратов А. Г.</i> Колчан-кивер для стрел арбалета из зала «Оружие Западной Европы XV–XVII вв.»	237
<i>Шевелева Е. Н., Кириленко Е. Ю.</i> Награды Социалистической Республики Румыния	258
<i>Сведения об авторах</i>	272

Научное издание

**Сборник
исследований и материалов
Военно-исторического музея
артиллерии, инженерных войск
и войск связи**

Выпуск тринадцатый

Руководитель редакционной группы: *Е. Г. Игнатьева*
Научный редактор: *Н. В. Медведев*
Художник: *Н. Ю. Якубовская*
Верстка, дизайн: *А. В. Барашев*

Подписано в печать 27.12.2024.
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 18,5.
Бумага офсетная. Гарнитура PeterburgC.

ФГБУ «ВИМАИВиВС» МО РФ.
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.

Отпечатано в ООО «Издательско-полиграфическая компания "НП-Принт"».
190020, Санкт-Петербург, набережная Обводного канала, д. 199-201, лит. П.
Тел. (812) 611-11-07, www.npprint.com

